

Проф. Д. И. Багалъй.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(по неизданнымъ матеріаламъ).

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТОВЪ И ПЛАНОВЪ.

Томъ 2-й

(съ 1815 по 1835 годъ).

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья

1904.

Проф. Д. И. Багалъй.

34

ОПЫТЪ ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(по неизданнымъ матеріаламъ).

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТОВЪ И ПЛАНОВЪ.

Томъ 2-й

(съ 1815 по 1835 годъ).

ХАРЬКОВЪ.

Первая Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья
Рыбная улица, домъ № 30-й.

1904.

Пробсерено
ЦНБ
1939

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать и выпустить въ свѣтъ
разрѣшается. Харьковъ, 11 сентября 1904 года.

Ректоръ Университета *Н. Куплевскій.*

Императорскому

Харьковскому Университету

къ столѣтнему юбилею (17 января 1905 года)

*Этотъ трудъ посвящаетъ
признательный авторъ.*

Оглавление.

	<i>Стр.</i>
Введение	1—4
Планъ, источники, пособія, характеръ труда.	
1-я глава. <i>Университетское самоуправленіе</i>	4—373
<p>Внутренній переломъ въ Императорѣ Александрѣ. Реакція при министрѣ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынѣ, А. С. Шишковѣ; кн. К. А. Ливенѣ; А. С. Уваровѣ и его время. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа гр. С. О. Потоцкій (1815—1817) и его отношеніе къ Харьковскому университету. Удаленіе проф. И. Е. Шада. Увольненіе адъюнкта Болгаревскаго. Попечитель З. Я. Кариѣвъ (1817—1822) и насажденіе имъ мистицизма и піэтизма въ Харьковскомъ универ- ситетѣ. Библейское общество; удаленіе ректора и про- фессора Т. Ѳ. Осиповскаго. Попечитель Е. В. Кариѣвъ (1822—1825) и отношеніе его къ Харьковскому уни- верситету. Попечитель А. А. Перовскій (1825—1830); данная ему мин. Шишковымъ инструкція; характеръ его дѣятельности и отношеніе къ университету и уни- верситетскому самоуправленію. Попечитель В. И. Фи- латьевъ (1830—1834); отношеніе къ университету; до- ность на него министру; удаленіе отъ должности про- фессора и архитектора Васильева; доносъ на Харьков- скій университетъ проф. А. С. Венедиктова; ректор- ство Н. И. Еллинскаго и дѣло проф. Брандейса; по- мощникъ попечителя гр. А. Н. Панинъ. Попечитель гр. Ю. А. Головкинъ (1834—1835); его отношеніе къ университету; проекты реформъ попечителя, его по- мощника и ректора Кроненберга; смута, вызванная дѣ- ломъ проф. Венедиктова. Удары, нанесенные универ- ситетскому самоуправленію. Выборы въ совѣтъ препода- вателей и назначеніе ихъ министерствомъ; выборы въ другія должности; общій ходъ дѣятельности совѣта; дѣятельность цензурнаго комитета.</p>	

2-я глава. Матеріальныя средства, строительная дѣятельность и учебно-вспомогательныя учрежденія университета 374—485

Штатныя суммы. Строительная дѣятельность университета и вопросъ о переводѣ его въ Новгородъ-Сѣверскъ. Университетская церковь, Библіотека и ея студентскій отдѣлъ. Книжный магазинъ. Типографія. Нумизматическій кабинетъ. Физическій кабинетъ. Астрономическій кабинетъ и обсерваторія. Математическій кабинетъ. Технологическій кабинетъ. Кабинетъ рѣдкостей. Химическая лабораторія. Зоологическій кабинетъ. Минералогическій кабинетъ. Ботанический кабинетъ. Ботанический садъ. Анатомическій театръ. Фармацевтическая лабораторія. Терапевтический институтъ. Хирургическій институтъ. Акушерскій институтъ. Кабинетъ рисованія и живописи.

3-я глава. Научно-преподавательская дѣятельность и бытъ профессоровъ . . . . . 486—849

Біографическія данныя о профессорахъ Харьковскаго университета до опредѣленія ихъ на службу въ университетъ. Заграничныя командировки Затеplinскаго, Черняева и Гнѣдича. Автобіографія Т. Θ. Степанова до назначенія его адъюнктомъ. Полнота преподаванія. Курсы преподавателей. Отзывы современниковъ о профессорскихъ лекціяхъ. Вопросъ о раздѣленіи физико-математическаго факультета на 2 отдѣленія и о преподавательскихъ курсахъ; институтъ гражданскихъ чиновниковъ, педагогическій и экзаменаціонный комитетъ. Ученыя промоціи. Командировки для ученой подготовки и съ ученою цѣлью. Научная дѣятельность профессоровъ. Диссертациі на ученыя степени. Распространеніе сочиненій въ обществѣ. Мѣстныя изслѣдованія. Отзывъ помощника попечителя гр. А. С. Панина объ ученой „летаргіи“ Харьковскаго университета. Общество наукъ. Журналы, издававшіеся университетомъ и при его содѣйствіи. Матеріальное положеніе профессоровъ. Бытъ, нравы и нравственное вліяніе профессорской коллегии. Воздѣйствіе на мѣстную среду.

4-я глава. Студенты . . . . . 849—1017

Поступленіе въ студенты и вступительные экзамены. Статистическія данныя о числѣ студентовъ и

распредѣленіе ихъ по факультетамъ. Занятія студентовъ. Число окончившихъ курсъ. Студенческія организаціи. Научно-литературные труды студентовъ. Правила, регулировавшія студенческую дисциплину. Проступки отдѣльныхъ студентовъ и наказанія за нихъ. Студенческія „исторіи“.

5-я глава. Роль университета въ дѣль развитія среднего и низшаго народнаго образованія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ . . . . . 1018—1100

Мѣропріятія министерства народнаго просвѣщенія относительно средняго и низшаго народнаго образованія съ 1815 по 1835 годъ. Лишеніе университетовъ права завѣдывать училищами, въ ихъ округѣ находящимися. Дѣятельность Харьковскаго училищнаго комитета въ 1816, 1827 и 1828 г. Отчеты визитаторовъ. Выборъ учебной администраціи и другія стороны дѣятельности училищнаго комитета. Статистическія данныя объ учебныхъ заведеніяхъ Харьковскаго округа за 1815, 1818, 1823, 1824, 1828, 1830 и 1834 годы. Состояніе училищъ, по ревизіи попечителя З. Я. Карпѣва. Зеньковское уѣздное училище и Полтавская гимназія по воспоминаніямъ С. Л. Геевского. Косвенное вліяніе Харьковскаго университета на училища. Вопросъ о подготовкѣ университетомъ наставниковъ для школъ и образовательный цензъ ихъ педагогическаго персонала. Отношеніе къ Харьковскому университету подвѣдомственныхъ ему учителей, по запискамъ Сбитнева.

Заключеніе	1101—1104
Прибавленіе	1105—1122
Указатель именъ къ 1 и 2 тому	1123—1136
Рисунки.	

Объясненіе рисунковъ.

Группа попечителей. Портреты двухъ Карпьевыхъ и Головкина сняты съ портретовъ ихъ, исполненныхъ масляными красками и принадлежащихъ музею изящныхъ искусствъ Харьковскаго университета; портретъ Перовскаго снятъ съ гравюры проф. Мата, помѣщенной въ „Истор. Вѣстникъ“ при статьѣ о Перовскомъ проф. Кирпичникова; портретъ Филатьева—съ литографированнаго портрета его, принадлежащаго университетскому музею.

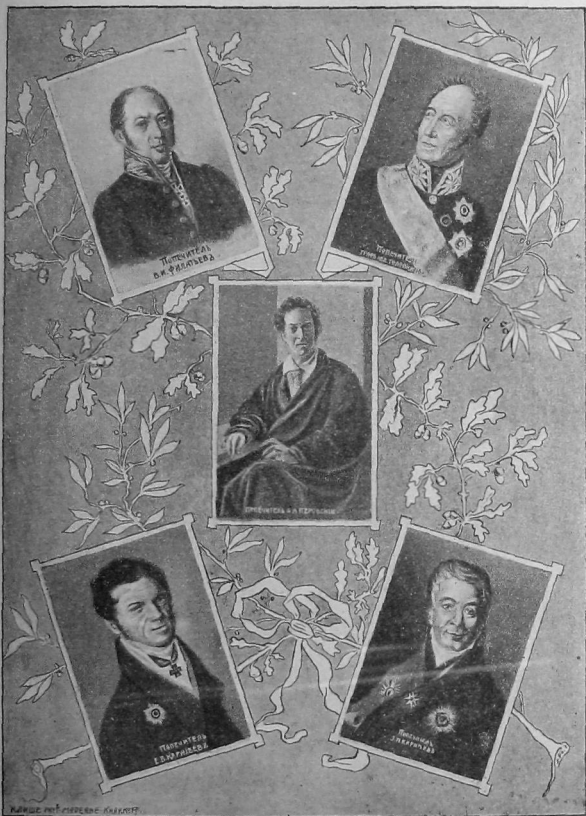
Группа профессоровъ. Портретъ Осиповскаго снятъ съ его портрета, исполненнаго масляными красками и принадлежащаго Харьковскому университету; портретъ Цавловскаго—съ маслянаго портрета его, реставрированнаго художникомъ Уваровымъ; портретъ Тимковскаго—съ фототипіи, помѣщенной въ журналъ „Кіевская Старина“ снятой съ маслянаго портрета его, принадлежащаго Новгородъ-Ольверской гимназіи; портретъ Артемовскаго-Гулака—съ акварельнаго портрета, принадлежащаго его вѣвку; портретъ Т. Ѳ. Степанова—съ дагерротипа, принадлежащаго его сыну проф. П. Т. Степанову; портретъ Кривницкаго—съ карандашнаго портрета, принадлежащаго минералогическому кабинету; Пауловича—съ современнаго гипсоваго бюста, исполненнаго съ натуры; Венедиктова—съ фототипіи, помѣщенной при біографіи его въ „Запискахъ Харьковскаго университета“, Е. С. Гордѣенка—съ фототипіи, воспроизводящей его фотографическую карточку, Елчинаго, Червяева—съ ихъ фотографій.

Группа студентовъ. Портретъ Костомарова снятъ съ данной имъ имъ карточки начала 80-хъ годовъ; Д. Хрущова—съ карточки, доставленной имъ его сыномъ Н. Д. Хрущовымъ и снятой съ акварели, сдѣланной, по семейнымъ воспоминаніямъ, нѣсколько лѣтъ спустя по окончаніи имъ курса въ Харьковскомъ университетѣ; портретъ В. И. Григоровича (извѣстнаго слависта)—съ фототипіи, воспроизводящей его фотографическую карточку въ бытность профессоромъ Новороссійскаго университета; портретъ Остроградскаго (знаменитаго математика)—съ фотографической карточки Полтавскаго кружка любителей физико-математическихъ наукъ; портретъ Ѳ. Иноземцева—съ фотографической карточки, доставленной его родственникомъ б. старшимъ нотаріусомъ Харьковскаго окружнаго суда г. Иноземцевымъ; портретъ Гевлича (впоследствии сенатора)—съ его карточки, доставленной пр.-доц. М. А. Масловымъ.

Зданія. Всѣ планы и фасады сняты съ подлинныхъ плановъ и фасадовъ, принадлежащихъ Харьковскому университету, въ сильно уменьшенномъ масштабѣ.

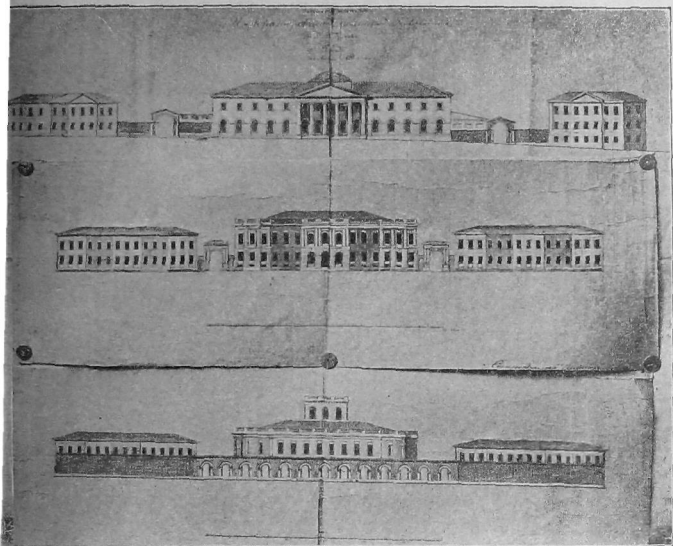
Памятники. Виды памятниковъ надъ могилами ректоровъ Рижскаго и Дудровича сняты, по поимъ указаніямъ, съ натуры фотографомъ Иваницкимъ, который дѣлалъ вообще всѣ фотографическіе снимки.

Часть фотоцинкографій исполнена въ Кіевѣ въ фототипіи Кульженка, другая—въ Москвѣ въ фототипіи Шереръ и Набольтъ, а остальные—въ Харьковѣ въ „Photographie Moderne“.

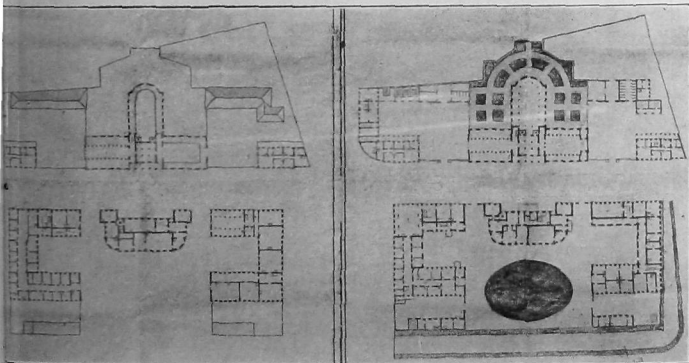

Попечители Харьковскаго Учебнаго Округа—З. Я. Карнѣевъ, Е. В. Карнѣевъ,
А. А. Перовскій, В. И. Филатовъ и гр. Ю. А. Головкинъ.

Фасады зданий Харьковского университета до 1835 года.

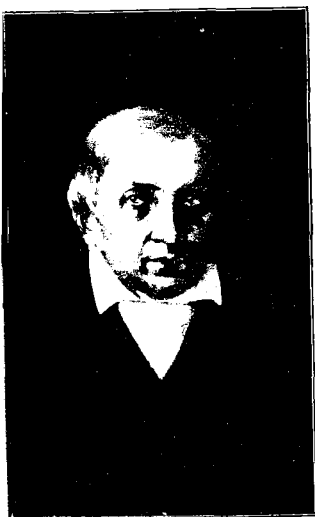
Планы зданий Харьковского университета до 1835 года.

Ректоръ Т. О. Осиповскій.

Ректоръ Н. Н. Ешченій.

Ректоръ А. А. Челпановскій.

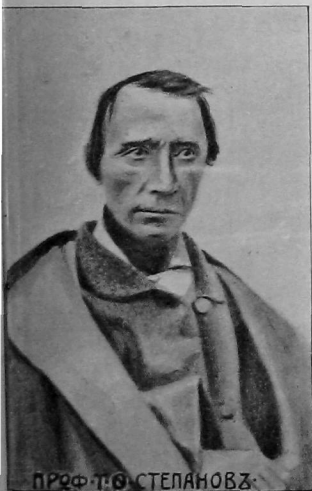
Проф. (а впоследствии ректоръ) П. П. Гулакъ-Артемовскій.

Проф. И. О. Тимковскій.

Проф. В. М. Черняевъ.

Проф. Т. О. Степановъ.

Проф. А. С. Венедиктовъ.

ПРОФ. ЕС ГОРДИВЕНКО.

Проф. Е. С. Гордѣнко.

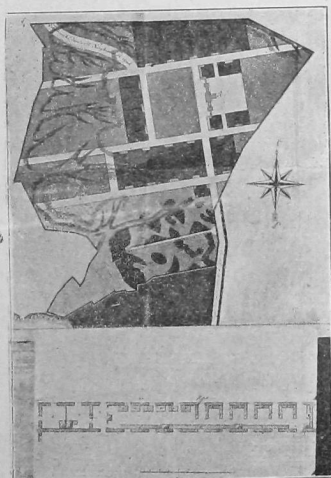
КЛИШЕ-ФОТО МОДЕКА

Проф. И. А. Кривицкій.

К. П. ПАВЛОВИЧ

Проф. К. П. Павлович.

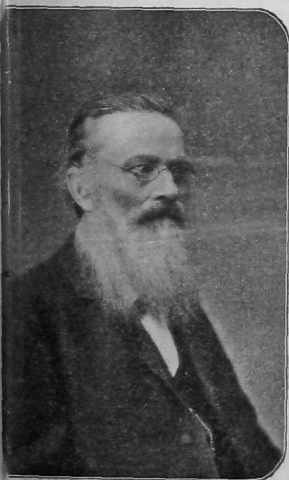
Планъ университетской земли на Сумской ул.
и типографіи.

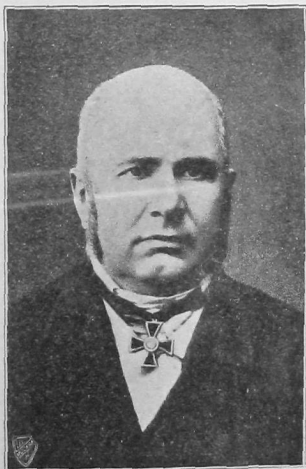
Бывшій студентъ Харьк. Универ. Д. Хрущевъ.

Бывшій студентъ Харьк. Универ. А. Гевличъ.

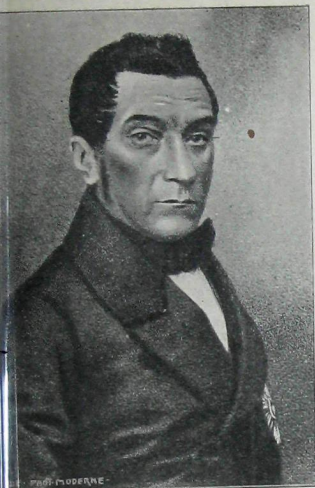

Бывшій студентъ Харьк. Универ. П. Н. Костомаровъ.

Бывшій студентъ Харьк. Универ. В. И. Григоровичъ.

Бывший студент Харьк. Универ.
О. И. Иноземцевъ.

Бывший студент Харьк. Универ. знаменитый
математикъ М. В. Остроградскій.

Надгробный памятникъ 1-го ректора
Н. С. Рыковаго.

Надгробный памятникъ ректора
А. И. Дудровича.

ВВЕДЕНІЕ.

2-й томъ „Опыта исторіи Харьковскаго университета“ будетъ обнимать періодъ съ 1815 по 1835 годъ включительно, т. е. будетъ доведенъ до изданія 2-го общаго устава россійскихъ университетовъ; 3-й томъ захватитъ время дѣйствія устава 1835 года и четвертый— 1863 года; весь трудъ, такимъ образомъ, будетъ законченъ 1883-мъ годомъ. Раздѣлить время дѣйствія устава 1804 года на два періода и посвятить имъ 2 тома труда побудили меня съ одной стороны желаніе освѣтить какъ можно ярче первые шаги въ дѣятельности университета, а съ другой рѣзкая разница въ отношеніи къ просвѣтительной дѣятельности университетовъ правительства въ началѣ и во второй половинѣ царствованія императора Александра. Планъ нынѣшней работы тотъ-же, что и въ 1-мъ томѣ; не будутъ только, конечно, повторяться первыя двѣ главы, относящіяся ко всему сочиненію въ его полномъ объемѣ (о культурномъ состояніи Харьковскаго края до открытія университета и объ открытіи его). Не отступаю отъ своего прежняго плана и соотвѣтствующаго ему дѣленія на главы, хотя онъ встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны одного изъ рецензентовъ моего труда— г. С., помѣстившаго свой разборъ въ ноябрьской книжкѣ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1899 годъ; меня не убѣдили доводы моего критика— и я подвергъ ихъ полному и всестороннему разбору въ особой статьѣ, которая должна будетъ появиться въ одномъ изъ нашихъ специальныхъ научныхъ журналовъ. Другіе рецензенты не возражали противъ плана сочиненія. Отзывъ, на основаніи котораго Императорская Академія Наукъ присудила мнѣ Уваровскую премію, еще не напечатанъ; онъ принадлежитъ г. Вс. Из. Срезневскому. Имѣю возможность придать и 2-му тому столь же широкія рамки, какъ и 1-му, потому что и для него располагаю весьма обильными источниками. Въ основу его также, какъ и 1-го, будетъ положенъ документальный матеріалъ, извлеченный изъ университетскаго архива и архива Министерства Народнаго Просвѣщенія; въ этомъ послѣднемъ хранилищѣ мною найдено многое такое,

чего я не могъ отыскать въ университетскомъ архивѣ, хотя, вообще говоря, въ послѣднемъ гораздо больше матеріаловъ, чѣмъ въ первомъ; одинъ архивъ восполняетъ пробѣлы другого, а оба въ совокупности даютъ огромную массу положительныхъ данныхъ для исторіи университета. Данные эти не изданы—и потому приходится, *volens-nolens*, вносить ихъ въ текстъ сочиненія или его примѣчанія, хотя это можетъ вызвать указаніе критики на обиліе сырого матеріала въ книгѣ. Но спрашивается: можетъ ли быть иначе, когда мнѣ одному нужно создавать въ одно и то же время и *фактическое содержаніе* „Опыта“, и дѣлать оцѣнку явленій, и разрѣшать темные или спорные вопросы, т. е. иными словами, давать впервые и историческое повѣствованіе, и критическое изслѣдованіе? Соединеніе въ одномъ трудѣ цѣлей, такъ сказать, археографическихъ и чисто историческихъ представляетъ несомнѣнно неудобства и для читателей, и для автора; но что же дѣлать, если я не могъ выдѣлить документовъ въ особое приложение, если я не могъ отсылать читателя за подробностями къ особымъ печатнымъ сборникамъ сырыхъ матеріаловъ? Впрочемъ нѣкоторые отдѣлы моего труда и по существу не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *описаніемъ*, т. е. систематическою сводкою сырого матеріала (напримѣръ, глава объ учебновспомогательныхъ учрежденіяхъ, или біографическія свѣдѣнія о профессорахъ, списки ихъ ученыхъ трудовъ и многое другое). И я могу здѣсь снова повторить то, что высказалъ въ предисловіи къ 1-му тому: „въ большинствѣ случаевъ факты сами будутъ говорить за себя; моя обязанность будетъ заключаться главнымъ образомъ въ группировкѣ и освѣщеніи ихъ; выводы же должны являться, какъ необходимое логическое послѣдствіе этихъ фактическихъ данныхъ“. Но при этомъ, гдѣ это окажется возможнымъ и необходимымъ, я не буду уклоняться ни отъ критическаго разбора фактовъ и мнѣній, ни отъ оцѣнки самихъ событий и дѣятелей, ни отъ обобщеній; хотя предвижу, что во 2-мъ томѣ еще въ большей степени, чѣмъ въ 1-мъ, мнѣ придется идти „неготовыми путями“. Количество свѣдѣній „частнаго, неофициальнаго“ происхожденія, столь важныхъ для оцѣнки дѣятелей, для уясненія ихъ характера и побужденій, для даннаго періода времени оказывается менѣе значительнымъ, чѣмъ для предъидущей эпохи; да и въ качественномъ отношеніи эти источники далеко уступаютъ прежнимъ; для этого времени у насъ, напримѣръ, вовсе нѣтъ такого мемуариста, какъ Роммель. Къ сожалѣнію, мое печатное обращеніе къ лицамъ, могущимъ сообщить какіе либо мемуары, замѣтки касательно стараго университетскаго харьковскаго быта, пока не имѣло практическихъ послѣдствій. Тѣмъ съ большею благодарностью я долженъ упомянуть здѣсь о руко-

писныхъ воспоминанійхъ бывшаго студента Харьковскаго университета Д. П. Хрущова, относящихся къ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ и любезно предоставленныхъ въ мое распоряженіе сыномъ автора, извѣстнымъ ученымъ, докторомъ химіи — Павломъ Дмитріевичемъ Хрущовымъ. Тоже самое нужно сказать и относительно пособій; здѣсь вовсе нѣтъ такихъ общихъ работъ, каковыми являлись для исторіи перваго десятилѣтія труды Н. А. Лавровскаго, М. И. Сухомлинова, Рославскаго-Петровскаго; печатная литература нынѣ изображаемаго нами періода исчерпывается только статьями Чирикова и И. П. Щелкова объ Осиповскомъ, З. Карнѣевъ, г-жи С. Р. и В. И. Срезневскаго—о харьковской журналистикѣ, Фойгта и Чирикова объ учебновспомогательныхъ учрежденіяхъ университета и сочиненіяхъ, печатавшихся въ Харьковѣ, проф. А. С. Лебедева, Г. В. Левицкаго и М. А. Попова—о проф. Могилевскомъ, Затеplinскомъ, Венедиктовѣ. Работы послѣднихъ трехъ авторовъ появились недавно въ „Запискахъ Харьковскаго университета“ и представляютъ изъ себя очерки по исторіи кафедръ богословія, астрономіи и анатоміи. Нельзя не пожелать, чтобы подобные очерки были составлены по *всѣмъ* кафедрамъ, ибо въ совокупности своей они дадутъ намъ біографическій словарь профессоровъ Харьковскаго университета. „Словарь“ можетъ быть составленъ только дружными соединенными усиліями нынѣшнихъ преподавателей университета, и времени на эту работу осталось уже не много: столѣтній юбилей уже не за горами—а двигаются подобные труды очень медленно. Я на 1-й томъ своей исторіи университета употребилъ гораздо больше времени, чѣмъ разсчитывалъ—а именно 6 лѣтъ. Взять на себя составленіе біографическаго словаря я не могу и уже въ 1893 году, въ особой замѣткѣ, помѣщенной во 2-й кн. „Записокъ Харьковскаго университета“ предлагалъ осуществить этотъ необходимый трудъ „viribus unitis“¹⁾. Только при составленіи біографическихъ очерковъ специалистами возможна будетъ и правильная всесторонняя оцѣнка преподавательской и научной дѣятельности нынѣ покойныхъ профессоровъ, которымъ мы обязаны воздать этотъ нравственный долгъ, осуществить священное для всѣхъ насъ *jus tanti*. Не имѣя же подобныхъ матеріаловъ, я въ 1-мъ томѣ долженъ былъ обращаться къ товарищамъ—профессорамъ съ просьбою

¹⁾ Въ настоящее время мною внесена въ Совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета подробная мотивированная записка о необходимости трехъ юбилейныхъ изданій: 1) общей исторіи университета, 2) біографическаго словаря и 3) историко-статистической записки объ ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета.

давать свои заключенія о значеніи ученыхъ трудовъ нѣкоторыхъ профессоровъ изъ исторіи перваго десятилѣтія. Думаю, что составленіе „Опыта“ и „Словаря“ можетъ идти теперь параллельно; въ первомъ томѣ я сообщилъ не мало данныхъ для біографій дѣятелей 1-го десятилѣтія—остается сгруппировать разбросанный въ разныхъ мѣстахъ моей книги матеріалъ, дополнить и проверить его новыми источниками—печатными и архивными, а за тѣмъ перейти и ко второму періоду: здѣсь я снова дамъ общую руководящую канву (списокъ преподавателей и данные объ ихъ дѣятельности и характерѣ)—и въ свою очередь позаимствую критико-библіографическія данныя отъ своихъ уважаемыхъ коллегъ специалистовъ. Не могу не вспомнить здѣсь того удовольствія и пользы, какую я получалъ отъ чтенія прекрасныхъ изслѣдованій акад. М. И. Сухомлинова о Рижскомъ или проф. О. А. Зеленогорскаго о значеніи философскихъ трудовъ Шада и мѣстѣ, занимаемомъ ими въ исторіи тогдашней философіи, не могу не выразить еще разъ глубокой признательности за разслѣдованія, доставленныя мнѣ моими товарищами—проф. Шимковымъ, Лагермаркомъ, Халайскимъ, Лейкфельдомъ о Стойковичѣ, Гизе, Рижскомъ, Шадѣ. Размѣры перваго тома моего труда далеко превысили первоначально намѣченную норму и разрослись до 1200 страницъ, т. е. до 75 печатныхъ листовъ. Очень желалъ бы, чтобы 2-й томъ оказался значительно меньше перваго и рассчитываю на это хотя бы уже потому, что вмѣсто 8 главъ теперь у меня будетъ только 6 и многого не придется вовсе касаться въ виду того, что о немъ уже сказано было въ 1-мъ томѣ; хотѣлъ бы ко дню юбилея выпустить въ свѣтъ три тома своего труда. Впрочемъ, если мнѣ не удастся осуществить этого, ибо *ars longa—vita brevis*,—то я надѣюсь все таки, что найдутся другіе, которые возьмутъ на себя трудъ окончить начатое мною, съ тѣмъ чтобы воздвигнуть Харьковскому университету памятникъ, достойный его столѣтняго служенія просвѣщенію.

1-я ГЛАВА.

Университетское самоуправленіе.

Уставъ 1804 года продолжалъ дѣйствовать и въ изучаемую нами теперь эпоху вплоть до замѣны его новымъ въ 1835 году. Но характеръ университетскаго управленія и самоуправления въ это время значительно, можно сказать, рѣзко измѣняется въ связи съ измѣненіемъ

правительственныхъ взглядовъ на университеты,—на цѣли, характеръ и средства университетскаго преподаванія и науки. Мы прослѣдимъ это измѣненіе взглядовъ руководящихъ сферъ и отраженіе его въ университетской жизни и средѣ; мы остановимся прежде всего на реакціи, происшедшей въ самомъ Имп. Александрѣ и захватившей окружающую его правящую среду, затѣмъ перейдемъ къ характеристикѣ министровъ народнаго просвѣщенія въ его время, обратимся къ первому десятилѣтію царствованія Имп. Николая Павловича и его министрамъ, остановимся возможно подробнѣе на отношеніи къ университету мѣстнаго учебнаго начальства въ лицѣ попечителей округа и ректоровъ университета и наконецъ въ заключеніе сообщимъ данныя о дѣятельности совѣта, факультетовъ и правленія.

Внутренній переломъ въ самомъ Имп. Александрѣ I, въ его настроеніи и взглядахъ на общественныя явленія произошелъ подъ вліяніемъ отечественной войны 12-го года. Это было такое крупное событіе, которое глубоко затронуло русское національное чувство и захватило въ одно и тоже время и правительство, и всѣ слои общества, начиная отъ высшихъ и кончая самыми низшими—простымъ народомъ. Тяжкія народныя бѣдствія, постигшія тогда Россію, взятіе и пожаръ Москвы, не выдавшей въ своихъ стѣнахъ непріятеля послѣ поляковъ, необычайный успѣхъ новаго европейскаго завоевателя Наполеона и „судъ Божій“ на снѣжныхъ поляхъ русскихъ—все это въ совокупности вызвало у него глубокій порывъ внутренней религіозности, піэтизма на мистической подкладкѣ. „Александръ I говорилъ, что вслѣдствіе воспитанія, общаго въ то время въ высшихъ кругахъ европейскаго общества, онъ чувствовалъ душевную пустоту, но московскій пожаръ озарилъ его душу, и судъ Божій, совершившійся на поляхъ битвъ, наполнилъ сердце невѣдомою дотошъ теплотою вѣры; съ тѣхъ поръ онъ сталъ другимъ человекомъ: спасенію Европы отъ гибели онъ обязанъ своимъ собственнымъ спасеніемъ“. Глубокая религіозность заняла мѣсто прежнихъ просвѣтительныхъ и освободительныхъ тенденцій. Библія отнынѣ сдѣлалась его единственнымъ, такъ сказать, откровеніемъ: съ нею онъ никогда не разлучался, въ ней одной находилъ утѣшеніе въ минуты глубокой, безысходной тоски, которая посѣщала его теперь все чаще и чаще. Библія же сблизила его и съ такимъ піэтистомъ, какъ г-жа Криденеръ, получившая на него большое вліяніе. Вотъ свидѣтельство объ этомъ самого Александра. Послѣ нынѣшнихъ торжественныхъ пріемовъ нѣмецкихъ дворовъ онъ прибылъ въ Гейльбронъ—„и первымъ моимъ движеніемъ, говорилъ онъ Стурдзѣ, было раскрыть книгу (Библію), которая всегда со мною; но отума-

ненный разсудокъ мой не проникалъ въ смыслъ читаемаго. Мысли мои были безсвязны, сердце стѣснено. Я оставилъ книгу и думалъ, какимъ бы утѣшеніемъ была для меня въ подобную минуту бесѣда съ сочувствующимъ душевно мнѣ человѣкомъ. Эта мысль напомнила мнѣ о васъ и о томъ, что вы говорили мнѣ о г-жѣ Криденеръ, а также о желаніи, высказанномъ мною вамъ, познакомиться съ нею. Гдѣ она теперь находится, спрашивалъ я себя и какъ мнѣ повстрѣчаться съ нею? Никогда! Не успѣлъ я остановиться на этой мысли, какъ услышалъ стукъ въ дверь, это былъ князь Волконскій; съ видомъ нетерпѣнія и досады онъ сказалъ мнѣ, что поневолѣ беспокоить меня въ такой часъ только для того, чтобы отдѣлаться отъ женщины, которая настоятельно требуетъ свиданія со мною, и назвалъ г-жу Криденеръ. Вы можете судить о моемъ удивленіи! Мнѣ показалось, что это сновидѣніе. Такой внезапный отвѣтъ на мою мысль представился мнѣ не случайностью. Я принялъ ее тотчасъ же, и она, какъ бы читая въ моей душѣ, обратилась ко мнѣ съ сильными и утѣшительными словами, успокоившими тревожныя мысли, которыми я такъ давно мучился. Ея появленіе оказалось для меня благодѣяніемъ, и я далъ себѣ слово продолжать столь дорогое для меня знакомство^а. Императоръ съ того времени „исполиски пошелъ по пути религіи“. Большую часть вечеровъ онъ проводилъ у Криденеръ и открылъ ей всю скорбную повѣсть своей жизни, все сильнѣе и сильнѣе убѣждаясь въ значеніи внутренней молитвы; вотъ что говорилъ онъ одному изъ друзей г-жи Криденеръ: „когда въ совѣщаніяхъ съ министрами, далеко не имѣющими моихъ принциповъ, они оказываются противоположныхъ мнѣній, я вмѣсто того, чтобы спорить, творю внутреннюю молитву, и мало-по-малу они приближаются къ принципамъ человѣколюбія и справедливости“. Такія же мысли и чувства онъ выражалъ и въ бесѣдѣ своей съ квакерами. Императоръ Александръ I былъ несомнѣнно глубокоискрененъ въ своей религіозности: она явилась для него внутреннею потребностью, средствомъ для личнаго нравственнаго самоусовершенствованія, цѣлительнымъ бальзамомъ для его скорбной души, для его смущенной совѣсти, ощутившей необходимость освободиться отъ суеты грѣха. Но онъ былъ Государемъ, самодержавнымъ владыкою миллионовъ подданныхъ, спасителемъ Европы и вершителемъ ея судебъ, и потому многіе постарались воспользоваться его настроеніемъ; чтобы сдѣлаться ему угодными, чтобы добиться своихъ цѣлей, они показывали себя піетистами, не будучи таковыми въ дѣйствительности; вмѣсто благочестія стало развиваться лицемеріе и ханжество, особенно съ того момента, когда піетизмъ сдѣлался лозунгомъ практической политики, какъ внутри, такъ и внѣ государства, когда

его стали насаждать всяческими, по преимуществу *внѣшними* средствами, между тѣмъ какъ онъ можетъ явиться только результатомъ такого внутренняго психологическаго процесса, какой пережилъ самъ Императоръ Александръ I, или г-жа Криденеръ, изъ свѣтской тщеславной аристократки превратившаяся въ кающуюся женщину, полагавшую въ своей экзальтаціи, что самъ Богъ избралъ ее орудіемъ для религіознаго просвѣтлѣнія русскаго Императора. Чрезвычайно характерно въ этомъ отношеніи сознаніе самого Императора Александра I: „какое прекрасное и великое дѣло быть *истинно* религіознымъ человѣкомъ, а не казаться только имъ и какъ *редко* встрѣтишь такого человѣка“, говорилъ онъ нѣмецкому епископу Ейлерту.... „О, и я не сразу достигъ до великой цѣли! Мой путь къ возрожденію, вѣрьте мнѣ, шелъ черезъ многія сомнѣнія и тяжелую борьбу“; и далѣе онъ говоритъ о томъ, что святая сущность христіанства при дворѣ была для него закрыта, что онъ чувствовалъ душевную пустоту и только пожаръ Москвы и Судъ Божій на ледяныхъ поляхъ помогъ ему познать Бога; съ того момента онъ рѣшилъ посвятить себя и свое *правленіе* прославленію его имени. И это желаніе не осталось мертвою буквой: піетизмъ Государя выразился въ сферѣ международныхъ отношеній созданіемъ извѣстнаго *священнаго союза*, который „связалъ бы государей и народы братскими узами, освященными религіей и былъ бы для нихъ, какъ Евангеліе, обязателенъ по совѣсти, по чувству и по долгу“; онъ самъ былъ авторомъ этого единственнаго въ лѣтописяхъ дипломатіи акта; государи, подписавшіе его, обязались, какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ „руководствоваться заповѣдями Св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волей царей и ихъ дѣяніями“. „Итакъ, говорить Н. К. Шильдеръ, съ 1816 года Россіи предстояло вступить на новый политическій путь — апокалипсическій; отнынѣ въ дипломатическихъ документахъ, относящихся къ этой эпохѣ, вмѣсто ясно преслѣдуемыхъ политическихъ цѣлей, встрѣчаются уже темныя толкованія о гевѣ зла, побѣжденномъ Провидѣніемъ, о Глаголѣ Всевышняго, о словѣ жизни. Идеаломъ же государственныхъ дѣятелей того времени, стоявшихъ у дѣла, сдѣлалась какая-то неопредѣленная теологическо-патріархальная монархія. На Европу опускалась темная завѣса сплошной реакціи“. Дѣло въ томъ, что построить международныя отношенія, со всѣмъ разнообразіемъ ихъ интересовъ — политическихъ, промышленно-торговыхъ, умственныхъ, нравственно-религіозныхъ — на евангельской основѣ, которая всегда будетъ только высокимъ идеаломъ, значило создать уто-

цію, прекрасную, гуманную, но далекую отъ современной дѣйствительности. Не достигнувъ своей прямой цѣли, священный союзъ имѣлъ весьма важныя косвенныя послѣдствія: ближайшими результатами его было расширеніе дѣятельности Библейскихъ обществъ въ Россіи и полное преобразованіе системы народнаго просвѣщенія на основѣ религіи. Во главѣ Библейскаго общества въ Петербургѣ стоялъ министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ, который первый обратилъ Государя на путь религіознаго благочестія. Такимъ же настроеніемъ былъ проникнутъ и будущій преемникъ его по министерству народнаго просвѣщенія Шишковъ. Библейское общество было основано въ концѣ 12-го года и процвѣтало до начала двадцатыхъ годовъ. Въ немъ нашла себѣ, между прочимъ, надежный пріютъ реакція и обскурантизмъ, ибо во имя внутренней містической церкви оно боролось съ наукой и образованіемъ. Но въ концѣ концовъ и оно было заподозрѣно: на приверженцевъ его было поднято гоненіе; одинъ обскурантизмъ пострадалъ отъ другого, менѣе замысловатаго, такъ сказать, русскодоморощеннаго, представителями котораго были Аракчеевъ, архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій, митрополитъ Серафимъ, Магницкій и, наконецъ, старый консерваторъ Шишковъ. Рядомъ съ Библейскимъ обществомъ получило нѣкоторое значеніе возстановленное теперь масонство. „Въ ложахъ собирались люди самаго различнаго свойства: и дѣятели библейскаго мистицизма, мрачные обскуранты изъ старыхъ масоновъ и ихъ учениковъ, и безобидные филантропы, и представители либерализма, и люди весьма сомнительныхъ профессій, тогдашніе или будущіе доносчики и шпіоны“. Преобладало въ нихъ *мистическое* направленіе, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшее нашей полуобразованности; наиболѣе виднымъ представителемъ его былъ Лабзинъ; сюда же примыкалъ и попечитель Харьковскаго учебнаго округа З. Я. Каряевъ, бывший раньше вице-президентомъ Библейскаго общества. Въ 1822 году и масонскія ложи были запрещены. Изъ фразы или скорѣе намека, помѣщеннаго въ актѣ священнаго союза (что „въ единомъ Спасителѣ находятся всѣ сокровища любви, знанія и безконечной мудрости“), европейскіе и русскіе ревнители реакціи создали, какъ увидимъ далѣе, цѣлое ученіе, сложную систему. Важное вліяніе имѣла здѣсь также европейская реакція, созданная и поддерживавшаяся главнымъ образомъ Меттернихомъ. „Вліяніе Австріи, Меттерниха и его системы съ особенною силою тяготѣло на министерствѣ просвѣщенія вслѣдствіе того печальнаго недоразумѣнія, что университеты заподозрѣны въ революціонныхъ замыслахъ, и меттерниховскія мѣры казались самыми дѣйствительными для истребленія зла въ самомъ его корнѣ. Университетскій вопросъ былъ тогда

въ Германіи предметомъ самыхъ горячихъ споровъ; защитники либеральныхъ учрежденій должны быть замолкнутъ, розыскамъ и преслѣдованіямъ не было конца; образовалась цѣлая лига для подавленія университетской жизни и науки. Вартбургскій праздникъ, убійство Коцебу и другія явленія общественной жизни вызвали Карлсбадскія конференціи и рѣшенія Франкфуртскаго сейма, отразившіяся черною полосою и на судьбѣ русскихъ университетовъ“. Подъ предлогомъ искорененія революціонныхъ и демагогическихъ идей и мечтательныхъ теорій были приняты теперь чрезвычайныя мѣры по отношенію къ университетамъ; все это нашло отраженіе себѣ и въ Россіи.

Членъ русскаго главнаго правленія училищъ дипломатъ Стурдза издалъ въ Германіи брошюру, гдѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изобразилъ состояніе нѣмецкихъ университетовъ и предложилъ для искорененія зла либерализма такія мѣры, которыя вызвали негодованіе людей самаго умѣреннаго образа мыслей, даже вѣрившихъ въ силу священнаго союза; „они говорили, что отъ подобныхъ мѣръ одинъ шагъ до приказанія проходить науки отъ слова до слова по учебникамъ, навязаннымъ силою, за которыми бы нослѣдовало изображеніе англичанами читательныхъ машинъ вмѣсто профессоровъ, тогда навѣрно уже не было бы ни либеральныхъ лекцій, ни студентскихъ волненій, ни Вартбургскихъ праздниковъ“. А между тѣмъ то, что говорилъ Стурдза, было ничто въ сравненіи съ громами, съ которыми обрушивался на университеты знаменитый своею печальною славой Магницкій. „Тотъ самый духъ, говорилъ онъ въ ученомъ комитетѣ, который у Юсіфа II подъ личиною филантропіи; у Фридерика, Вольтера, Руссо и энциклопедиковъ подъ скромнымъ плащомъ философизма; въ царствованіе Робеспьера подъ красною шапкою свободы; у Бонапарте подъ трехцвѣтнымъ перомъ консула и, наконецъ, въ коронѣ императорской—искалъ овладѣть вселенною, низвергнуть алтари Господни и престолы законныхъ государей, спустить съ цѣпи всѣ страсти падшаго челоуѣка и преобразить землю въ адъ; тотъ самый духъ нынѣ, съ трактатами философій и съ хартіями конституцій въ рукѣ, поставилъ престолъ свой на западѣ и хочетъ быть равенъ Богу. Доколѣ по окровавленной Европѣ, какъ орды дикихъ, устремлялись народы просвѣщенные одинъ на другого; доколѣ лилась кровь рѣками и адская политика прикрывала именемъ мира только отдыхъ свой для новыхъ жесточайшихъ разрушеній, духъ злобы оставался со всѣхъ другихъ сторонъ покойнымъ. Но когда водворился общій миръ, когда миръ сей запечатлѣнъ именемъ Іисуса, когда государи европейскіе сами поставили себя въ невозможность его нарушить, взволновались университеты, явились изступленные безумцы, требующіе смерти,

труповъ, ада!... „Прочь алтари, прочь государи, смерть и адъ надобны“—
 вопіють уже во многихъ странахъ Европы. Какъ не узнать, чей это
 голосъ. Самъ князь тьмы видимо подступилъ къ намъ; рѣдѣтъ завѣса,
 его закрывавшая, и, вѣроятно, скоро уже расторгнется. Последнее сіе,
 можетъ быть, его нападеніе на насъ есть ужаснѣйшее, ибо оно духов-
 ное. Отъ одного конца міра до другого сообщается оно невидимо и
 быстро, какъ ударъ электрическій, и неожиданно все приводитъ въ по-
 трясеніе. Слово человѣческое есть проводникъ сей адской силы, книго-
 печатаніе — орудіе его; профессеры безбожныхъ университетовъ пере-
 даютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчаст-
 ному юношеству, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ и кинжалъ
 Лувеля можетъ заблестать надъ священною главою каждаго помазани-
 ника.... Счастлива была бы Россія, ежели бы можно было такъ огра-
 дить ее отъ Европы, чтобы и слухъ происходящихъ тамъ неистовствъ
 не достигалъ до нея... Благоразумная цензура, соединенная съ утвер-
 жденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ, есть единый оплотъ безднѣ,
 затопляющей Европу невѣріемъ и развратомъ“. Здѣсь, какъ мы видимъ,
 либеральный гуманизмъ императора Іосифа и философствованіе Фридриха
 Великаго рѣшительнымъ образомъ отождествляются съ самой ярой анар-
 хіей и цареубійствомъ; чтобы быть послѣдовательнымъ, Магницкому оста-
 валось одно—помѣстить въ число разрушителей рядомъ съ Фридрихомъ
 и философствовавшую Екатерину Великую. Спрашивается: можно ли
 было идти далѣе по пути столь возмутительнаго извращенія истины въ
 отношеніи къ полезной просвѣтительной дѣятельности университетовъ?
 И, однако, Магницкій не только говорилъ, но и дѣйствовалъ въ такомъ
 духѣ! Отожествивъ скромное научное изслѣдованіе съ якобинствомъ,
 онъ съ энергіей, достойной лучшей участи, принялся искоренять его
 въ Казанскомъ университетѣ и насаждать просвѣщеніе на новыхъ яко-
 бы-христіанскихъ началахъ, хотя христіанство служило только прикры-
 тіемъ его собственнаго обскурантизма и жестокости. Русскій министръ
 иностранныхъ дѣлъ, желая во имя священнаго союза, оказать содѣй-
 ствіе Карлсбадскимъ и Франкфуртскимъ постановленіямъ, вошелъ въ ко-
 митетъ министровъ съ представленіемъ, въ которомъ предлагалъ мѣры
 къ прекращенію поступленія остзейскаго юношества въ Гейдельбергскій
 университетъ, „считающійся, какъ онъ писалъ, въ настоящее время
 опаснѣйшимъ во всей Германіи, съ одной стороны, по вольнодумству
 тамошнихъ наставниковъ, поучающихъ всѣмъ мятежнымъ правиламъ и
 проповѣдующихъ самое невѣріе, а съ другой—по духу буйства и раз-
 вращенія, поселившагося между питомцами“. Комитетъ министровъ,
 исходя изъ той мысли, что и въ другихъ германскихъ университетахъ

царить тайно такой же духъ мятежа и нечестія, постановилъ вытребовать изъ всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ русскихъ студентовъ. Французскіе католическіе университеты, въ противоположность нѣмецкимъ, вызываютъ теперь сочувствіе главнаго правленія училищъ, ибо въ нихъ царилъ клерикализмъ и самая суровая дисциплина. „Въ 6 час. утра, по первому удару колокола, входилъ въ спальную студентовъ ихъ инспекторъ, привѣтствуя ихъ словами: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу; они отвѣчали: аминь. Затѣмъ ударилъ второй звонокъ: прилежнѣйшіе шли въ домашнюю церковь и тамъ въ молчаніи, на колѣняхъ передъ алтаремъ молились. По третьему звонку всѣ студенты входили въ аудиторию по два въ рядъ и читали вслухъ: помилуй мя, Боже! Каждый профессоръ передъ началомъ своей лекціи становился на кафедрѣ на колѣни и призывалъ на себя и слушателей своихъ небеснаго духа премудрости и разума... При выборѣ преподавателей предписано руководствоваться ихъ религіозностью и тѣмъ изъ наставниковъ, которыхъ начальство признавало особенно достойными по ихъ педагогическимъ способностямъ и набожности, выдавались золотыя медали“. Магницкій, въ своей реформаторско-разрушительной дѣятельности многое позаимствовалъ изъ этой системы и прямо ссылаясь на нее, какъ на такую, какая должна быть введена въ Россіи вмѣсто господствовавшей дотошъ нѣмецко-протестантской. Такимъ же идеаломъ для обскурантовъ служила Австрія, гдѣ такъ успѣшно дѣйствовала Меттернихъ.

Итакъ, европейская реакція нашла себѣ благопріятную почву въ Россіи второй половины царствованія Императора Александра I; она многими путями дѣйствовала на Государя. Форма „полицейскаго государства“, созданная германскими и австрійскими реакціонерами, стала примѣняться и къ намъ, къ нашимъ нравамъ. „Всякая новая мысль объ общественныхъ предметахъ, каждый примѣръ нарождавшихся новыхъ потребностей неизмѣнно приписывались заговору и революціоннымъ внушеніямъ: извѣстно, что, ставши разъ на эту точку, всегда можно разрабатывать ее безъ конца. Въ обществѣ эта наклонность явилась едва ли даже не раньше, чѣмъ въ самомъ правительствѣ“. Подъ видомъ подавленія революціи заглушались самыя законныя и естественныя проявленія умственной жизни и научно-литературнаго движенія въ обществѣ. Эксплуатируя реакціонное настроеніе Императора Александра I, представители русскаго обскурантизма подъ видомъ защиты основъ вѣры и монархіи повели свое разрушительное дѣло гораздо далѣе, чѣмъ того хотѣлъ самъ Государь. „Эти мѣры пришлись какъ разъ на руку бессмысленнымъ обскурантамъ и людямъ, которые старались ловить рыбу въ мутной водѣ и употребляли всѣ средства, чтобы напу-

гать правительство мнимыми опасностями и воспользоваться его легковѣріемъ. Вредъ этой политики продолжался еще далѣе: надо представить себѣ невѣжество огромной массы общества, которая и безъ того была недовѣрчива ко всякому образованію и въ лучшемъ случаѣ считала его роскошью, нужною и возможною для немногихъ, а для большинства скорѣе вредною, чѣмъ полезною. Теперь эту массу увѣряли, съ авторитетомъ правительственнаго заявленія, что современное образованіе дѣйствительно чрезвычайно опасно, что оно ведетъ къ разрушительнымъ ученіямъ, и преслѣдованія только поддерживали старинную ненависть невѣжества ко всякому образованію, какъ вольнодумству и безбожію“.

Посмотримъ теперь, каковы были главнѣйшіе факты и черты въ дѣятельности министровъ народнаго просвѣщенія второй половины царствованія Императора Александра I—гр. А. К. Разумовскаго и кн. А. Н. Голицына. Уже гр. А. К. Разумовскій сталъ подвергаться въ послѣдніе годы своей дѣятельности вліянію реакціи, въ лицѣ, напимѣръ, его друга гр. Жозефа-де-Местра, который посвятилъ одно изъ своихъ сочиненій доказательству необходимости ограниченія наукъ въ Россіи (между прочимъ, онъ тамъ рекомендовалъ совѣмъ упразднить преподаваніе такихъ предметовъ, какъ исторія, географія и т. п.). При графѣ Разумовскомъ началось уже движеніе противъ иностранцевъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ покровительствовалъ іезуитамъ. Это покровительство, а также несоотвѣтствіе его духу воззрѣній Государа послужили причиною его удаленія изъ министерства въ 1816 г.: на эту должность былъ призванъ личный другъ Императора Александра I, бывшій дотолѣ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ. „Человѣкъ отъ природы веселаго нрава (никого не щадившій Растопчинъ называетъ его маленькимъ буффой), свѣтскій въ полномъ смыслѣ слова, воспитанный и выросшій подъ вліяніемъ французскихъ энциклопедистовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чистосердечно преданный Государю и въпослѣдствіи раздѣлявшій его религіозныя стремленія, Голицынъ въ 1803 году назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода и, занявъ такимъ образомъ мѣсто во главѣ управленія духовными дѣлами, приступилъ къ преобразованію училищъ духовнаго вѣдомства (1807 г.). Незабвенный въ исторіи нашей администраціи по своему просвѣщенію, благодушію и незлобію при дворѣ, по снисходительности къ заблужденіямъ въ дѣлахъ религіи, по своей искренней набожности (Голицынъ имѣлъ обыкновеніе каждое утро читать Библію) и по благодѣяніямъ, на совершеніе коихъ онъ единственно употреблялъ оказываемыя ему довѣріе и дружбу двухъ царей, онъ вполне предался мистицизму и

этимъ направлєніемъ едва не принесъ больше вреда дѣлу воспитанія, чѣмъ его предмѣстникъ.... Религіозная вѣротерпимость лелѣяла религіозный обскурантизмъ“. Какъ далеко простиралось это направленіе, видно изъ слѣдующаго показанія современника (Карамзина): „въ „Инвалидѣ“ было сказано, что Евангеліе не совѣмъ хорошо, а хороша мистическая книга, переведенная Кари́зевымъ — *Philosophie divine*“. Тотъ же консервативный Карамзинъ, не сочувствуя вообще „мистической вздорологии“, назвалъ министерство князя Голицына министерствомъ затмѣнія; чуткій умъ его предвидѣлъ послѣдствія, которыми должно было отозваться въ Россіи учрежденіе новаго министерства: „соединеніе двухъ министерствъ (народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ), писалъ онъ И. И. Дмитріеву, послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлалось христіанскимъ. Отнынѣ кураторами будутъ люди извѣстнаго благочестія. Клинеръ уволенъ: мыѣ сказывали, что онъ считается вольномыслищимъ. Не мудрено, если въ наше время умножится число лицемѣровъ“. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ „съ неподражаемымъ юморомъ бичевалъ эти увлеченія и выражалъ въ своей перепискѣ опасенія, чтобы не вышло у насъ, такъ сказать, *mo yen âge*“.

Важнѣйшимъ актомъ этого періода было преобразование въ 1817 г. министерства народнаго просвѣщенія въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; это было сдѣлано для того, „чтобы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“; такъ было сказано въ Высочайшемъ манифестѣ. При главномъ правленіи училищъ былъ учрежденъ ученый комитетъ, въ составъ котораго входили такіа лица, какъ извѣстный намъ Стурдза и Руничъ. Первый составилъ инструкцію, опредѣлявшую ближайшимъ образомъ задачи и дѣятельность комитета. Эта задача заключалась въ томъ, „чтобы народное воспитаніе, основу и залогъ благосостоянія государственнаго и частнаго, посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ, направить къ истинной, высокой цѣли—къ водворенію въ составѣ общества въ Россіи постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властію или, другими выраженіями, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ“. „Комитетъ, пользуясь широко предоставленными ему полномочіями, поднялъ настоящее гоненіе на самыя скромныя научныя труды и учебники; даже прописи въ это время были приспособлены къ „новому курсу“: въ нихъ стали помѣщаться извлеченія изъ Евангелія и книги о подражаніи Христу; нашли „опасныя мѣста“ и хотѣли было даже уничтожить офиціальный органъ мивистерства народнаго просвѣщенія „Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго образованія“, какъ вредное наслѣдіе прежней

эпохи; признали вредной офіціальный учебникъ, издававшійся главнымъ правленіемъ училищъ,—*„Книгу о должностяхъ человека и гражданина“*, составленную знаменитымъ тогдашнимъ педагогомъ Янковичемъ-де-Миріево, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, и самой Императрицей Екатериной II^а. Особенную подозрительность возбуждали сочиненія по философіи и естественному праву.

Съ наибольшею силою реакція въ отношеніи къ университетамъ проявилась въ дѣятельности попечителей — Магницкаго въ Казани и Рунича въ Петербургѣ. Эти печальнѣйшія страницы въ исторіи русскихъ университетовъ хорошо извѣстны въ литературѣ, но мы напомнимъ наиболѣе характерные эпизоды, чтобы судить о силѣ господствовавшей тогда реакціи и имѣть масштабъ для оцѣнки ея въ Харьковскомъ университетѣ. Будучи назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа (онъ былъ также членомъ главнаго правленія училищъ), Магницкій попытался перестроить въ своемъ округѣ систему народнаго образованія на основахъ священнаго союза съ тѣмъ, чтобы распространить ее потомъ на всю Россію. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ его біографъ Е. Оеоктистовъ, что онъ мечталъ сдѣлаться необходимымъ человекомъ для правительства, внушить ему высокое понятіе о предполагаемыхъ имъ преобразованіяхъ и такимъ образомъ открыть себѣ широкій путь къ почестямъ и славѣ. Магницкій не могъ не сознавать, что всѣ люди съ истиннымъ образованіемъ и независимымъ образомъ мыслей будутъ противъ него, но онъ имѣлъ причины не смущаться недоброжелательствомъ; въ рукахъ его было сильное орудіе противъ враговъ—клеветы, доносы, противъ которыхъ не было средствъ оградить себя предосторожностью и добросовѣстнымъ исполненіемъ своего долга. Сначала онъ явился въ Казань въ качествѣ ревизора и нарисовалъ въ своемъ отчетѣ самую мрачную картину состоянія университета во всѣхъ отношеніяхъ; тамъ онъ, между прочимъ, писалъ, обращаясь къ совѣту: „время уже вникнуть въ цѣль правительства, которое хочетъ и хочетъ непреодолимо положить единымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія—благочестіе.... Начальство требуетъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ благочестивыхъ, ученость же безъ вѣры въ Бога откровеннаго не токмо не нужна ему, но и почитается имъ вредною“. Въ заключеніе Магницкій предложилъ совѣтъ упразднить Казанскій университетъ, такъ какъ вмѣсто пользы онъ приносилъ одинъ вредъ. Чрезвычайно характерно, по чувству достоинства, было возраженіе, сдѣланное противъ дикаго предложенія Магницкаго членомъ главнаго правленія училищъ, будущимъ министромъ народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уваровымъ; оно начиналось такъ: „доселѣ министерство народнаго просвѣщенія,

руководствуясь духомъ августѣйшаго покровителя наукъ, занималось основаніемъ и усовершенствованіемъ высшихъ училищъ и распространеніемъ всѣхъ способовъ ученія. Нынѣ мы разсуждаемъ объ уничтоженіи одного изъ російскихъ университетовъ, съ толикимъ трудомъ сооруженныхъ; я надѣюсь, что разсужденіе сіе будетъ первое и послѣднее сего рода. Во всякомъ случаѣ, если правительство съ величайшею осмотрительностью приступаетъ къ изслѣдованію обвиненій, падающихъ на одно лицо, и не прежде произноситъ строгій приговоръ винѣ его, какъ по совершенномъ удостовѣреніи въ ней, то кольми паче оно должно быть осторожно въ рѣшительныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ относительно цѣлаго государственнаго сословія, назначаемого, предъ лицомъ отечества, къ *политической смерти*. Потерпѣвъ неудачу въ своемъ проектѣ закрытія университета, Магницкій рѣшилъ совершенно искоренить въ немъ его прежнія начала и духъ. Ему разрѣшено было уволить всѣхъ профессоровъ, какихъ онъ нашелъ непригодными, или перевести ихъ на другія каѳедры и ввести для нравственнаго перерожденія университета новую должность директора съ полицейскими обязанностями. О духъ его реформы даетъ наглядное понятіе инструкция, составленная имъ для этого директора. Вотъ наиболѣе характерные ея пункты. „Цѣль правительства въ образованіи студентовъ, говорится въ инструкціи, состоитъ въ воспитаніи вѣрныхъ сыновъ православной церкви; вѣрныхъ подданныхъ Государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству. Слѣдовательно, нравственному воспитанію предлежитъ объять и воздѣлать волю воспитанниковъ, ихъ совѣсть, нравы и наружное обращеніе. Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть покорность; посему послушаніе есть важнѣйшая добродѣтель юности. Въ молодости только упражненіемъ покорности получаетъ воля ту мягкость, которая на всю жизнь остается и для благосостоянія общественнаго столь необходима. Посему обязанность директора непременно наблюдать, чтобы уроки религіи о любви и покорности были исполняемы на самомъ дѣлѣ, чтобы воспитанники университета постоянно видѣли вокругъ себя примѣры строжайшаго чиновочитанія со стороны учителей и надзирателей и чтобы малѣйшее нарушеніе его всегда было наказываемо, не взирая на званіе лицъ. Но такъ какъ одна религія связываетъ обязанности съ волею и, досягая въ совѣсть, покоряетъ страсти, смиряетъ строптивость самолюбія и, между тѣмъ, какъ законы виѣшняго порядка предписываютъ покоряться властямъ, она заставляетъ исполнять ихъ не изъ одного страха, но и любви, то директоръ обязанъ главнѣйше наблюдать подъ строжайшею личною отвѣтственностью и всѣми способами власти ему даруемой, чтобы воспитанникамъ университета внушено было

почтеніе и любовь къ святому евангельскому ученію. Для сего обязавъ онъ наблюдать, чтобы духъ вольнодумства ни открыто, ни скрытно не могъ ослаблять ученія церкви въ преподаваніи наукъ философскихъ, историческихъ или литературы. Директоръ обязанъ имѣть достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о духѣ университетскихъ преподавателей, часто присутствовать на ихъ лекціяхъ, по временамъ разсматривать тетради студентовъ, наблюдать, чтобы не прошло что-нибудь вредное въ цензурѣ, и блюсти внимательно, чтобы всѣ чиновники университета, каждый по вѣроисповѣданію своему (разумѣя христіанскія), исполняли свои обязанности въ разсужденіи обычнаго посѣщенія храмовъ и употребленія таинствъ; чтобы ни подъ какимъ видомъ не были распространяемы въ университетѣ вредныя, либо соблазнительныя чтенія или бесѣды; чтобы студенты ежедневно отправляли въ положенное время должныя молитвы всѣ вмѣстѣ и въ присутствіи инспектора, чтобы въ дни воскресные и важнѣйшихъ праздниковъ ходили они съ инспекторомъ къ божественной литургіи и занимались между забавъ и отдохновенія какимъ-либо полезнымъ и приличнымъ празднику чтеніемъ, хотя одинъ часъ безъ принужденія; чтобы студенты, отличающіеся христіанскими добродѣтелями, были предпочитаемы всѣмъ прочимъ. Начальство университета пріемлетъ ихъ подъ особенное покровительство по службѣ и доставить имъ всѣ возможныя по оной преимущества.... Само самою разумѣется, что все, сказанное о нравственности студентовъ, относится въ строжайшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ ко всѣмъ наставникамъ и преподавателямъ ихъ; что требуется отъ воспитанниковъ, то предполагается въ воспитателяхъ. Надзоръ директора на всѣхъ ихъ равно по сему предмету простирается.... Ежели бы онъ замѣтилъ въ управленіи, ему вѣрюмомъ, людей съ сей стороны неблагонадежныхъ (т. е. профессоровъ), равно какъ и студентовъ, то можетъ представить объ ихъ удаленіи“ (непосредственно попечителю).

Итакъ, образъ жизни профессоровъ и студентовъ былъ до мельчайшихъ подробностей регламентированъ правилами, отличавшимися характеромъ почти монастырскаго устава; и тѣ, и другіе были подчинены полному произволу директора и попечителя; христіанская жизнь и нравы насаждались приказами и обѣщаніемъ служебныхъ наградъ и преимуществъ; осуществлялся порядокъ, господствовавшій во французскихъ католическихъ высшихъ школахъ въ до-революціонную эпоху.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими дисциплинарными мѣрами стоялъ духъ реформы учебнаго преподаванія. Цѣли собственно научныя упразднились: правительство, по словамъ инструкціи, желало только, чтобы „профессора видѣли въ себѣ людей, работающихъ во славу Божию, для

спасенія ввѣренныхъ имъ душъ, для пользы отечества и просвѣщенія для славы ихъ сословія и для собственной чести... Въ преподаваніи, всѣхъ наукъ въ университетѣ долженъ быть одинъ духъ Святаго евангелія, ибо одинъ онъ есть начало всѣхъ частныхъ и гражданскихъ добродѣтелей, которыя во всякомъ другомъ духѣ суть токмо притворства гордости и своекорыстія.... Профессоръ философіи долженъ былъ для избѣжанія смѣшенія идей „привести ихъ къ одному началу и показать, что условная истина, служащая предметомъ умозрительной философіи, могла замѣнять истину христіанства до пришествія Спасителя міра; нынѣ же въ воспитаніи допускается, какъ полезное токмо упражненіе разума, для изощренія силъ его къ принятію прочихъ наукъ человѣческихъ, на философскихъ началахъ основанныхъ.... Благоразумное преподаваніе политическаго права покажетъ, что правленіе монархическое есть древнѣйшее и установлено самимъ Богомъ.... Профессоръ теоретической и опытной физики обязанъ, во все продолженіе курса своего указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ. Профессоръ естественной исторіи покажетъ, что обширное царство природы, какъ ни представляется оно премудро и въ своемъ цѣломъ для насъ непостижимо, есть только слабый отпечатокъ того высшаго порядка, которому послѣ кратковременной жизни мы предопредѣлены. Профессоръ астрономъ наблюдатель укажетъ на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца и дивные законы тѣлъ небесныхъ, откровенные роду человѣческому въ отдаленнѣйшей древности. Профессора медицинскаго факультета должны принять всѣ возможные мѣры, дабы отвратить то ослѣпленіе, которому многіе изъ знатнѣйшихъ медиковъ подверглись, отъ удивленія превосходству органовъ и законовъ животнаго тѣла нашего, впадая въ гибельный матеріализмъ именно отъ того, что наиболѣе премудрость Творца открываетъ. Студенты должны быть предостережены на счетъ сего ужаснаго заблужденія указаніемъ тѣхъ знатнѣйшихъ авторовъ, кои ему не подвержены. Имъ должно внушено быть, что Св. писаніе нераздѣльно полагаетъ искусство врачеванія съ благочестіемъ“.... Профессоръ древнихъ языковъ, „показывая красоты языческихъ писателей, обязанъ въ то же время показать и превосходства тѣхъ святыхъ мужей, коихъ вольнодумство вѣка нашего, не взирая на отличный геній ихъ, исключило изъ образованныхъ потому только, что они христіане и святые, какъ напримѣръ: Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина, Святыхъ Василія и Аванасія“. Профессоръ всеобщей исторіи начнетъ свой курсъ со священной исторіи и покажетъ затѣмъ, что древнѣе основанія Рима нѣтъ ничего по-

ложительно достовѣрнаго; отъ Р. Х. онъ займется преимущественно христіанскими древностями, „дабы показать, что христіане имѣли всѣ добродѣтели язычниковъ въ несравненно высочайшей степени и многія совершенно имъ неизвѣстныя“. Профессоръ русской исторіи покажетъ, что „отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя государства“... Эта инструкція, какъ мы видимъ, вполне упраздняла независимость наукъ, безъ которой немислимо существованіе и развитіе ихъ, и указывала имъ не только постороннюю цѣль, но опредѣляла сообразно съ нею и самое содержаніе ихъ: гласила, что до основанія Рима не было ничего достовѣрнаго, т. е. отрицала исторію востока. Наука всегда имѣетъ только одну цѣль—отысканіе истины, между тѣмъ Магницкій сдѣлалъ ее исключительнымъ орудіемъ духовной науки, а всѣхъ профессоровъ какъ бы преподавателями богословія, не обращая вниманія на то, что они, безъ спеціальной подготовки къ нему, могли принести больше вреда, чѣмъ пользы. Прекрасную принципіальную оцѣнку системы Магницкаго даетъ академикъ М. И. Сухомлиновъ. „Съ перваго разу можетъ показаться непонятнымъ, говоритъ онъ, какимъ образомъ система воспитанія, основанная на чистѣйшемъ источникѣ, то есть на религіи, привела къ весьма печальнымъ слѣдствіямъ и представляется во свѣтѣ вовсе не утѣшительномъ. При внимательномъ и вполне безпристрастнымъ изслѣдованіи открывается, что религія только выставлена началомъ воспитанія, но въ дѣйствительности имъ руководили другія начала, несовмѣстныя съ чистой искренностью ея ученія и недостойныя ея святаго знамени. Хотя въ потокѣ искусственныхъ фразъ она и называлась единственнымъ источникомъ просвѣщенія, но въ сущности она служила не цѣлью, а средствомъ: подъ ея прикрытіемъ проводились идеи, выработанныя австрійскими реакціонерами. Чтобы понять внутреннюю несостоятельность системы народнаго проевѣщенія, которую хотѣли возвысить именемъ священнаго союза, довольно вспомнить, что чистое жизненное начало христіанства затемнилось въ ней мертвящею іезуитскою моралью и началами Меттерниховской политики; призывъ евангельской любви и правды заглушаемъ былъ крикомъ фанатиковъ, требовавшимъ всевозможныхъ стѣсненій, взаимнаго недовѣрія, преслѣдованій и казни.... О соединеніи „вѣры съ вѣдѣніемъ“ заботились первые распространители научнаго образованія въ русскомъ обществѣ, но они смотрѣли на дѣло совершенно иначе. Проникнутый убѣжденіемъ во внутреннемъ согласіи между вѣрою и наукою, Ломоносовъ говоритъ: „правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дочери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ

вражду вспелеть. Не здраво разсудителенъ математикъ, если онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ; таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтырѣ научиться можно астрономіи и химіи". Мѣткія слова Ломоносова заключаютъ въ себѣ самое убѣдительное осужденіе системы Магницкаго, Рунича и другихъ. Раздувая вражду между религіею и наукою, авторы программъ и инструкцій произвольно распоряжались наукою, перестраивали ее по собственному образцу и внадали въ противорѣчія съ писателями церковными, которыхъ называли своими руководителями.... Усиливаясь изъ науки сдѣлать орудіе для своихъ цѣлей; реформаторы частью безсознательно, а частью сознательно также поступали и съ религіей.... Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ злоупотребленія религіей были: упадокъ религіознаго чувства и нравственности, застой въ области умственной, лицемѣріе и раболѣпство. По словамъ Министра Нар. Просв. Шишкова, „нравственный развратъ росъ и усиливался; ослѣпленіе подъ самыми священнѣйшими именами благочестія и человеколюбія умѣло вползати въ сердца и заражать ихъ ядомъ“.... Поголовное удаленіе преподавателей, въ которыхъ такъ нуждались наши учебныя заведенія, и назначеніе на каѳедры людей малосвѣдущихъ, но прикинувшихся благонамѣренными, понизило уровень научнаго образованія. Раболѣпство и лицемѣріе, противъ котораго ратовали первые просвѣтителі русскаго народа, проникли и въ ученое сословіе.... Умственный застой и нравственное паденіе въ высшихъ училищахъ, призванныхъ служить разсадниками образованности, замѣчено людьми, посланными правительствомъ для узнанія истины, для всесторонняго изслѣдованія дѣла, возбуждившаго сильное сомнѣніе. Сомнѣніе кончилось полнымъ разочарованіемъ: стало ясно, что вмѣсто религіозности дѣйствовалъ фанатизмъ, вмѣсто христіанства іезуитскій духъ и вражда къ просвѣщенію. Все зло состояло въ томъ, что чистую и святую идею религіи употребляли во зло, а чѣмъ чище и святѣе идея, тѣмъ поразительнѣе ея злоупотребленіе“. Въ этомъ заключается разгадка непрочности и несостоятельности системы, основанной на религіи только повидимому, а не въ дѣйствительности. Система Магницкаго не только не подняла Казанскаго университета изъ состоянія упадка, а наоборотъ едва не привела его къ окончательной гибели; это была не благотѣльная реформа, а жестокій погромъ, какой-то разрушительный ураганъ, пронесшійся надъ однимъ изъ разсадниковъ высшаго образованія. Общество было терроризовано и деморализовано его „системою“. Самъ Магницкій относился презрительно къ общественному мнѣнію и характеризовалъ его съ циничною откровенностью въ слѣдующихъ словахъ: „въ характерѣ шумныхъ мнѣній нашей публики

всегда примѣтить можно два направленія: первое—слухи, разсѣваемые для впечатлѣнія на мнѣніе высшаго правительства, дабы увлечь его въ свой смыслъ; и потомъ второе — не далѣе какъ на другой день послѣ рѣшительнаго его поступка молчать или думать согласно съ нимъ; сія неискренняя и политическая, такъ сказать, угодливость замѣняетъ у насъ доселѣ, *по счастью* (!!), то нравственное чувство, которое должно соединять мнѣніе добрыхъ гражданъ съ мнѣніемъ правительства; побужденіе не такъ чисто, но послѣдствія равно полезны. Вѣроятно, онъ зналъ современное ему общество и имѣлъ какія-нибудь основанія выразиться такъ рѣшительно. Однако и тогда находились люди, сознававшіе гибельное вліяніе его „системы“ на образованіе и науку. Таковъ былъ, напримѣръ, благородный другъ юности Императора Александра, проректоръ Дерптскаго университета Парротъ, который написалъ ему замѣчательное письмо, содержащее въ себѣ рѣзкую, негодующую критику инструкціи Магницкаго. Какими побужденіями, спрашиваетъ Парротъ, министерство побуждаетъ руководствоваться профессоровъ въ ихъ религіозно-просвѣтительной дѣятельности? Чисто практическими: оно указываетъ на привилегированное положеніе профессоровъ сравнительно съ другими чиновниками государства! „Итакъ вотъ изъ за чего нужно служить Богу и отечеству! При чтеніи этихъ словъ (въ инструкціи) содрогается сердце всякаго честнаго человѣка. Религія, предвозвѣстникомъ которой является правительство въ каждомъ параграфѣ этой инструкціи, предлагаетъ намъ совершенно иныя побужденія—сознаніе дѣлаемаго добра, спокойствіе совѣсти и блаженство въ будущей жизни.... Второй параграфъ инструкціи предписываетъ изъяснять слушателямъ системы главнѣйшихъ философовъ, которые „могли замѣнять истину христіанства до пришествія Спасителя“, доказывая въ то же время, что истины, не основанныя на христіанской религіи и добродѣтели, внушаемая однимъ разумомъ, суть не что иное, какъ эгоизмъ и скрытная гордость. Но если такъ, если все ученіе о нравственности, господствовавшее до Иисуса Христа, не болѣе какъ ложь, зачѣмъ знакомить съ нимъ юношество? А если уже излагать его, то къ чему представлять въ презрѣнномъ видѣ? Христіанская мораль не имѣетъ нужды въ этихъ фальшивыхъ уловкахъ для обнаруженія превосходства своего надъ моралью языческою. Далѣе инструкція заставляетъ профессора астрономіи, во все продолженіе курса своего, указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ средствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ. Ничто такъ не вредитъ цѣли, какъ именно рекомендуемая этими словами разглагольствованія. Они способны только возбудить въ молодежи насмѣшки

надъ преподавателемъ и надъ самыми священными предметами. Если профессоръ физики дѣйствительно исполненъ удивленія къ Творцу, чувство это невольно скажется въ его рѣчахъ и увлечетъ слушателей. Но если частымъ и заказнымъ повтореніемъ мысли, навѣянной со стороны, выраженіе этого удивленія дѣлается пустымъ обрядомъ, то эффектъ его совершенно утратится.... Разсматривая инструкцію ректору Казанскаго университета съ точки зрѣнія литературной, нельзя видѣть въ ней ничего иного, кромѣ безконечной фразеологии, гдѣ невѣжество облекается мантией эрудиціи и знаний. Если же допустить, что главная цѣль ея клонится къ утвержденію благочестія и религіи, то слѣдуетъ сказать прямо, что она должна привести къ совершенно противнымъ результатамъ. Юноши, которымъ въ каждой лекціи исторіи, физики, философіи, медицины, древнихъ языковъ и т. д. говорить о религіи и только о религіи, кончатъ тѣмъ, что почувствуютъ къ ней холодность. Что же касается до профессоровъ, за которыми постоянно слѣдитъ ректоръ съ цѣлю убѣдиться въ запасѣ ихъ религіознаго чувства, дабы выгнать ихъ, какъ скоро ему покажется, что запасъ этотъ недостаточенъ, то съ какимъ настроеніемъ будутъ говорить они о религіи милосердной, отвергающей всякое лицемеріе и насиліе и желающей господствовать лишь любовью и истиной? Не менѣе строго осуждаетъ Парротъ и инструкцію, данную директору университета, наблюдавшему за нравственностью студентовъ. Онъ находитъ, что „молодой человѣкъ, котораго держать, такъ сказать, въ пеленкахъ до самаго выхода его изъ высшаго учебнаго заведенія, долженъ сдѣлаться или негодиемъ или автоматомъ, существомъ безъ воли, безъ характера, неспособнымъ ни къ какой самостоятельной дѣятельности. Напротивъ, нужно предоставить юношѣ свободу, подъ надзоромъ, который не стѣснялъ бы и главное не представлялъ бы ничего унижительнаго. Пусть иногда злоупотребляетъ онъ этой свободой, пусть дѣлаетъ шалости и даже проступки—въ такомъ случаѣ должна обрушиться на него законная кара, и онъ самъ придетъ къ убѣжденію, что наказаніе неминуемо слѣдуетъ за виною. Такого рода воспитаніе имѣетъ то преимущество, что рано развиваетъ въ молодомъ человѣкѣ опытность, а, слѣдовательно, онъ не пріобрѣтаетъ ее въ ущербъ себѣ или обществу. Водить же молодаго человѣка отъ 18 до 25 лѣтняго возраста на помочахъ значитъ развивать въ немъ лицемеріе, плутовство, значитъ готовить систематически одного изъ тѣхъ негодяевъ, которые скрываютъ настоящія свои чувства подъ покровомъ скромности, а потомъ вознаграждаютъ себя за это рабство неуваженіемъ къ обществу и открыто ненавидятъ власть, которой приходится клеймить ихъ. Неужели можно надѣяться серьезно, что изъ

такихъ людей выйдуть ревностные слуги отечества, вѣрные подданные Монарха?" Парротъ правильно предсказалъ результаты воздѣйствія реакціонныхъ мѣропріятій въ отношеніи университета. „По внѣшности университетъ сохранить нѣкоторый порядокъ, но внутри это будетъ клоака всякой безнравственности до тѣхъ поръ, пока наконецъ начальство не обратитъ на нее вниманія“. Онъ вспоминаетъ слова, вѣкогда сказанныя самимъ государемъ: „я не хочу, чтобы общественное воспитаніе лишило молодежь энергіи, точно также какъ не хочу имѣть слабодушныхъ въ государственной службѣ“. Заканчиваетъ онъ свою записку слѣдующими прочувствованными словами по адресу государя: „религія и народное просвѣщеніе — эти вѣчныя основы благополучія народовъ,—требуютъ вашихъ заботъ; успѣхъ будетъ достигнутъ вами, какъ скоро обезпечите вы господство правды, чистосердечія и знанія тамъ, гдѣ царили происки, лицемеріе и невѣжество. Не страшитесь недостатка въ средствахъ, т. е. въ людяхъ, которые хотятъ и могутъ дѣлать добро — они явятся, какъ только будутъ ободрены къ тому“. Парротъ высказываетъ въ заключеніе мысль, что Государь не измѣнился; но онъ ошибся въ этомъ: императоръ Александръ сильно измѣнился; по этой причинѣ и превосходная записка Паррота, представляющая блестящую критику инструкціи Магницкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы программу совершенно иной системы, соотвѣтствовавшей первымъ годамъ царствованія его друга, успѣха не имѣла и только по смерти Императора Александра была передана Николаемъ Павловичемъ новому министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову. Послѣдующія событія вполнѣ оправдали предсказаніе Паррота: вмѣсто того, чтобы поднять и обновить Казанскій университетъ, Магницкій своими реформами привелъ его въ такой упадокъ, что понадобилось назначить въ 1826 г. ревизора въ лицѣ генерала Желтухина, который на основаніи подробнаго изслѣдованія пришелъ къ убѣжденію, что система Магницкаго породила не благочестіе, а лицемеріе, что она привела въ полный упадокъ дѣло преподаванія и науки, вызвала оскуднѣніе числа учащихся, что онъ допускалъ страшный произволъ и несправедливости какъ въ отношеніи студентовъ, такъ и въ отношеніи профессоровъ, и весьма безцеремонно обращался съ казенными суммами. Министерство Шишкова признало основательными данныя, добытыя ген. Желтухинымъ, и Магницкій вынужденъ былъ оставить должность попечителя и члена главнаго правленія училищъ.

Въ то время какъ Магницкій занимался „реформою“ Казанскаго университета, его единомышленникъ Руничъ произвелъ разгромъ Петербургскаго университета, возбудивъ дѣло о вредномъ направленіи

чтеній наиболѣ выдающихся университетскихъ преподавателей — Арсеньева, Галича, Германа и Раупаха. Будучи открытъ въ 1819 году, Петербургскій университетъ уже въ 1821 подвергся погрому отъ Рунича, который былъ назначенъ исправляющимъ должность попечителя, вмѣсто гр. С. С. Уварова, который былъ возмущенъ допущенными въ дѣлѣ профессоромъ закононарушеніями и написалъ по этому поводу страстное письмо Государю. Замѣтимъ кстати, что противъ проекта Магницкаго объ уничтоженіи кафедры философіи выступилъ также будущій министръ народнаго просвѣщенія гр. Ливень и попечители харьковского учебнаго округа Е. Карябевъ и гр. Церовскій.

Такова была реакція въ министерство кн. А. Н. Голицына; но и она признана была недостаточной — и главою министерства народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ А. С. Шишковъ, выдвинутый на этотъ постъ совмѣстной интригой Аракчеева, Магницкаго и архимандрита Юрьевского монастыря Фотія. Вотъ какъ произошелъ этотъ *coup d'état*. Аракчееву нужно было низвергнуть кн. А. Н. Голицына, потому что онъ былъ опасенъ для него личною близостью къ Государю. Магницкій подкапывался теперь подъ своего благодѣтеля кн. А. Н. Голицына, какъ нѣкогда выдалъ другого своего покровителя Сперанскаго. Фотій былъ „человѣкъ, въ которомъ суровый аскетизмъ и пламенное религіозное вдохновеніе страшнымъ образомъ совмѣщались съ хитростью и особаго рода тщеславіемъ. Постникъ и врагъ всякаго мудрованія въ дѣлахъ вѣры, онъ, будучи еще молодымъ монахомъ и законоучителемъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, горячо возставалъ противъ направленія Библейскаго общества, противопоставляя ему ученіе и преданія православной церкви. Смѣлость его филиппикъ противъ мнѣній, которыми слѣдовали вліятельнѣйшіе люди и которымъ завѣдомо покровительствовалъ Государь, внушила къ нему высокое уваженіе графинѣ Орловой-Чесменской, одной изъ вліятельнѣйшихъ и богатѣйшихъ женщинъ того времени. Она поселилась близъ Юрьева монастыря, сдѣлала его настоятеля своимъ руководителемъ и наставникомъ, отдала въ его распоряженіе все свое несмѣтное состояніе. Въ ней, а также въ особѣ графа Аракчеева, Грузинская вотчина котораго находилась недалеко отъ Юрьева монастыря, онъ приобрѣлъ не только почитателей, но и покровителей, которые доставили ему случай играть и политическую роль. Не имѣя обширной учености, онъ обнаруживалъ однако на людей набожныхъ весьма сильное вліяніе твердостью своихъ убѣжденій и тѣмъ рѣзко повелительнымъ тономъ, который невольно озадачиваетъ“. Несомѣнно, что онъ былъ ханжа, фанатикъ и лукавый обманщикъ; по крайней мѣрѣ, такое лукавство и предательство онъ обнаружилъ въ

своихъ отношеніяхъ къ кн. А. Н. Голицыну: показывая дружбу и любовь къ А. Н. Голицыну, онъ въ то-же самое время велъ тайныя бесѣды съ Государемъ, въ которыхъ оговаривалъ его передъ нимъ. Шишковъ въ своихъ запискахъ сознается, что Фотій два года и даже болѣе того былъ въ дружбѣ съ кн. А. Н. Голицынымъ, но съ тѣмъ, какъ говорить, чтобы отвратить его отъ иностранныхъ миссіонеровъ и ересей. Наконецъ, онъ снялъ съ себя маску, которую носилъ такъ долго, и устроилъ театральную сцену анаѳематствованія. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ Голицына въ домъ граф. Орловой, поставилъ тамъ аналой, положилъ на немъ евангеліе и крестъ, и когда князь вошелъ въ комнату и хотѣлъ по обычаю подойти подъ его благословеніе, то остановилъ его и сказалъ, что не дастъ ему благословенія, пока онъ не отречется отъ богоотступныхъ дѣлъ своихъ, не перестанетъ покровительствовать иностраннымъ лжеучителямъ, возстающимъ противъ церкви и престола; князь сначала спокойно возражалъ Фотію, но когда тотъ грознымъ голосомъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ пошелъ къ царю, сталъ передъ нимъ на колѣни и сказалъ, что и самъ поступалъ худо, и его вводилъ въ заблужденіе, Голицынъ вспыхнулъ отъ гнѣва и выбѣжалъ изъ горницы, крикнувъ: „увидимъ, кто кого одолѣетъ“; Фотій же въ догонку ему громко повторялъ: анаѳема! да будешь ты проклятъ, и тотчасъ описаніе всего происшедшаго отпавилъ къ Государю. Государь сначала сдѣлалъ ему гнѣвный выговоръ, находя его поступокъ несогласнымъ съ христіанскою кротостью, но потомъ простилъ. Послѣ этого открытаго разрыва архимандрита съ княземъ, партія Фотія сдѣлала рѣшительную попытку низвергнуть ненавистное ей министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ высшей степени характерны собственныя записки Фотія о его бесѣдахъ съ Государемъ. Нарисовавъ Государю мрачную картину приближающейся революціи, Фотій потомъ самъ же въ отвѣтъ на запросъ Александра I-го, какъ помочь бѣдѣ, далъ ему слѣдующій, якобы боговдохновенный совѣтъ: „Рабъ твой, служитель же святыя церкви Божіей, служить Богу и Тебѣ, царю, церкви и отечеству вѣрою и правдою, по закону Божію и гражданскому, по совѣсти, по любви евангельской и по присягѣ. А посему на вопросъ твой: какъ пособить, дабы остановить революцію, молился Господу Богу и *вотъ что открыто*, только дѣлать немедленно. Способъ весь планъ уничтожить вдругъ, тихо и счастливо, есть таковъ: 1) министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ извѣстной особы (т. е. князя Голицына), 2) Библейское общество уничтожить подъ тѣмъ предлогомъ, что уже много напечатано библій и онѣ теперь не нужны; 3) синоду быть по-

прежнему и духовенству надзирать при случаях за просвѣщеніемъ, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ; 4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Феслера выгнать и методистовъ выгнать, хотя главныхъ. Провидѣніе Божіе теперь ничего болѣе дѣлать не открыло. Повелѣніе Божіе я возвѣстилъ. Исполнить же въ тебѣ состоитъ; съ тобою духъ премудрости и силы, державы и власти. Отъ 1812 года до сего 1824 года прошло ровно 12 лѣтъ. Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію: да побѣдитъ Онъ и духовнаго Наполеона лицомъ твоимъ, коего можешь, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты одною чертою пера. А вся сила духовнаго Наполеона въ четырехъ пунктахъ заключается“. Но Государь все еще колебался и потому послѣдній ударъ А. Н. Голицыну долженъ былъ нанести митрополитъ Серафимъ. „Ему доставленъ былъ экземпляръ Госнеровой ¹⁾ книги въ русскомъ переводѣ, только что отпечатанный, съ настоятельнымъ требованіемъ представить его лично Государю и просить или собственнаго увольненія, или увольненія князя Голицына.

¹⁾ Госнеръ былъ католическій священникъ, которому, благодаря покровительству кн. А. Н. Голицына, разрѣшено было проповѣдывать въ Петербургѣ; теперь онъ издалъ „Толкованія на новый заветъ“, конечно, не въ духѣ чистаго православія. Книга его была осуждена въ комитетѣ министровъ на основаніи представленія, сдѣланнаго Шишковымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Ланскимъ; прикосновеннымъ къ этому дѣлу былъ признанъ и бывшій директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія Василій Михайловичъ Поповъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей хлыстовской секты Татариновой: онъ поправлялъ плохой русскій переводъ книги. На основаніи постановленія комитета министровъ, Госнеръ былъ высланъ изъ Россіи. Но Шишковъ на этомъ не успокоился и рѣшилъ привлечь къ суду и Попова, который вслѣдъ за своимъ бывшимъ патрономъ кн. Голицынымъ, назначеннымъ завѣдывать почтою, также перешелъ въ почтовое вѣдомство въ качествѣ члена совѣта. Затѣмъ дѣло Попова разсматривалось въ сенатѣ, гдѣ большинство присоединилось къ мнѣнію сенатора Муравьева-Апостола (Это послѣднее напечатано въ „Чтеніяхъ Моск. Общ.“ 1859 г. кн. 4-я, смѣсь, стр. 37—41) и вынесло обвиняемому оправдательный вердиктъ. Послѣ этого оно было перенесено въ Государственный Совѣтъ, который опять таки оправдалъ Попова, несмотря на возраженія, представленныя на записку сенатора Муравьева-Апостола Шишковымъ. Въ пользу Попова высказались Голицынъ, Нессельроде, Карповъ, Татищевъ, Болотниковъ, Салтыковъ, Тутолминъ, Сперанскій, Милорадовичъ, Васильчиковъ, Мордвиновъ. Шишковъ обратился съ особымъ представленіемъ къ Государю, въ которомъ ставилъ въ связь между прочимъ нѣкоторые кражи и убійства въ Петербургѣ съ дѣломъ Госнера и Попова! Это представленіе успѣха не имѣло, также точно какъ и письмо его по этому дѣлу къ новому Императору Николаю Павловичу: судъ по Госнеровскому дѣлу длился до 1828 года и окончился совершеннымъ оправданіемъ всѣхъ подсудимыхъ; нѣкоторые же изъ нихъ были награждены даже новыми чинами; Поповъ былъ оправданъ и награжденъ; *Муравьевъ-Апостолъ по желанію его опущенъ милостиво въ чужіе края.*

Самъ Аракчеевъ былъ у Серафима, нѣсколько второстепенныхъ дѣятелей этой интриги, и въ томъ числѣ Магницкій, находились при немъ неотлучно, чтобы устранять колебанія нерѣшительнаго старца. Фотій тоже не покидалъ его; онъ и другіе присутствовавшіе почти насильно посадили его въ карету, а Магницкій поѣхалъ за нимъ и прогуливался въ виду дворца, чтобы по лицу митрополита первому узнать о послѣдствіяхъ его свиданія съ Государемъ. Серафимъ, снявъ свой клобукъ, положилъ его къ ногамъ Государя и объявилъ, что не надѣнетъ его, пока не получитъ обѣщанія упразднить министерство духовныхъ дѣлъ, возвратитъ синоду его права, назначить другого министра народнаго просвѣщенія и изъять изъ обращенія вредныя книги, при чемъ іерархъ, развернувъ „Толкованія“, указалъ наиболѣе зловредныя въ немъ мѣста. Убѣжденный этими представленіями, Государь сказалъ: „преосвященный, примите вашъ клобукъ, который вы такъ достойно носите; а ваши святыя и патріотическія представленія будутъ исполнены“. И точно 15-го мая князь Голицынъ былъ уволенъ отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а 17-го отъ званія президента Библейскаго общества. Въ это званіе назначенъ Серафимъ, а народное просвѣщеніе было поручено вмѣстѣ съ цензурой Шишкову“. Шишковъ былъ назначенъ министромъ, когда ему было уже 70 лѣтъ, когда, по его собственному выраженію, онъ стоялъ одной ногой въ гробу и чувствовалъ себя неспособнымъ нести возложенное на него бремя. Это былъ настоящій ревнитель старины, ретроградъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. „Современныя событія сдѣлали его, человѣка по природѣ добродушнаго, борцомъ: въ борьбѣ сначала съ Карамзинымъ, затѣмъ съ галломанами онъ посвятилъ себя, какъ членъ Россійской академіи, изученію отечественнаго языка съ пламеннымъ увлеченіемъ, при немногостороннемъ впрочемъ языкознаніи; благодаря отчасти этой преданности русскому языку, онъ обратилъ на себя вниманіе Государя. Ему поручено было составленіе манифестовъ. Литературная дѣятельность его была очень обширна,—о размѣрахъ ея свидѣлствуютъ 17 томовъ его сочиненій и переводовъ“. С. Аксаковъ, оставившій о Шишковѣ воспоминанія, отзывается о немъ хорошо, какъ о честномъ, твердомъ въ своихъ славянофильскихъ убѣжденіяхъ дѣятелѣ, но объ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія выражается такъ: „Шишковъ, можетъ быть, слишкомъ односторонне смотрѣлъ не предметы и вездѣ проводилъ свои убѣжденія, благія и честныя въ основаніи, но уже устарѣвшія или лучше сказать потерявшія свою важность. Время шло быстро. Шишковъ не всегда это замѣчалъ и, живя въ прошедшемъ, иногда не видѣлъ потребностей насто-

ящаго. Шишковъ боролся упорно, но наконецъ убѣдившись, что онъ, какъ министръ, не можетъ быть полезенъ, вышелъ въ отставку*. Рѣзче выражается современный историкъ. „Шишковъ, по словамъ Щербальскаго, съ личною ненавистью къ новому и современному и съ ожесточеніемъ противъ дѣйствій своего предшественника, которое было лозунгомъ лицъ, приведшихъ его ко власти, наконецъ съ самоотверженіемъ, отчасти обезоруживающимъ судъ исторіи, принялся переустраивать цензуру и преслѣдовать книги, выходившія подъ покровительствомъ Библейскаго общества, и людей, пользовавшихся покровительствомъ князя Голицына. Шишковъ дѣйствовалъ безпощадно, но искренно, согласно съ убѣжденіями всей долгой своей жизни—въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія. Шишковъ желалъ, чтобы Государь обнародовалъ на его имя рескриптъ, въ которомъ уполномочивалъ бы его дѣйствовать въ томъ именно духѣ, какъ желали Аракчеевъ, Серафимъ, Фотій и онъ самъ, Шишковъ; но Государь не рѣшался такъ ясно формулировать мысль, противъ которой возмущалось его нравственное чувство и его либеральныя инстинкты, а Шишковъ справедливо полагалъ, что только ясно и гласно выраженная Высочайшая воля можетъ вполне развязать ему руки. Послѣ четырехъ мѣсяцевъ напрасныхъ усилій побѣдить колебанія Государя, онъ написалъ Аракчееву: „долгъ мой и присяга требуютъ, чтобы я не давалъ возобновиться тому, что доселѣ потрясало всю нравственность и благочестіе; но я не разрѣшенъ на то гласною волею Государя.... и долженъ, видя раздуваніе сихъ искръ, молчать и быть только по имени, а не по дѣйствию министромъ просвѣщенія“. Шестъ недѣль спустя онъ снова настаивалъ въ письмѣ къ Аракчееву на упомянутомъ рескриптѣ, заявляя о готовности своей въ противномъ случаѣ оставить должность министра. „Я иду прямою дорогою, говорилъ онъ самому Государю, могу обманываться, но хитростей и уловокъ никакихъ не знаю“... Правдивость—достойная подражанія и—прибавимъ—лучшей цѣли! Мы видѣли, съ какимъ рвеніемъ князь Голицынъ при помощи Руничей, Матвицкихъ, Красовскихъ истреблялъ въ Россіи свободу мысли и слова; этого казалось недостаточно патріотамъ, подобнымъ Шишкову и Фотию: они стали истреблять и свободу совѣсти, которой покровительствовалъ князь Голицынъ. „Слѣпо вѣруй и ничего не знай, ничего не понимай, ни о чемъ не разсуждай—не такова ли была программа народнаго просвѣщенія, провозглашенная Шишковымъ и долго провозглашавшаяся его послѣдователями? „Тишина царствуетъ повсюду, говорилъ онъ, что же еще нужно Россіи“. Характеристика эта, быть можетъ, нѣсколько рѣзка, кое гдѣ преувеличена (ничего не знай), но въ общемъ вѣрна; едва ли только

можно согласиться съ авторомъ, чтобы въ Императорѣ Александрѣ дѣйствовали еще либеральныя инстинкты въ 1824 году, когда онъ не соглашался рѣзко осудить дѣятельность князя А. Н. Голицына; тутъ скорѣе дѣйствовала—нерѣшительность Александра, его прежнее увлеченіе внутреннимъ христіанствомъ, ставившее его въ близкія отношенія по духу съ г-жей Криденеръ, квакерами, и личное глубокое довѣріе и пріязнь къ кн. Голицыну, впервые познакомившему его съ Библіей. Не найдя твердой поддержки въ Государѣ, Шишковъ долженъ былъ въ сущности отказаться отъ послѣдовательнаго проведенія своей системы. Объ охранительныхъ взглядахъ Шишкова могутъ свидѣлствовать слѣдующія выдержки изъ его писемъ и представленій Государю и Аракчееву (послѣднія также читались Императору Александру). На первомъ представленіи своемъ Государю онъ читалъ ему записку, въ которой просилъ: „поручить ему составить планъ, какіе употребить способы къ тихому и скромному потушенію того зла, которое хотя и не носитъ имени *карбонарства*, но является таковымъ въ дѣйствительности и уже на столько усилилось, что если теперь же не принять противъ него должныхъ мѣръ, то впослѣдствіи его уже ничто не будетъ въ состояніи остановить; для обузданія разврата, разсѣваемаго книгами, необходимо теперь же, не ожидая общаго плана, выработать новый цензурный уставъ, ибо раньше, можно сказать, цензуры не существовало“. Въ другой бумагѣ Шишковъ писалъ: нравственный развратъ, подъ названіемъ *духа времени*, долго росъ и усиливался; министерство народнаго просвѣщенія не только допускало, но и покровительствовало ему; нынѣ нужно ему поставить преграду и этою преградою ты, Государь, велишь быть мнѣ, слабому, немощному, ничтожному; въ сихъ обстоятельствахъ питаю надежду на Бога и на Тебя, Государь! Поддержи меня могуществомъ Твоей руки, подкрѣпи меня твердостью Твоей воли, просвѣти меня силою Твоего свѣдѣнія и разума! Если противники мои примѣтятъ, что я не имѣю доступа къ Тебѣ, не могу сообщать Тебѣ своихъ мыслей, то сдѣлаются дерзновеніе прежняго и, не взирая на величайшую мою преданность и повиновеніе, я долженъ буду уйти. Въ своемъ проектѣ цензурнаго устава Шишковъ рекомендовалъ, чтобы Святѣйшій Синодъ и цензоры пересмотрѣли всѣ раньше изданныя книги и истребили тѣ изъ нихъ, кои будутъ признаны вредными; комитетъ, по его мысли, долженъ былъ призывать къ себѣ писателей съ вреднымъ образомъ мыслей и рекомендовать имъ отказаться отъ него. Онъ приготовилъ для Государя манифестъ, въ которомъ ясно осуждалось направленіе дѣятельности прежняго министерства народнаго просвѣщенія съ кн. Голицынымъ во главѣ, но онъ

не былъ подписанъ Императоромъ Александромъ. Въ немъ между прочимъ говорилось отъ имени Государя: „къ крайнему сожалѣнію Нашему примѣчаемъ мы, что министерство просвѣщенія отъ самаго начала учрежденія своего не соотвѣтствовало распространенію тѣхъ польвъ, какихъ мы отъ него желали и ожидали. Истинное просвѣщеніе состоитъ въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости, въ утвержденіи себя въ православной Нашей вѣрѣ, напоющей душу и сердце чело- вѣческое благоговѣніемъ къ Богу, любовію къ ближнему и всѣми нуж- ными для благоденственнаго общежитія добродѣтелями, и наконецъ въ украшеніи ума своего науками, отверзающими путь къ обширнѣйшимъ познаніямъ, къ полезнымъ искусствамъ и художествамъ. Но всѣ сіи стремленія къ обогащенію себя нужными свѣдѣніями должны быть основаны на кротости и смиренномъ разумѣ, чуждомъ возбуждаемыхъ страстями буйныхъ умствованій, увлекающихъ въ неистовыя и стро- птивыя заблужденія. Возносчивый умъ, не сопровождаемый благостію души, мрачнѣе и вреднѣе всякой простоты. Гордымъ противится Богъ, говоритъ Божественное слово; но что иное высокопарныя мнимыхъ мудрецовъ мечтанія, какъ не безумная гордость сердца? Сколько сіи ложныя умствованія, подъ пышнымъ именемъ любомудрія, произвели пагубныхъ для челоуѣческаго рода послѣдствій! Истинное любомудріе тамъ водворяется и свѣтъ онаго тамъ свѣтитъ, гдѣ люди руковод- ствуются законами Вышняго и правилами вѣры, пріобрѣтая, по словамъ ея, съ мудростію змѣи беззлобіе голубя, а не тамъ, гдѣ ухищряются они ложными толкованіями превращать духъ кротости въ духъ киче- нія и любовь къ общему благоденствію въ любовь къ одному себѣ. Тамъ всегда тяготѣла надъ ними рука Господня; тамъ съ разрушеніемъ порядка и законовъ поднимало лютую главу свою безначаліе и до тѣхъ поръ ужасами и муками терзало тишину общежитія, доколѣ удручен- ные до изнеможенія народы, познавъ обманъ и прелесть лжеучителей, не обращались паки къ прежнему благочестію и благоустройству. И хотя русскій народъ свободенъ отъ этихъ заблужденій: онъ вѣренъ церкви, престолу и отечеству — но мы повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе—не преподаются ли гдѣ въ университетахъ, гимна- зіяхъ, народныхъ училищахъ и певсіонахъ подъ видомъ наукъ какія- либо вредныя ученія, не разсѣваются ли гдѣ въ свѣтской словесности подобныя же мысли и разсужденія, не выдаетъ ли кто себя за пропо- вѣдника и учителя подобныхъ новизнъ. Для сего представьте намъ объ учрежденіи новой цензуры“... По поводу дѣятельности Библейскихъ обществъ и перевода Библии на русскій языкъ, Шишковъ писалъ Арак- чеву: „Библейское общество продаетъ книги, большую часть которыхъ,

яко противныхъ всякой христіанской вѣрѣ и возмутительныхъ по своему содержанію, слѣдовало бы истребить.... Мнѣ поручено министерствомъ просвѣщенія: но какое просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется вѣра? Если библейскія общества будутъ по прежнему существовать и, проповѣдуя пользу и распространеніе въ христіанскомъ государствѣ христіанства, въ самомъ дѣлѣ умножать только ереси и расколы, если церковныя книги, для того чтобъ уронить важность ихъ, будутъ съ высокаго языка, сдѣлавшагося для насъ священнымъ, переводиться невѣдомо кѣмъ и какъ на простонародный, какимъ говоримъ мы между собою и на театрѣ; если кромѣ того съ иностранныхъ языковъ вмѣсто нашихъ молитвъ и евангельскихъ нравоченій переводиться будутъ такъ называемыя духовно-философскія, а по настоящему ихъ смыслу карбонарскія и революціонныя книги, то я министромъ просвѣщенія быть не гожусь“. Вслѣдъ затѣмъ Шишковъ обратилъ вниманіе Государя и Аракчеева на „Краткій катехизисъ“ Филарета, въ которомъ молитвы были объяснены по русски—и добился запрещенія выпустить его въ свѣтъ (это изданіе того самаго катехизиса, по которому учатся и теперь; въ 1865 году онъ вышелъ уже 105-мъ изданіемъ). О вредѣ библейскихъ обществъ Шишковъ написалъ рядъ записокъ, и здѣсь выступилъ даже противъ своего союзника митрополита Серафима; въ концѣ концовъ ему удалось таки добиться ихъ закрытія. Въ одномъ изъ писемъ къ Аракчееву онъ самъ даетъ разъясненіе своей системы: говорятъ, что я завожу *инквизицію*. Но что же значитъ слово инквизиція? Розыскъ! Но какой?—Не казни, не мученія, ибо сихъ никто не требуетъ; но просто розысканіе или изслѣдованіе актовъ, изъ коихъ можно было бы увидѣть, какое въ нихъ *скрывается намѣреніе*—доброе или худое.... Много разъ онъ заявлялъ, что падетъ подъ тяжестью своего затруднительнаго, неопредѣленнаго положенія и прибавлялъ, что его называли чудакомъ, хотящимъ ладонью своей руки остановить быстрое теченіе потока. Какъ видимъ, это было возрожденіе системы Магницкаго.

Не могъ совершенно остановить потока ручья этотъ „старовѣръ просвѣщенія“, и съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая Павловича, хотя оно сопровождалось движеніемъ декабристовъ, долженствовавшимъ вызвать реакцію въ новомъ правительствѣ. Напрасно онъ сдѣлалъ ему новое представленіе въ своемъ духѣ о дѣлѣ Госнера-Попова; напрасно онъ указывалъ на угрожающую Россіи революцію, уже проявившуюся 14 декабря 1825 года. Въ своемъ манифестѣ новый Императоръ Николай Павловичъ призналъ это революціонное движеніе заразой, запесенной къ намъ извнѣ, но для истребленія ея въ корни рѣшилъ вести воспитаніе юношества въ духѣ серьезнаго обученія. Не

просвѣщенію, писалъ онъ въ манифестѣ о декабристахъ, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ,—недостатку твердыхъ познаній должно приписать это своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, эту пагубную роскошь полужнаній, этотъ порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало—порча нравовъ, а конецъ—погибель“. Далѣе Государь обращался къ дворянству и просилъ его позаботиться о домашнемъ образованіи въ духѣ страха Божьяго, добрыхъ нравовъ и отечественнаго, а не чужеземнаго просвѣщенія. Въ обращеніи къ созданному имъ комитету для устройства учебныхъ заведеній Императоръ Николай Павловичъ прямо высказался въ пользу просвѣщенія, но съ тѣмъ чтобы оно было основано на твердыхъ *единообразныхъ* началахъ. Къ участию въ этомъ комитетѣ были привлечены и такія лица, противъ которыхъ была сильно возбуждена Шишковская партія—гр. Ливенъ, гр. Уваровъ. Въ главномъ правленіи училищъ повѣяло нѣсколько инымъ духомъ: прекращено было возбужденное Магницкимъ дѣло объ изгнаніи философіи изъ русскихъ университетовъ; самъ Магницкій долженъ былъ выйти изъ состава членовъ и оставить должность попечителя; Руничъ также былъ отрѣшенъ отъ должности и даже преданъ суду; Государь въ 1826 г., какъ извѣстно, обратился къ А. С. Пушкину и поручилъ ему составить записку о народномъ просвѣщеніи;—въ ней также говорилось о недостаткѣ серьезнаго образованія въ русскомъ обществѣ времени Императора Александра и о необходимости его расширенія и углубленія для уничтоженія поверхностнаго полужнанія. Но правительство отмѣтило въ запискѣ Пушкина отсутствіе указаній на такіе важные факторы воспитанія, какъ нравственность, усердіе и примѣрное служеніе. Вообще руководящее значеніе въ дѣлѣ образованія при Николаѣ Павловичѣ получили идея государственности, официальная регламентація и стремленіе къ единообразію. Съ цѣлью уравниенія уставовъ и курсовъ былъ Высочайше учрежденъ особый комитетъ. Въ концѣ инструкціи ему было прямо сказано: опредѣлить одинаковые курсы и учебники и воспретить произвольное преподаваніе наукъ по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ. Въ Виленскомъ университетѣ были уничтожены выборы ректора, на томъ основаніи, что такой республиканскій обычай будтобы несоотвѣтствовалъ монархической формѣ правленія въ Россіи. Стремясь къ расширенію государственной власти, правительство Николая Павловича изыало въ 1835 г. училища изъ вѣдѣнія университетовъ и передало ихъ въ непосредственную зависимость попечителей учебныхъ округовъ. Въ томъ же духѣ оно реформировало и самый университетскій уставъ (въ 1835 г.). Исходя изъ существовавшего тогда соціального строя,

правительство требовало, чтобы высшее образованіе доставлялось только лицам свободныхъ состояній, а крѣпостные крестьяне не шли далѣе приходскихъ, уѣздныхъ и низшихъ техническихъ училищъ. Въ 1831 году былъ изданъ Высочайшій указъ, запретившій въ сущности образованіе за границей: туда можно было отправляться только съ Высочайшаго соизволенія и при томъ по особо уважительнымъ причинамъ. Мотивировалось это прямо вредомъ иноземнаго образованія: „молодые люди, говорилось въ указѣ, возвращаются иногда въ Россію съ самыми ложными о ней понятіями. Не зная ея истинныхъ потребностей, законовъ, нравовъ, порядка, а нерѣдко и языка, они являются чуждыми посреди всего отечественнаго“. Въ 1828 г. Шишковъ, убѣдившись въ томъ, что Императоръ Николай еще въ большей степени, чѣмъ Александръ, не станетъ поддерживать его крайнихъ мѣръ—въ этомъ году былъ изданъ новый цензурный уставъ, сильно сократившій строгости прежняго, имъ созданнаго,—самъ подалъ въ отставку.

Его мѣсто занялъ генералъ отъ инфантеріи князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ, бывшій раньше попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа; въ качествѣ члена главнаго правленія училищъ, онъ велъ борьбу съ Магницкимъ и выступалъ на защиту философіи и университетской автономіи. „Человѣкъ, въ теченіи 11 лѣтъ служившій дѣлу народнаго просвѣщенія, пользовавшійся совѣтами безспорно свѣдущихъ и благородныхъ людей, человѣкъ, „крѣпкій какъ булатъ, чистый какъ золото, истинное зеркало благородства для всѣхъ временъ (выраженіе о немъ одного его современника), ничто такъ не ненавидѣвшій, какъ все, что обнаруживало недостатокъ убѣжденій или слабость и подлость“, проникнутый религіознымъ чувствомъ и цѣнившій тоже самое въ другихъ (нѣкогда онъ былъ однимъ изъ старшинъ русскаго библейскаго общества), человѣкъ для котораго личина нравственности не имѣла ни малѣйшаго значенія, безъ внутренняго двигающаго начала; наконецъ, человѣкъ неоспоримаго патріотизма былъ поставленъ теперь во главѣ народнаго просвѣщенія“. Но при всѣхъ этихъ личныхъ достоинствахъ, кн. Ливенъ не оставилъ замѣтнаго слѣда въ исторіи Министерства Народнаго Просвѣщенія: уставъ среднихъ учебныхъ заведеній 1828 года онъ принялъ отъ своего предшественника, а университетскій уставъ 1835 г. былъ изданъ уже его преемникомъ.

Въ 1833 году онъ оставилъ должность по разстроенному здоровью и его замѣнилъ бывшій его помощникъ, извѣстный намъ гр. С. С. Уваровъ. „Болѣе другихъ способный занять этотъ важный постъ по своему отличному образованію, во всѣхъ отношеніяхъ вполне къ нему приготовленный, Уваровъ, привѣтствованный одою Греффе, воспѣвавшею наступленіе новаго вѣка для русской науки, принялся

за выполнение своей задачи". Въ обращеніи къ попечителямъ учебныхъ округовъ онъ выставилъ три начала, которыя, въ неразрывной связи другъ съ другомъ, должны были руководить дѣломъ образованія—православіе, самодержавіе и народность. „Духъ русскій, здравый, говорилось въ официальномъ отчетѣ, высокій въ простотѣ своей, смиренный въ доблести, непоколебимый въ покорности закону, обожатель царей, готовый все положить за любезное отечество искони возвышалъ нравственные силы его: самодержавіе соединило расторгнутые члены государства, уврачевало язвы его, дало ему единство и упрочило его цѣлостъ въ такой огромной массѣ, которой не было въ исторіи міра ничего подобнаго; наконецъ, вѣра, торжествующая надъ всѣми земными бѣдствіями, помогла ему устоять противъ всѣхъ бурь и волненій, сохранила бытіе Россіи при напорѣ и полудикихъ ордъ языческаго востока и полупросвѣщенныхъ полчищъ мятежнаго запада; и она же, основанная въ нашемъ отечествѣ на незыблемомъ камени православія, служить ему вѣрнѣйшею защитой отъ того развращенія умовъ, которое гибельнѣе всѣхъ золъ и иноплеменныхъ нашествій. На сихъ то спасительныхъ началахъ почиваетъ и настоящее благоденствіе наше, и крѣпкая надежда будущаго“.... Свое направленіе министръ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „при оживленіи всѣхъ умственныхъ силъ, охранить ихъ теченіе въ границахъ безопаснаго благоустройства, внушить юношеству, что на всѣхъ степеняхъ общественной жизни умственное совершенствованіе безъ совершенствованія нравственнаго—мечта и мечта пагубная, изгладить противоборство такъ называемаго европейскаго образованія съ потребностями нашими, исцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпаго и необдуманнаго пристрастія къ поверхностному и иноземному, распространяя въ юныхъ умахъ радужное уваженіе къ отечественному и полное убѣжденіе, что только принаровленіе общаго всемірнаго просвѣщенія къ нашему народному быту, къ нашему народному духу, можетъ принести истинные плоды всѣмъ и каждому; потомъ обнять вѣрнымъ взглядомъ огромное поприще, открытое предъ любезнымъ отечествомъ, оцѣнить съ точностію всѣ противоположные элементы нашего гражданскаго образованія, всѣ историческія данныя, которыя стекаются въ обширный составъ имперіи, обратить сіи развивающіеся элементы и пробужденныя силы, по мѣрѣ возможности, къ одному знаменателю; наконецъ, искать этого знаменателя въ тройственномъ понятіи православія, самодержавія и народности“.... И такъ, въ девизѣ православія, самодержавія и народности слились три основные элемента—религіозный, политическій и этический. Подъ народностью гр. Уваровъ разумѣлъ не столько этнографическую, сколько

нравственную коллективную единицу, известный комплекс этически-общественныхъ понятій, составлявшихъ специфическую особенность русскаго народа. Его воззрѣнія, какъ мы видимъ, подходятъ здѣсь къ славянофильскимъ, хотя и не могутъ быть отождествлены съ ними, не смотря на сходство ихъ формулы; идея „народности“ гр. Уварова была официально государственной, въ то время какъ у славянофиловъ она носила на себѣ печать этнографіи. „Общественная мысль, говоритъ современный историкъ русской этнографіи, съ начала Николаевскихъ временъ была въ состояніи крайней подавленности. Катастрофа, обрушившаяся на либеральный кружокъ Александровскаго времени, изгнала изъ обращенія цѣлый разрядъ идей и стремленій, предметомъ которыхъ было исправленіе общественныхъ недостатковъ и возвышеніе общественнаго сознанія, слабые проблески движенія оказывались только въ литературѣ; наибольшая доля ея служила элементарнымъ книжнымъ потребностямъ общества въ духѣ господствовавшего настроенія; лишь меньшая доля будила общественную мысль, дѣйствуя на сравнительно небольшую часть общества. Рядомъ со слабостью образовательнаго интереса въ обществѣ шла и слабость научныхъ средствъ“. И дѣйствительно, въ наукахъ университетскаго преподаванія, не смотря на провозглашенный принципъ народности, не было мѣста этнографіи! Въмѣсто того чтобы соединить въ гармоническомъ сочетаніи государственный и общественный элементъ, дабы одинъ могъ помогать и содѣйствовать другому, система гр. Уварова пыталась совсѣмъ подорвать второй и распространить на его счетъ первый. „Если выходъ изъ грубой тьмы невежества и непрерывное дальнѣйшее движеніе къ свѣту необходимы для человѣка, заявлялъ онъ, то попечительное въ этомъ дѣлѣ участіе правительства необходимо для народовъ. *Только* правительство имѣетъ всѣ средства знать и высоту успѣховъ всемірнаго образованія, и настоящіи нужды отечества. Съ одной стороны облегчая каждому способъ къ основательному приобрѣтенію и совершенствованію полезныхъ свѣдѣній, съ другой соображая ходъ новыхъ идей съ вѣрою, учрежденіями, обычаями и иными особенностями государства и, наконецъ, съ общими успѣхами его жителей на поприщѣ гражданственности, оно содѣйствуетъ, сколько можно долѣе для страны своей, тѣмъ надежнѣйшему, мирному и прочному въ ней развитію просвѣщенія; блюдетъ истинныя выгоды народа и предохраняетъ его отъ тѣхъ нравственно политическихъ язвъ, которыя подобно физическимъ, только въ общемъ планѣ провидѣнія могутъ быть не безполезны, но коихъ и любовь къ родинѣ и даже здравый смыслъ велитъ намъ избѣгать, какъ незавидной печальной доли—страдать въ поученіе другимъ“. Въ обращеніи

къ университетамъ гр. Уваровъ прямо говорилъ, что „каждый изъ профессоровъ долженъ употребить всѣ силы, дабы *сдѣлаться достойнымъ орудіемъ правительства*“. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, лучшія общественныя стремленія замерли и люди, истинно просвѣщенные, любившіе Россію, желавшіе для нея прогресса, нравственно страдали въ это время. „Неужели, въ самомъ дѣлѣ, восклицаетъ въ своемъ дневникѣ подъ 1833 годомъ Никитенко, все честное и просвѣщенное такъ мало уживается съ общественнымъ порядкомъ! Хорошъ же послѣдній! На что же заводить университеты? Непостижимое дѣло! Опять велѣно отпратить за границу для усовершенствованія въ наукахъ двадцать избранныхъ молодыхъ людей—а что они будутъ дѣлать тутъ, возвратясь со своими познаніями, съ благороднымъ стремленіемъ озарить свое поколѣніе свѣтомъ истины“... Далѣе онъ даетъ въ высшей степени мѣткую, хотя и нѣсколько сатирическую характеристику Александровскихъ и Николаевскихъ временъ. „Было время, что нельзя было говорить объ удобреніи земли, не сославшись на тексты изъ священнаго писанія. Тогда Магницкіе и Руничі требовали, чтобы фило-софія преподавалась по программѣ, сочиненной въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія; чтобы, преподавая логику, старались бы въ тоже время увѣрить слушателей, что законы разума не существуютъ, а, преподавая исторію, говорили бы, что Греція и Римъ вовсе не были республиками, а такъ чѣмъ то похожимъ на государства съ неограниченною властью, въ родѣ турецкой или монгольской. Могла ли наука принести какой нибудь плодъ, будучи такъ извращаема? А теперь? О, теперь совсѣмъ другое дѣло. Теперь требуютъ, что бы литература процвѣтала, но никто бы ничего не писалъ ни въ прозѣ, ни въ стихахъ; требуютъ, чтобы учили какъ можно лучше, но чтобы учащіе не размышляли, потому что учащіе—что такое? Офицеры, которые (сурово) управляютъ съ истиной и заставляютъ ее вертеться во всѣ стороны передъ своими слушателями. Теперь требуютъ отъ юношества, чтобы оно училось много и притомъ не механически—но чтобы оно не читало книгъ и никакъ не смѣло думать, что для государства полезнѣе, если его граждане будутъ имѣть свѣтлую голову вмѣсто свѣтлыхъ пуговицъ на мундирѣ“. Еще болѣе яркую картину общественнаго настроенія лучшихъ людей своего времени даетъ Никитенко въ слѣдующемъ отрывкѣ подъ 1834 годомъ. „Причина нынѣшняго нравственнаго паденія у насъ, по моему наблюденію, пишеть оны, въ политическомъ ходѣ вещей. Настоящее поколѣніе людей мыслящихъ не было таково, когда исполненное свѣжей юношеской силы оно впервые вступало на поприще умственной дѣятельности. Оно не было

проникнуто такимъ глубокимъ безвѣріемъ, не относилось такъ цинично ко всему благому и прекрасному. Но власти объявили себя врагами всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни учебной администраціи, они однако до того затруднили насъ цензурою, частыми преслѣдованіями и общимъ направленіемъ къ жизни, чуждой всякаго нравственнаго самопознанія, что мы вдругъ увидѣли себя въ глубинѣ души какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются. Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму; что всякая свѣтлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что люди образованные въ нашемъ обществѣ считаются паріями; что оно пріемлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать—тогда все юное поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло. Всѣ его высокія чувства, всѣ идеи, согрѣвавшія его сердце, воодушевлявшія его къ добру, къ истинѣ, сдѣлались мечтами безъ всякаго практическаго значенія—а мечтать людямъ умнымъ смѣшно. Все было приготовлено, настроено и устроено къ нравственному преуспѣванію—и вдругъ этотъ складъ жизни и дѣятельности оказался несвоевременнымъ, негоднымъ: его пришлось ломать и на развалинахъ строить канцелярскія камеры и солдатскія будки. Но скажутъ, что въ это время открывали новые университеты, увеличили штаты учителямъ и профессорамъ, посылали молодыхъ людей за границу для усовершенствованія въ наукахъ; это значило еще увеличивать массу несчастныхъ, которые не знали, куда дѣться со своимъ развитымъ умомъ, со своими требованіями на высшую умственную жизнь“. Сильнѣе всего этотъ гнетъ мысли проявлялся въ подвигахъ тогдашней цензуры. Достаточно вспомнить, что въ это время дѣйствовалъ знаменитѣйшій изъ цензоровъ, Красовскій, по выраженію современника, „цѣликомъ казенный человекъ, какъ понимали казеннаго человека въ старину... Въ немъ все было напоказъ: тѣло и душа въ мундирѣ; набожность, православіе, человѣческое чувство, служба—все форменнаго покроя. Водотолченное усердіе, принизительное смиреніе, угодливость передъ высшими, рассчитанное ханжество—все это служило ему ходулями впродолженіи всей его дѣятельности“. Еще въ 1823 году составленъ былъ проектъ новаго цензурнаго устава, долженствовавшего замѣнить собою хотя и урѣзан-

ный, но все таки либеральный уставъ 1804 года, не соответствовавший духу времени. Редакторомъ его былъ Магницкій. Вообще въ министерство кн. А. Н. Голицына цензура отличалась большою строгостью. При Шишковѣ подвергалось гоненію все, что имѣло связь съ прежнимъ библейскимъ обществомъ; цензура надъ свѣтскими сочиненіями также не была облегчена, а еще болѣе усилилась. Шишкову принадлежитъ также честь составленія новаго цензурнаго устава 1826 г., который былъ прозванъ „чужиннымъ“ и о которомъ цензоръ Глинка говоритъ, что, руководствуясь имъ, „можно“ и „Отче нашъ“ истолковать якобинскимъ нарѣчіемъ“. Въ 1828 г. былъ впрочемъ изданъ новый цензурный уставъ болѣе либеральнаго содержанія; вѣдомство цензуры было заключено въ немъ въ предѣлы, болѣе соответствующіе ея истинному назначенію: нельзя было теперь доискиваться въ рукописяхъ тайнаго смысла, входить въ сужденіе по существу о взглядахъ писателя, поправлять его ошибокъ и т. п. Но съ 1830 г., вслѣдствіе іюльской революціи и польскаго возстанія въ Россіи, снова начались печальные дни; цензоръ Никитенко въ своемъ дневникѣ подъ 1830 годомъ говоритъ: „истекшій годъ принесъ мало утѣшительнаго для просвѣщенія въ Россіи. Надъ нимъ тяготѣлъ унылый духъ притѣсненія. Многія сочиненія въ прозѣ и стихахъ запрещались по самымъ ничтожнымъ причинамъ, можно сказать, даже безъ всякихъ причинъ, подъ влияніемъ овладѣвшей цензорами паники.... Цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ. Намъ пришлось удостовѣриться въ горькой истинѣ, что на землѣ русской нѣтъ и тѣни законности. Умы болѣе и болѣе развращаются, видя, какъ нарушаются законы тѣми самими, которые ихъ составляютъ, какъ быстро одни законы смѣняются другими и т. п.“. Новый министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ взялъ дѣло цензуры въ свои руки и, пользуясь своимъ широкимъ образованіемъ, знаніемъ современной ему литературы и журналистики, завязалъ надъ ними крѣпкій узелъ своей официальной власти: имъ между прочимъ, какъ извѣстно, были закрыты „Московскій телеграфъ“ Полеваго и „Телескопъ“ Надеждина; при немъ же въ 1834 году состоялось запрещеніе печатать дешевыя книги для народа, ибо „приводить низшіе классы нѣкоторымъ образомъ въ движеніе и поддерживать ихъ какъ бы въ состояніи напряженія не только бесполезно, но и вредно“ ¹⁾.

---

¹⁾ Настоящій очеркъ, представляющій какъ бы широкое историческое введеніе въ исторію Харьковскаго университета за 2-й періодъ его существованія, не претендуетъ, конечно, на повизну и самостоятельность, но заключаетъ въ себѣ сводку от-

Мы должны были выяснитъ отношеніе къ дѣлу высшаго народнаго образованія центральнаго правительства во вторую половину царствованія Императора Александра I-го и первые десять лѣтъ царствованія Императора Николая Павловича, ибо безъ этого намъ было бы неясно и направленіе правительственной дѣятельности мѣстныхъ органовъ управленія, т. е. попечителей Харьковскаго учебнаго округа, а также отчасти и самого университета, съ его выборной администраціей, главнымъ образомъ ректорой. Политика министерства отражалась въ большей или меньшей степени и на мѣстѣ, во всѣхъ учебныхъ округахъ, въ томъ числѣ и въ Харьковскомъ;—и теперь намъ нужно обратиться къ обзорѣнью университетской дѣятельности Харьковскихъ попечителей, такъ какъ она съ одной стороны имѣла важное вліяніе на университетъ и на его самоуправленіе по существу, а съ другой—опредѣляетъ намъ степень реакціи, нашедшей себѣ проявленіе именно въ Харьковскомъ университетѣ.

Первымъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа былъ извѣстный намъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, который много способствовалъ и устройенію университета въ Харьковѣ, и его дальнѣйшему развитію и преуспѣянію. Гр. Потоцкій не жилъ въ Харьковѣ и управлялъ университетомъ, такъ сказать, издалека. При такихъ условіяхъ ему, казалось бы, было трудно и даже невозможно внимательно слѣдить за университетскими дѣлами, вникать во всѣ мелочи университетской жизни, составлять себѣ вѣрное представленіе о профессорахъ, ихъ дѣятельности, мотивахъ этой послѣдней, бытѣ студентовъ и т. п. И однако, ознакомившись внимательно по документамъ съ многолѣтнею дѣятельностью Потоцкаго въ качествѣ попечителя Харьковскаго округа,

---

посылаюся сюда матеріала, извлеченнаго изъ главнѣйшихъ пособій и первоисточниковъ. Въ основу его положены слѣдующіе труды и изданія: 1) М. И. Сухомлинова. Исслѣдованія и статьи. СПб. 1889 г., т. I-й; 2) А. Н. Пыпина. Общественное движеніе въ Россіи при Императорѣ Александрѣ I-мъ и Исторія русской этнографіи; 3) В. К. Надлера. Императоръ Александръ I и идея священнаго союза; 4) Н. К. Шильдера. Императоръ Александръ I-й, его жизнь и царствованіе; 5) Теохтистова. Магницкій. СПб., 1865 г.; 6) Скабичевскаго. Очерки исторіи русской педаніи, СПб., 1892 г.; 7) Е. Шмида. Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, СПб., 1878 г.; 8) Щербальскаго. А. С. Шишкова, его союзники и противники (Рус. Вѣст. 1870 года, томъ 90-й); 9) Записки, мѣтнія и переписка адм. А. С. Шишкова, изд. Касилева и Ю. Самарина, т. 2-й, Berlin; 10) Семейная хроника и воспоминанія С. Аксакова, изд. 3-е М. 1862-й; 11) Записки и дневникъ Никитенка, т. 1-й, СПб., 1893 г., 12) Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. 1-й и 2-й, СПб., 1864 г.; 13) Сборникъ распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. 1-й (1802—1834 г.), СПб., 1866 г.

мы должны высказать заключеніе, что она была очень энергична, разумна, цѣлесообразна и полезна какъ для университета, такъ и для подвѣдомственныхъ ему въ округѣ школъ. Правда, гр. Потоцкій не проживалъ постоянно въ Харьковѣ, но въ этомъ и не было настоятельной надобности при томъ отношеніи его къ университету, какое онъ проводилъ, очевидно, принципиально: онъ только внимательно слѣдилъ за дѣятельностью органовъ его управленія, чтобы они не отступали отъ устава, не нарушали справедливости и пользы университета, разрѣшалъ возникавшія недоразумѣнія и затрудненія, постановлялъ свои рѣшенія, давалъ разъясненія и благожелательные совѣты, но не старался вмѣшиваться въ мелочи университетской жизни, суживать широкую автономію, предоставленную совѣту уставомъ 1804 года. Скорѣе можно сказать, что онъ стоялъ за расширеніе выборнаго начала. Такъ, между прочимъ, уже въ 1816 году онъ вошелъ съ представленіемъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому о предоставленіи должности секретаря совѣта, по выборамъ, не ординарнымъ профессорамъ, какъ того требовалъ уставъ, а экстраординарнымъ или адъюнктамъ. Основывался онъ въ своемъ заключеніи на мотивированномъ мнѣніи по этому поводу проф. Книгина ¹⁾. И результаты, по

¹⁾ Вотъ подлинный текстъ любимаго мнѣнія Книгина. „Съ самаго вступленія въ университетъ замѣтилъ я, что должность секретаря совѣта почти нигдѣ не была охотно принимаема, что происходитъ по мнѣнію моему отъ слѣдующихъ причинъ: обязанность секретаря совѣта есть записывать въ протоколъ всѣ бумаги, поступающія въ совѣтъ и рѣшенія по онымъ послѣдовавшія, замѣчать мнѣнія профессоровъ о дѣлѣ, представляемомъ на сужденіе, сочинять протоколы и списки оныхъ, чинить справки по дѣламъ, исполнять опредѣленія совѣта, сочинять представленія къ г-ну Министру и г-ну Попечителю, давать выписки въ Правленіе, училищный комитетъ, въ отдѣленія и сочинять письма къ разнымъ лицамъ, содержать порядокъ архива и прочее; изъ чего явствуетъ, что сія должность весьма обширна, и по мнѣнію моему неправильно падаетъ на члена совѣта, ибо каждый членъ оного, какъ профессоръ ординарный, довольно дѣлъ имѣетъ по должности профессора: при томъ какъ возможно, чтобы одинъ и тотъ же членъ былъ вмѣстѣ и секретарь совѣта. Во всѣхъ государственныхъ коллегіяхъ секретарь замѣчаетъ только мнѣнія членовъ, не имѣя голоса въ рѣшеніяхъ; хотя въ академіи наукъ академикъ и отправляетъ секретарскую должность, но въ ней нѣтъ судебныхъ дѣлъ; иначе послѣдовало бы замѣшательство, что доказывается и у насъ самымъ дѣломъ. Профессоръ Рейтъ по сказаннымъ причинамъ отказался отъ должности. Профессоръ Лангъ никогда не имѣлъ бы случая гнѣваться на совѣтъ, ежели бы не былъ секретаремъ оного, профессоръ Каменскій также много имѣлъ непріятности при исправленіи этой должности. Основываясь на этомъ, полезнѣе было бы поручить эту должность одному изъ экстраординарныхъ профессоровъ или адъюнктовъ, способныхъ къ ней, потому что они въ обыкновенномъ собраніи не будутъ участвовать во мнѣніяхъ, подаваемыхъ въ совѣтъ и отъ нихъ совѣтъ можетъ

крайней мѣрѣ, въ первые годы получались вполне благоприятные: университетская жизнь шла хорошо, по правильному пути. Нужно впрочемъ замѣтить, что, не смотря на дальность разстоянія, отдѣлявшаго Харьковъ отъ мѣстопребыванія попечителя, между нимъ и совѣтомъ университета шла правильная, частая и регулярная корреспонденція и, просматривая протоколы совѣта, види въ каждомъ изъ нихъ отзывы, заключенія и рѣшенія гр. Потоцкаго, совершенно забываешь объ отсутствіи его изъ Харькова и получаешь впечатлѣніе, что онъ будто бы жилъ здѣсь же на мѣстѣ. Еще болѣе приходится изумляться отзывчивости гр. Потоцкаго на нужды средняго и низшаго народнаго образованія въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа. Къ каждому году относится большая книга рукописныхъ „предложеній“ гр. Потоцкаго, касающихся устройства и управленія училищъ; здѣсь онъ вникаетъ уже во всѣ мелочи—и въ учебную, и въ административную, и въ хозяйственную часть. Возможность такого проникновенія въ университетскія и училищныя дѣла объясняется прежде всего, конечно, искреннею преданностью попечителя дѣлу народнаго образованія, затѣмъ его способностями къ нему, умѣньемъ разобраться въ новомъ и запутанномъ дѣлѣ, знаніемъ жизни и людей, и, наконецъ, обиліемъ и полнотою письменныхъ данныхъ, доставлявшихся изъ Харькова и позволявшихъ ему составлять себѣ достаточно ясное представленіе о жизни университета. Но само собою разумѣется, что и всего этого было бы недостаточно, если бы гр. Потоцкій не предпринималъ время отъ времени поѣздки въ Харьковъ и Харьковскій учебный округъ. Во время этихъ поѣздокъ онъ личными впечатлѣніями, осмотромъ и изученіемъ пополнял то, что для него было не вполне ясно, проверялъ письменные отчеты о положеніи дѣлъ, знакомился съ дѣятелями, о которыхъ получалъ письменные отзывы. Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи отчеты гр. Потоцкаго Министру Народнаго Просвѣщенія объ осмотрѣ нѣкоторыхъ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній—и можемъ засвидѣтельствовать, что они носятъ на себѣ печать указанныхъ выше свойствъ, соединенныхъ съ присущею ему наблюдательностью. Въ самые послѣдніе годы, не безъ вліянія измѣненій правительственной политики, измѣняется повидимому и отношеніе гр. Потоцкаго къ Харьковскому универ-

---

требовать болѣе, чѣмъ отъ своего товарища и не нужно будетъ его перемѣнять ежегодно, какъ бываетъ у насъ, о чемъ предлагаю просить его сіятельство попечителя“.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, вполне согласившись съ этими доводами, разрѣшилъ выбирать въ секретари совѣта, доколѣ не будетъ полнаго комплекта ординарныхъ профессоровъ, экстраординарныхъ или адъюнктовъ. (Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

ситету; вмѣсто прежняго живого увлеченія мы видимъ какъ бы разочарованіе и равнодушіе. Приспособляться къ „новому курсу“ ему не хотѣлось, да и не было особенной надобности. Въ немъ все таки чувствовался прежде всего просвѣщенный вельможа независимаго и прогрессивнаго образа мыслей, а не бюрократъ, готовый приспособляться къ любой системѣ образованія. Это былъ человѣкъ европейской культуры и привычекъ, высоко ставившій просвѣщенные страны запада—Германію и Францію. А съ 1812-го года у насъ началось, какъ мы знаемъ, сильное движеніе противъ всего иноземнаго, и эта реакція противъ иностранцевъ нашла себѣ выраженіе и въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, въ лицѣ гр. А. К. Разумовскаго: въ 1815 году было предложено совѣту Харьковскаго университета министромъ возводить въ адъюнкты только однихъ русскихъ ученыхъ, но отнюдь не иностранцевъ, чтобы такимъ образомъ всѣ кафедры перешли къ русскимъ преподавателямъ ¹⁾. Отношенія между русскими и иностранными профессорами, какъ мы знаемъ, обострились и въ Харьковскомъ университетѣ. Тогда же разыгрался у насъ печальный эпизодъ съ ректоромъ Стойковичемъ, который умѣлъ выставить въ благопріятномъ свѣтѣ свою дѣятельность передъ попечителемъ, цѣнившимъ его дѣйствительно выдающуюся энергію, живой умъ, образованіе, житейскій тактъ. Къ сожалѣнію, Потоцкій именно въ это время и не навѣдывался въ Харьковъ: въ теченіе послѣднихъ лѣтъ управленія своего онъ не являлся сюда, между тѣмъ какъ раньше пріѣзжалъ почти ежегодно. Но и съ удаленіемъ Стойковича волненіе все таки еще нѣкоторое время продолжалось: страсти не могли успокоиться такъ быстро. Стойковичъ съ своей стороны, въ отместку за удаленіе, написалъ въ Петербургъ доносъ на Харьковскій университетъ и требовалъ слѣдствія: новый ректоръ Осиповскій долженъ былъ давать объясненія по поводу этого извѣта. Въ 1816 году возникло новое прискорбное дѣло—доносъ на проф. Шада, окончившійся удаленіемъ его отъ профессуры и административной высылкой изъ Харькова. Этотъ эпизодъ является однимъ изъ проявленій той общей реакціи, которая охарактеризована была нами выше; дѣло Шада началось правда въ министерство гр. Разумовскаго, но получило столь суровый исходъ при кн. А. Н. Голицынѣ: этимъ новый Министръ Народнаго Просвѣщенія началъ свою дѣятельность въ отношеніи къ Харьковскому университету. Мы посвятили этому любопыт-

¹⁾ Сборникъ распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія т. 1-й, (1802—1834), СПб., 1866, стр. 259—260.

ному эпизоду отдѣльный очеркъ ¹⁾, такъ какъ обширный матеріалъ, найденный нами въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, не вмѣстился бы въ рамки настоящаго труда, а между тѣмъ представляетъ во многихъ отношеніяхъ высокій интересъ. Въ виду этого здѣсь мы ограничимся только немногими извлеченіями изъ этой спеціальной монографіи, чтобы дать общее представленіе о ходѣ дѣла. Обстоятельства, предшествовавшія высылкѣ Шада, были таковы. Проф. Дегуревъ, въ засѣданіи совѣта 22 декабря 1815 года, возбудилъ вопросъ о необходимости сличенія докторской диссертациі кандидата Гриневича съ лекціями проф. Шада, такъ какъ, по его мнѣнію, она списана именно съ нихъ. Въ январѣ 1816 года онъ подалъ такое же заявленіе и о диссертациі Ковалевскаго, сходной во всемъ съ прежде вышедшимъ въ свѣтъ сочиненіемъ того же проф. Шада. Произведено было тщательное сличеніе рукописей—и фактъ многочисленныхъ заимствованій былъ установленъ. Проф. Шадъ съ своей стороны объяснилъ, что онъ съ разрѣшенія факультета (и такъ оно было въ дѣйствительности) развилъ и расширилъ диссертацию Ковалевскаго по обычаю, господствовавшему въ западныхъ университетахъ: напечатана же была эта диссертациа въ двухъ редакціяхъ—краткой Ковалевскаго, и обширной—его Шада. Выдача дипломовъ обоимъ аспирантамъ однако была пріостановлена отчасти совѣтомъ, отчасти министерствомъ, которое вытребовало къ себѣ въ Петербургъ и диссертациі, и студенческія записки Шада. Вслѣдъ за дѣломъ о промоціяхъ, направленнымъ косвенно противъ Шада, возникло противъ него уже прямое обвиненіе по поводу изданныхъ имъ сочиненій „*De viris illustribus urbis Romae*“ и „*Institutiones juris naturae*“. Первая книга представляла переработку сочиненія Ломонда и предназначалась въ качествѣ хрестоматіи для учащихся. Ожесточенный врагъ проф. Шада проф. Дегуревъ (Дегуревъ былъ французъ, а Шадъ выступалъ съ рѣзкими нападкамі на Францію и Наполеона), въ качествѣ члена цензурнаго комитета, вошелъ съ представленіемъ въ совѣтъ о томъ, что книга Шада заключаетъ въ себѣ многія неудобныя мѣста и выраженія, въ особенности для юношества. Нужно впрочемъ замѣтить, что эту книгу Ломонда хотѣлъ перевести самъ Дегуревъ, а Шадъ выступилъ его конкурентомъ и предложилъ совѣту безъ всякаго вознагражденія приготовить ее къ изданію, дополнить и снабдить своими примѣчаніями. Раздраженъ былъ

¹⁾ „Въ Запискахъ Императорскаго Харьковскаго университета“ за 1899-й годъ, есть также и отдѣльные оттиски—„Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета“. X. 1899, 147 стр.

Дегуровъ также предисловіемъ Шада къ этой книгѣ, въ которомъ были рѣзкія выходки противъ французовъ. При такомъ возбужденіи противниковъ, арена совѣтскаго зала сдѣлалась уже для нихъ тѣсной и они перенесли дѣло далеко за ея предѣлы—въ Петербургъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Одновременно съ указаннымъ выше сочиненіемъ Шада была признана неблагонадежной и другая книга его— „*Institutiones juris naturae*“, вышедшая въ свѣтъ съ одобренія университетской цензуры. Вредныя мѣста въ ней были отмѣчены какимъ то недоброжелателемъ Шада, жившимъ въ Харьковѣ; этотъ доносъ анонима и послужилъ главнымъ матеріаломъ для осужденія книги—по крайней мѣрѣ бумага министра, присланная въ совѣтъ Харьковского университета, содержитъ въ себѣ буквально все обвиненія, указанные въ этомъ документѣ. Кромѣ этого доноса въ распоряженіи министра было еще два доноса проф. Дегурова, найденныхъ мною въ оригиналахъ въ дѣлѣ Шада, хранящемся въ Петербургѣ въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ доносѣ анонима и въ бумагѣ министра говорилось, что изданная проф. Шадомъ книга о естественномъ правѣ не годится для юношества, благодаря пространному и во многихъ мѣстахъ неясному изложенію; сверхъ того въ ней заключаются вовсе не идущія къ дѣлу разсужденія, напримѣръ, объясненія его собственной системы и опроверженіе мнѣній противниковъ, намѣки на новѣйшія политическія событія и на извѣстныхъ лицъ, сильное нападеніе на французовъ въ пользу нѣмцевъ, длинные отрывки не только изъ древнихъ, но и новѣйшихъ авторовъ и даже поэтовъ, много отвлеченныхъ и темныхъ мыслей. Авторъ придерживается новѣйшей германской философіи, въ особенности Шеллинга, а между тѣмъ весьма сомнительно, можно ли прямо допускать ее въ Россіи и вкоренить въ память русскаго юношества. Кромѣ того есть мѣста, въ которыхъ авторъ разсуждаетъ не съ надлежащею осторожностью и выражаетъ свои мысли не съ тою скромностью, какая нужна въ учебной книгѣ. Встрѣчаются мѣста въ его книгѣ, не сообразныя съ коренными понятіями нашего государства: о государственной власти, о недопущеніи никакихъ особенныхъ истолкованій или ереси между православными христіанами; есть неприличныя упреки по поводу существующихъ въ Россіи учрежденій; объясненіе началъ супружескаго союза противно правамъ. Хотя правила автора и могли бы найти себѣ оправданіе, какъ сами по себѣ не противныя добродѣтели, но въ томъ видѣ, какъ они изложены, они неприличны въ сочиненіи, написанномъ для юношества, ибо могутъ подать поводъ къ соблазнамъ и даже порчѣ нравовъ. Одинъ доносъ проф. Дегурова касается докторскихъ промоцій Гриневича и

Ковалевскаго и отмѣчаетъ вредныя мысли въ тезисахъ къ диссертациі перваго изъ нихъ и вліяніе на него идей Шеллинга, проводимыхъ Шадомъ. Дегурову было хорошо извѣстно, что Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. Разумовскій относился неодобрительно къ Шеллинговой философіи, такъ какъ еще въ 1814 г. онъ писалъ совѣту Харьковскаго университета, [что съ видами Министерства несогласно распространеніе въ учебныхъ заведеніяхъ ученія Шеллинга; не мало противниковъ новѣйшей нѣмецкой философіи и метафизическихъ воззрѣній Шада было также и среди членовъ совѣта. Такимъ образомъ, Дегуровъ хорошо рассчиталъ свой походъ противъ Шада: онъ могъ найти сочувствіе и въ министерствѣ, и въ совѣтѣ. Другой доносъ Дегурова посвященъ отчасти философскимъ воззрѣніямъ Шада, отчасти его личности. Это, такъ сказать, опытъ обличительной біографіи Шада, составленный на основаніи двухъ его неблагонамѣренныхъ сочиненій—автобіографіи и „Жизни отца Синцера“. (Послѣдній трудъ представлялъ сатиру на монашество). Дегуровъ доказываетъ принадлежность его Шадѣ (онъ вышелъ безъ имени автора) и дѣлаетъ изъ него компрометирующія его выдержки—прямо обвиняетъ Шада въ раціонализмѣ и выходкахъ противъ христіанской религіи и морали. Вмѣстѣ съ замѣчаніями Дегуровъ приложилъ и инкриминируемыя книги, которыя были переданы министерствомъ на разсмотрѣніе еще одному неизвѣстному намъ рецензенту, который подвергъ ихъ довольно внимательному изученію и подтвердилъ выводы и заключенія Дегурова. Этимъ судьба Шада была рѣшена безповоротно, въ особенности когда во главѣ министерства сталъ кн. А. Н. Голицынъ: будучи ярымъ піетистомъ, онъ не могъ простить Шадѣ его призыва къ раціонализму, его выходокъ противъ христіанства и монашества. Въ этихъ трудахъ Шадъ дѣйствительно стоялъ на раціоналистической почвѣ: „вся его „Автобіографія“, говоритъ проф. О. А. Зеленогорскій, проникнута духомъ борьбы противъ іезуитовъ, монашества, папства и католичества во имя свободы совѣсти, разума и философіи“. Жалобы на Шада по дѣлу о докторскихъ промоціяхъ, а также явныя и тайныя обвиненія его сочиненій въ предосудительномъ направленіи привели къ весьма печальнымъ для него послѣдствіямъ: прежній министръ гр. А. К. Разумовскій ограничился только запрещеніемъ употреблять учебникъ естественнаго права Шада въ училищахъ, новый же министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ представленіе комитету министровъ объ удаленіи Шада отъ занимаемой имъ каѳедры, хотя ничего не могъ прибавить къ тѣмъ обвиненіямъ, которыя выставлены были противъ харьковскаго профессора при его предшественникѣ. Инициатива въ этомъ увеличеніи

наказанія принадлежитъ исключительно кн. А. Н. Голицыну, и самъ Шадъ напрасно поэтому выставлялъ, не зная истиннаго хода дѣлъ, однимъ изъ главныхъ виновниковъ своего бѣдствія попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго. Впрочемъ, обѣлая и выгораживая остававшася при своихъ обязанностяхъ министра и обвиняя удалившагося отъ должности попечителя, Шадъ, по всей вѣроятности, руководился отчасти и соображеніями политическаго свойства: не могъ же въ самомъ дѣлѣ онъ жаловаться на Голицына князю же Голицыну. Но что гр. Потоцкій велъ себя въ дѣлѣ Шада очень сдержанно и корректно, видно изъ свидѣтельства самого кн. А. Н. Голицына. Въ своемъ представленіи комитету министровъ онъ говоритъ, что потребовалъ отъ попечителя рѣшительнаго отзыва о Шадѣ и получилъ такой отвѣтъ: „нельзя не признать, что профессоръ этотъ въ разсужденіи представленныхъ Ковалевскимъ и Гриневичемъ диссертаций подвергъ себя нѣкоторому подозрѣнію въ пристрастіи; справедливо и то, что въ сочиненіе его „*De viris illustribus urbis Romae*“ включены мѣста, которыя, хотя и свойственны латинскому языку и не содержатъ въ себѣ прямой цѣли къ соблазну, но при всемъ томъ не могутъ быть терпимы въ книгахъ, издаваемыхъ для юношества; равнымъ образомъ и въ пространныхъ сочиненіяхъ, какъ, напримѣръ, въ Логикѣ и *Jus naturae*, встрѣчаются нѣкоторыя странности, свойственныя однако почти всѣмъ нѣмецкимъ философамъ, и онъ въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ оказывается виновнымъ. Но достаточны ли эти причины къ удаленію его отъ должности безъ дальнѣйшаго изслѣдованія и суда, о томъ представляетъ на мое разсмотрѣніе“. Этотъ отвѣтъ, какъ мы видимъ, болѣе чѣмъ сдержанный. Князь же А. Н. Голицынъ въ своемъ представленіи комитету министровъ выставилъ только тѣ обвиненія, о которыхъ шла рѣчь раньше, затѣмъ счелъ излишнимъ производить надъ Шадомъ слѣдствіе и судъ, слѣдовательно, не пожелалъ выслушать и объясненія самого обвиняемаго, и не захотѣлъ предать его суду совѣта и правленія, какъ этого требовалъ 66-й § университетскаго устава. Комитетъ министровъ съ своей стороны еще болѣе усилилъ наказаніе Шаду: постановилъ, удаливъ отъ должности, немедленно выслать за границу и обѣ изданныя имъ книги истребить. Въ дѣйствительности было сожжено экзекуторомъ Анадольскимъ въ присутствіи члена правленія Делявина только одно сочиненіе Шада—„*De viris illustribus urbis Romae*“, находившееся на складѣ въ университетской книжной лавкѣ; о книгѣ Шада по естественному праву правленіе донесло, что она находится у автора ¹⁾. И такъ, обвиненія противъ Шада оставались одни

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1817 г. №. 1316/61.

и тѣже—а градація наказаній все болѣе и болѣе увеличивалась: сначала приняты были только мѣры противъ его сочиненій, потомъ предложено было удалить и его отъ должности, а окончилось дѣло административною высылкой его изъ Харькова. 8-го декабря 1816 года, по предписанію министра полиціи, Шадъ былъ поспѣшно вывезенъ изъ Харькова и препровожденъ за границу. Вотъ какъ самъ онъ описывалъ эту высылку въ письмѣ, опубликованномъ въ „Іенскихъ всеобщихъ литературныхъ извѣстіяхъ“ (№ 58, 1817 года). „Извѣщаю друзей моихъ, принимающихъ во мнѣ участіе, и всѣхъ ученыхъ Германіи, что мени постигла въ Россіи неожиданная, ужасная и вовсе незаслуженная судьба. 5-го декабря прошлаго года получено было Харьковскимъ губернаторомъ приказаніе выслать меня изъ города и чрезъ Бѣлостокъ за границу. Это приказаніе исполнено было съ величайшею строгостію чрезъ 24 часа, въ теченіе которыхъ не имѣлъ я даже времени собрать нужные путевыя деньги, долженъ былъ оставить любезную жену и дочь, которая подаетъ великую надежду, домъ, дворъ, что приобрѣлъ неутомимыми трудами, и наконецъ на мой собственный счетъ многими извилинами и посреди самыхъ подлыхъ оскорбленій со стороны полицейскихъ командъ въ Польшѣ полумертвый былъ привезенъ на Прусскую землю, гдѣ немедленно, нашедъ людей и челоуѣколюбіе, былъ какъ-бы пробужденъ отъ смерти къ жизни ¹⁾).

¹⁾ Вотъ официальная переписка по поводу его высылки губернатора и ректора университета. „Милостивый Государь мой, Тимофей Федоровичъ, писалъ губернаторъ В. Муратовъ Осиповскому, Петербургскій военный генералъ губернаторъ и управляющій министерствомъ полиціи генералъ отъ инфантеріи Сергій Козмичъ Вязмитиновъ въ предписаніи ко мнѣ отъ 20-го минувшаго ноября сообщалъ мнѣ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе удаленнаго отъ должности профессора Харьковскаго университета Шада немедленно отправить за надлежащимъ присмотромъ къ правителю Бѣлостокской области для высылки его оттоль за границу, для наблюденія же впредъ, дабы сей Шадъ не могъ возвратиться въ Россію, предписано какъ правителю Бѣлостокской области, такъ и всѣмъ начальникамъ пограничныхъ губерній. Приступая нынѣ къ выполненію Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, я между тѣмъ отношусь къ Вашему Высочордію объ увѣдомленіи меня сколько можно поспѣшнѣе, не имѣтъ ли университетъ какихъ либо отношеній къ нему Шаде сверхъ удаленія отъ должности, которыя должны были выполнить на мѣстѣ и объ учиненіи зависящаго съ вашей стороны въ семъ послѣднемъ случаѣ распоряженія;—и какъ вчерашній день вы лично мнѣ отозвались, что Шадъ нынѣ по увольненіи университета находится у помѣщика Ковалевскаго, то я отрядилъ особаго чиновника земской полиціи для доставленія его сюда, полиціймейстеру же Харьковскому предписалъ, по прибытіи его сюда, поколь сдѣлано будетъ отправленіе его Шаде въ Бѣлостокъ, учредить надлежащій надзоръ, дабы не могъ куда либо отлучиться изъ города. Кромѣ того я предписалъ ему же, полиціймейстеру, дабы онъ явилъ

Еще будучи въ Харьковѣ, Шадъ составилъ оправдательную записку по своему дѣлу и отправилъ ее къ министру кн. А. Н. Голицыну, по эта записка была получена въ Петербургѣ уже тогда, когда состоялось постановленіе комитета министровъ о высылкѣ его изъ Россіи. Въ ней онъ освѣщаетъ съ своей точки зрѣнія дѣло съ диссертациями Гриневича и Ковалевскаго, доказываетъ, что онъ не допустилъ здѣсь ничего предосудительнаго, выставляетъ виновникомъ происшедшихъ споровъ проф. Дегурова, не раздѣляющаго въ качествѣ француза его философскихъ теорій, проникнутыхъ галлофобствомъ, требуетъ, чтобы его выслушали, и преподноситъ въ заключеніе объясненіе псалмовъ для библейскаго общества и исполненный Гриневичемъ переводъ ихъ на русскій языкъ. Заграницей Шадъ не успокоился: онъ обладалъ громаднымъ запасомъ жизненной энергіи, настойчивостью, граничившей съ упрямствомъ, вѣрою въ правоту своего дѣла; по его глубокому убѣжденію, истина рано или поздно должна была восторжествовать и на его обязанности, думалъ онъ, лежало раскрытіе правды и изобличеніе истинныхъ виновниковъ его несчастія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стремился къ тому, чтобы русское правительство во имя справедливости вознаградило его за нанесенный ему

ся у вашего Высочородія для объясненія, не будетъ ли нужно какое либо содѣйствіе его касательно отношеній къ Шаду по университету" (5 декабря 1816 г.). Ректоръ созвалъ по этому поводу экстренное засѣданіе правленія, которое, обсудивъ дѣло, да- ло губернатору слѣдующій отвѣтъ: „у г. Шаде не имѣется къ университету, кромѣ должности, никакихъ особенныхъ отношеній, но 1) проф. Шадъ имѣетъ у себя подъ роспискою нѣкоторыя книги изъ университетской бібліотеки, кои поручено немедлен- но отъ него отобрать экзекутору университета при секретарѣ правленія; 2) для не- го, Шада, печатаемы были въ университетской типографіи на его счетъ его сочи- ненія—а) Логика въ числѣ 1500 экз. б) Естественное право въ 1014 экз., коего пуб- личное преподаваніе запрещено особымъ предложеніемъ Министра Народнаго Про- свѣщенія и с) 200 экз. о славныхъ мужахъ Рима, кои всѣ писаны на латинскомъ языкѣ и изъ нихъ о послѣднемъ производится дѣло по найденнымъ въ немъ нѣкоторымъ мѣстамъ, несогласнымъ съ правилами о цензурѣ книгъ; 3) что онъ профессоръ Шадъ имѣетъ семейство, состоящее изъ жены и двухъ дѣтей, изъ коихъ жена—иностранныя происхожденія, родившаяся въ Россіи, вѣроисповѣданія католическаго, дѣти же его отъ первой жены сынъ Германъ и дочь Тулія лютеранскаго исповѣданія; 4) что онъ имѣетъ домъ въ г. Харьковѣ за Лопанью въ Рождественскомъ приходѣ; при дѣлахъ имѣется заемное письмо на сумму 2000 р., должную ему, профессору Шаду, баро- номъ де Спіннелли, по коему изысканіе предоставилъ онъ гимназіи войска донскаго, жертвуя въ пользу ея процентами и рекамбію, причитающимися на то заемное пись- мо" (6 декабря). 7-го декабря губернаторъ уведомилъ Осиповскаго о томъ, что Шадъ высылается изъ Харькова. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія № 1174/117). При- бавимъ кстати, что правленіе университета отнеслось гуманно къ семьѣ несчастнаго Шада—исполнило просьбу жены его о выдачѣ ей заимообразно на дорогу высылаемому супругу 1000 рублей (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія 1817 г. 1316/61).

матеріальний вредъ и обезпечило до нѣкоторой степени и его самого на старости лѣтъ, и въ особенности его семью, которая дѣйствительно страдала безъ всякой вины со своей стороны. И вотъ, для того чтобы добиться своей цѣли, Шадъ поднимаетъ шумъ по своему дѣлу въ Германіи: печатаетъ то письмо въ Іенской газетѣ, выдержку изъ котораго мы привели; вслѣдъ за тѣмъ въ Гамбургской газетѣ „Deutscher Beobachter“ была напечатана корреспонденція изъ Берлина, въ которой рассказывалось о злословіяхъ Шада и между прочимъ говорилось: „происшествіе, случившееся съ нимъ, возбуждаетъ не только здѣсь, но и во всей Германіи величайшее удивленіе... Къ происшествію этому не можетъ равнодушно отнестись и руссiйское правительство. Какой нѣмецкій ученый рѣшится впредъ поступить на службу въ руссiйскій университетъ, если въ воздаяніе за труды свои долженъ опасаться подобнаго же поступка. Иванъ Шадъ, уроженецъ Вюрцбургскій, извѣстенъ въ Іенѣ, какъ человѣкъ безпорочныхъ правилъ и при томъ основательно ученый мужъ. Онъ преподавалъ тамъ публичные уроки и во всей Германіи извѣстенъ по своимъ сочиненіямъ. Въ особенности оказалъ онъ великія услуги Харьковскому университету. Тѣмъ больше приводитъ всѣхъ въ удивленіе безчеловѣчный съ нимъ поступокъ. Нынѣ онъ обратился съ просьбою къ Россiйскому Императору и нельзя никакъ сомнѣваться, чтобы этотъ истинно христiанскаго духа Государь не оказалъ вспоможеніи своему притѣсненному. Ибо когда не отказано было апостолу Павлу видѣть обвинителей своихъ предъ собою, хотя то было и во время свирѣпаго языческаго кесаря Нерона, то кольми паче можетъ честный Шадъ надѣяться, что человѣколюбивый Александръ, учредитель христiанскаго союза, окажетъ ему всю справедливость“. Русское правительство, узнавъ отъ своихъ дипломатическихъ агентовъ за границей о невыгодномъ для него впечатлѣніи, произведенномъ газетными статьями о дѣлѣ Шада, напечатало оффиціозное опроверженіе, въ которомъ называло ложными его утвержденія о невинности и заявляло, что онъ удаленъ за вредное направленіе сочиненій, предназначавшихся для русскаго юношества. Въ 1818 году Шадъ отправилъ въ Петербургъ изъ Іены оправдательную записку, въ которой защищалъ отъ обвиненій Дегурова тѣ мѣста своихъ сочиненій, которыя были признаны вредными министерствомъ. Записка эта была написана съ большимъ воодушевленіемъ, силою, сознаниемъ своей правоты и безпощадною рѣзкостью по отношенію къ Дегурову. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что онъ отнюдь не преслѣдовалъ безправственныхъ цѣлей въ отмѣченныхъ въ качествѣ вредныхъ страницахъ своей книги. Но нельзя не отмѣтить также и того обстоятель-

ства, что все сочиненіе Шада о естественномъ правѣ было проникнуто идеей разумной свободы, которая, по его мнѣнію, должна управлять людскими отношеніями въ государствахъ. Въ началѣ царствованія Императора Александра, въ расцвѣтъ либерализма, трудъ Шада могъ встрѣтить хорошій пріемъ даже со стороны правящихъ сферъ. Но теперь времена измѣнились—и новое министерство, поднявшее гоненіе на философію и естественное право, никакъ не могло примириться съ общимъ духомъ и направленіемъ Шада и совсѣмъ не вѣрило, чтобы онъ отстаивалъ священныя начала христіанской религіи, нравственности, добродѣтели и существующаго порядка.

10 декабря 1818 года Шадъ отправилъ кн. А. Н. Голицыну другую бумагу, въ которой сообщилъ данныя объ оставшемся въ Харьковѣ своемъ имуществѣ и просилъ содѣйствія къ его возвращенію. Трудно было Шаду начинать свою карьеру за границей: сначала онъ получилъ только мѣсто приватъ-доцента въ Берлинскомъ университетѣ, а потомъ покровительствовавшій ему герцогъ Веймарскій опредѣлилъ его профессоромъ (безъ жалованья) въ Іенскій университетъ, гдѣ онъ былъ преподавателемъ до перехода въ Харьковъ. Въ этотъ же послѣдній городъ онъ былъ переведенъ, благодаря рекомендаціи Гете и Шиллера. Въ 1819 г. въ Веймарѣ Шадъ, благодаря герцогу, былъ представленъ прибывшему туда Императору Александру и преподнесъ ему ту самую книгу, за которую былъ высланъ изъ Россіи. Государь далъ ему въ подарокъ 300 червонцевъ. Къ Веймарскому посланнику въ Петербургъ онъ отправилъ въ 1820 году оправдательную записку, гдѣ снова излагалъ свое дѣло. Сдѣлалъ ли по этому поводу отъ себя какое либо представленіе посоль, мы не знаемъ. 3-го февраля 1820 года Шадъ отправилъ въ Петербургъ на имя Государя новое прошеніе и при немъ обширнѣйшую и въ высшей степени интересную оправдательную записку вмѣстѣ съ образцами своихъ религіозно-поэтическихъ упражненій. Содержаніе оправдательной записки сводится къ слѣдующимъ пунктамъ: сначала Шадъ говоритъ о своихъ матеріальныхъ потеряхъ, затѣмъ о нравственныхъ огорченіяхъ, характеризуетъ роль въ этомъ дѣлѣ своего обвинителя Дегурова и попечителя гр. С. О. Потоцкаго, разбиваетъ обвиненія, направленные противъ его книги „*Institutiones juris naturae*“, опредѣляетъ свое отношеніе къ философіи Шеллинга, защищаетъ свои сочиненія—*De viris illustribus*, нѣмецкую хрестоматію и изслѣдованіе о свободѣ челоѣческой мысли, характеризуетъ подробно духъ своей собственной христіанской философіи, рассказываетъ интересный эпизодъ со своею актовою рѣчью и заканчиваетъ свое

объясненіе новымъ указаніемъ на виновниковъ своего изгнанія. Записка составлена чрезвычайно вѣско и убѣдительно, написана превосходнымъ краснорѣчивымъ языкомъ, такъ что должна быть признана въ общемъ крупнымъ ораторскимъ произведеніемъ. Шадъ воспитался на выдающихся образцахъ классической литературы и прекрасно владѣлъ стилемъ какъ своего родного нѣмецкаго, такъ равно и латинскаго языка. Къ этимъ внѣшнимъ даннымъ изложенія присоединялась еще несокрушимая логика его яснаго, свѣтлаго ума и страстное воодушевленіе предметомъ изложенія, который былъ ему чрезвычайно дорогъ, составлялъ частицу его собственнаго „я“; дѣло шло для него не только о матеріальной, но и нравственной реабилитаціи; изгнаніе разбило его жизнь, а онъ былъ въ такомъ возрастѣ, когда трудно уже начинать все съизнова. Съ Харьковскимъ университетомъ у него связаны были лучшія впечатлѣнія; монастырское послушаніе, отъ котораго онъ бѣжалъ съ опасностью жизни, оставило одни печальныя воспоминанія; приватъ-доцентура въ Іенскомъ университетѣ была только началомъ его ученой карьеры; харьковская профессура была періодомъ полного расцвѣта его умственныхъ силъ, матеріальнаго благополучія, новой семейной жизни, власти и вліянія: тутъ онъ былъ не только ординарнымъ профессоромъ, но и деканомъ, членомъ училищнаго комитета, правленія, секретаремъ совѣта, авторомъ руководствъ для учащагося юношества... И все это рушилось, какъ онъ думалъ, благодаря клеветѣ! И онъ дѣлаетъ теперь отчаянное усиліе, чтобы разбить козни своихъ враговъ. Онъ представляетъ въ свое оправданіе цѣлую рукописную книгу, возвышается въ ней до истиннаго паюса; въ интересахъ самозащиты онъ хочетъ доказать, что у него не мало общаго въ отношеніи христіанскаго пѣтизма съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія; въ цѣляхъ самооправданія онъ пытается затушевать свой раціонализмъ и какъ можно ярче выставить свое христіанское воззрѣніе и настроеніе. Онъ дѣйствительно старался слить гармонически разумъ съ вѣрою, примирить христіанство съ философіей, дать основы христіанской философіи; но раньше у него преобладало раціоналистическое настроеніе и онъ являлся тогда яркимъ защитникомъ полной свободы разума; да и въ сочиненіи „*Justitutiones juris naturae*“ чувствуется всетаки еще старый философъ—раціоналистъ, имѣющій мало общаго съ такими пѣтистами, какимъ былъ, напримѣръ, кн. А. Н. Голицынъ. Онъ не зналъ, что его осудили не только за хрестоматію и естественное право, но и за монашескія его сочиненія, исполненныя обличеній противъ монашества, католицизма, іезуитовъ—и продолжалъ стучаться въ дверь, которая закрылась передъ нимъ навсегда. Ни записка, ни религіозная поз-

зія своею цѣлю не достигли: онѣ были оставлены безъ послѣдствій. Прошло еще 7 лѣтъ—и въ 1827 году Шадъ рѣшился снова напомнить о себѣ новому министру Шишкову и попросить для себя пенсію. Пересмотръ его дѣла былъ порученъ кн. Ширинскому—Шахматову. Въ слѣдующемъ году въ Петербургъ пріѣхалъ сынъ Шада и подавъ прошеніе на Высочайшее имя. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа Перовскій далъ свое заключеніе въ пользу выдачи Шаду единовременнаго пособія въ 10000 р. и ежегодной пенсіи въ 1000 р. изъ хозяйственныхъ суммъ Харьковскаго университета. Но и на этотъ разъ почему-то послѣдовалъ отказъ.

Дѣлая общее заключеніе о виновности или невинности Шада, мы должны сознаться, что его оправданія могли поколебать силу обвиненій, направленныхъ противъ его хрестоматіи и естественнаго права. Последнее сочиненіе дѣйствительно представляетъ попытку примиренія вѣры и разума. Но свободѣ разума онъ все таки отводитъ видное мѣсто. Онъ вполне убѣжденъ въ необходимости свободы мысли, свободы совѣсти и терпимости въ дѣлѣ религіи. Въ вопросѣ о свободѣ слова и печати онъ не держится крайняго взгляда, а идетъ по среднему пути: популярныя сочиненія, рассчитанныя на широкую публику, по его мнѣнію, нуждаются въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, но университетское преподаваніе и наука должны быть свободны; свобода мысли должна быть ограничиваема только во имя общественной пользы, но въ предѣлахъ благоразумія она является однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для прогресса общества и народнаго образованія. Во имя той же свободы Шадъ вооружается противъ рабства и деспотизма въ семейной жизни. Вообще все сочиненіе Шада о естественномъ правѣ представляетъ, по вѣрному замѣчанію пок. акад. Н. А. Лавровскаго, „неумолимый протестъ противъ всякаго вида насилія свободы“. Правда Шадъ, какъ мы знаемъ, отводитъ рядомъ съ разумомъ широкое мѣсто вѣрѣ, христіанству, пытается слить разумъ съ вѣрою, философію съ христіанствомъ, но тогдашнее министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія именно рѣшило объявить войну разуму во имя вѣры и только что осудило метафизику Лубкина за то, что онъ „желалъ согласить два рѣшительно противоположныя начала: вѣру, утверждающуюся на откровеніи, и изслѣдованія разума, ищущаго рѣшенія въ самомъ себѣ“. Магницкій предалъ суду профессора Казанскаго университета за его курсъ естественнаго права и призналъ особенно разрушительными тѣ мысли, которыя проводилъ Шадъ. Истинная причина безуспѣшности оправдательныхъ попытокъ Шада лежала, слѣдовательно, не въ слабости его доводовъ, а въ той реакціи, которая нависла

тяжелою тучею надъ просвѣщеніемъ и русскими университетами во вторую половину царствованія Императора Александра I-го. Не отрицая нѣкоторыхъ крупныхъ недостатковъ въ характерѣ Шада, мы однако должны сознаться, что это былъ человѣкъ большого и самостоятельнаго ума, широкаго образованія, кипучей энергіи, направленной на дѣло просвѣщенія; и если бы онъ оставался въ Харьковѣ, то могъ бы оказать не мало еще услугъ пріютившему его университету. Что касается нравственной стороны его личности, то можно констатировать только фактъ платіата его сочиненій Ковалевскимъ и Гриневичемъ, но не доказана его корыстная цѣль въ этомъ дѣлѣ, въ особенности если принять данныя имъ объясненія по этому поводу; такъ или иначе, что можно допустить въ этомъ случаѣ, это „оставить его подъ подозрѣніемъ“ въ этомъ обвиненіи.

Дѣло Шада долгое время занимало совѣтъ Харьковского университета и вызывало въ немъ несогласія и распри, борьбу партій и личностей, а неожиданно суровый исходъ его, въ связи съ доносами, поступавшими изъ Харькова въ Петербургъ, долженъ былъ терроризировать членовъ этой коллегіи. Всѣ почувствовали наступленіе новыхъ ретроградныхъ теченій, піэтизма, проповѣди о вредѣ чистой науки для религіи и нравственности. Профессора иностраннаго происхожденія, которые еще раньше подъ вліяніемъ всеобщаго возбужденія противъ нихъ, вызваннаго Наполеоновскимъ нашествіемъ, стали уходить изъ Харьковского университета, теперь должны были почувствовать новую опасность въ лицѣ Магницкихъ, Руничей и другихъ гонителей европейской науки и потому продолжали попрежнему покидать негостепріимный Харьковъ; къ этому времени оставили уже университетъ всѣ болѣе выдающіеся иностранные профессора: Гутъ, Гизе, Швейкартъ, Дегуровъ, Шадъ, Стойковичъ, Роммель, Якобъ, Белень де Баллю, и это, конечно, отразилось крайне неблагопріятно на университетѣ—на его ученой и преподавательской дѣятельности. Оставшіеся иностранцы чувствовали себя въ тяжеломъ положеніи и начинали умственно и нравственно опускаться: высылка Шада „до такой степени напугала товарища его, профессора Рейта, человѣка отъ природы робкаго, что, диктуя своимъ слушателямъ на лекціяхъ естественное право, онъ по нѣсколько разъ обдумывалъ и измѣнялъ выраженія самыхъ невинныхъ, боясь проговориться“ ¹⁾ умолкъ и долженъ былъ смириться Пильгеръ послѣ неудачной борьбы своей за право врачебной практики; Нельдехенъ опустился до такой степени, что былъ удаленъ за постоянное пьян-

¹⁾ Рус. стар. 1876, Ноябрь, стр. 463.

ство, мѣшавшее даже чтенію лекцій. Но дѣло не ограничилось одними иностранными профессорами: въ 1820 году былъ удаленъ отъ должности ректора и профессора краса и гордость Харьковскаго университета Т. Ѳ. Осиповскій. Духъ вражды, обуявшій членовъ совѣта, вызывалъ ненормальную раздражительность у однихъ и повышенную чувствительность у другихъ; на этой почвѣ разыгрался цѣлый рядъ личныхъ столкновеній дѣятелей университета другъ съ другомъ—и одно изъ нихъ окончилось удаленіемъ отъ должности адъюнкта Болгаревскаго. Такимъ образомъ, удаленіе Шада не является одиноко стоящимъ фактомъ въ исторіи Харьковскаго университета. Были, очевидно, обстоятельства, которыя вызвали массовый—вольный и невольный—выходъ профессоровъ изъ университета. Увольненіе адъюнкта Болгаревскаго было вызвано впрочемъ его собственными поступками, обнаружившими крайнюю степень неуваженія къ правленію и совѣту. Самъ совѣтъ единогласно возбудилъ ходатайство объ отрѣшеніи его отъ должности—и министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій только исполнилъ желаніе коллегіи. Очевидно, Болгаревскій отличался крайне раздражительнымъ характеромъ, не привыкъ себя сдерживать въ столкновеніяхъ; но невольно все-таки приходится удивляться вызывающему образу дѣйствій Болгаревскаго и является предположеніе, что въ этихъ столкновеніяхъ играла важную роль та атмосфера распрей и злобы, которая царила тогда въ Харьковскомъ университетѣ. Мы говорили уже въ 1-мъ томѣ своего „Опыта“ о столкновеніи Болгаревскаго съ Хлапонинымъ (стр. 972—980). Частыя столкновенія были у Болгаревскаго также и съ совѣтомъ университета. Вотъ краткій перечень этихъ послѣднихъ. Еще въ 1812 году Болгаревскій самовольно, безъ вѣдома ректора, прибилъ на черной доскѣ въ сѣняхъ университетскаго дома объявленіе, въ которомъ сообщалъ, что „токсикологіи (науки о ядахъ), чтеніе которой ему поручено было совѣтомъ, онъ преподавать не станетъ, а будетъ читать фармацію, согласно предложенію г. министра народнаго просвѣщенія. Совѣтъ, узнавъ объ этомъ, постановилъ сдѣлать ему за это выговоръ, такъ какъ подобнаго предложенія отъ министра еще не было, и сообщить всѣмъ профессорамъ и адъюнктамъ, чтобы они самовольно объявленій не выставляли. Въ 1813 году Болгаревскій безъ приглашенія явился въ засѣданіе совѣта и не хотѣлъ было удалиться оттуда, даже послѣ приказанія, переданнаго ему ректоромъ отъ имени совѣта; при этомъ онъ сказалъ, что адъюнкты, согласно университетскому уставу, могутъ присутствовать въ общемъ собраніи профессоровъ и подавать тамъ свой голосъ. Совѣтъ, разсмотрѣвъ этотъ случай, нашелъ, что адъюнкты имѣютъ право при-

существовать въ общемъ только собраніи для разсмотрѣнія ученыхъ сообщеній. Болгаревскій же заслуживаетъ выговора, такъ какъ не вышелъ изъ засѣданія совѣта, когда должно было разматриваться его дѣло. Въ 1815 году Болгаревскій отказался отъ должности секретаря медицинскаго факультета и заявилъ, что онъ не будетъ присутствовать на его засѣданіяхъ, вслѣдствіе крамолъ, существующихъ между его членами и вообще въ университетѣ. Факультетъ избралъ на его мѣсто адъюнкта Колумну-Вигуру, но Болгаревскій не захотѣлъ передавать ему факультетскаго архива. Тщетно деканъ Дрейсигъ убѣждалъ его сдѣлать это — онъ съ крикомъ и дерзостью отвѣчалъ ему, что онъ никогда не сдастъ архива, безъ письменнаго приказа совѣта. Совѣтъ отдалъ письменный приказъ объ этомъ Болгаревскому, но онъ все-таки вернулъ его обратно и написалъ на немъ грубые слова. Совѣтъ приказалъ Болгаревскому явиться въ засѣданіе правленія и сдать тамъ архивъ Колумнѣ-Вигурѣ. Болгаревскій, войдя стремительно въ правленіе, безъ приглашенія ректора и прочихъ членовъ, сѣлъ на кресло вблизи декана Нельдехена. Ректоръ прервалъ засѣданіе и предложилъ Болгаревскому сдать архивъ Колумнѣ-Вигурѣ; но онъ быстро вскочилъ на ноги, отодвинулъ кресло и, держа въ рукахъ ключъ отъ шкафа, повторилъ порывистымъ и громкимъ голосомъ: „извольте получать, вотъ ключъ! при чемъ, обращаясь къ членамъ правленія, высовывалъ языкъ, что видѣли смотрѣвшіе на него деканы Дрейсигъ, Дегуровъ и Нельдехенъ. Изумленные такимъ поведеніемъ Болгаревскаго, члены правленія заявляли о необходимости прервать засѣданіе — онъ же снова сѣлъ на прежнее мѣсто и твердилъ на латинскомъ языкѣ фразу: „я не знаю, какъ сдавать дѣла: пусть мнѣ покажутъ примѣръ гг. секретари совѣта — теперешній Лангъ или прежній г. Каменскій. Послѣдній, въ качествѣ непремѣннаго засѣдателя, съ благопристойностью обратился къ Болгаревскому съ призывомъ соблюдать приличія въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ онъ позволилъ себѣ сѣсть безъ приглашенія ректора и членовъ. На это Болгаревскій отвѣтилъ, что онъ имѣлъ право сѣсть, какъ членъ университета. Послѣ этого нѣкоторые члены правленія вторично предложили закрыть засѣданіе. Непремѣнный засѣдатель предложилъ Болгаревскому удалиться изъ залы для того, чтобы правленіе обсудило все происшедшее; но онъ вышелъ только тогда, когда этого потребовалъ ректоръ и остальные члены.

Правленіе уполномочило декана Дрейсига присутствовать при сдачѣ архива Вигурѣ Болгаревскимъ, но этотъ послѣдній уже ушелъ изъ университета. Тогда объ этомъ происшествіи рѣшено было занести въ журналъ и сообщить совѣту, а равно и еще объ одномъ фактѣ

неуваженія Болгаревскаго къ университетскимъ учрежденіямъ: когда ему замѣчено было, что онъ не соблюдаетъ должныхъ формальностей въ письменныхъ обращеніяхъ своихъ къ правленію, называя то записками, то отношеніями, онъ съ усмѣшкою замѣтилъ: „это пустяки; если угодно, я впредь стану писать—„всепоподаннѣйшій докладъ“, а когда ему указали всю неумѣстность подобной шутки, то онъ, оставивъ всю благопристойность, сталъ кричать близъ стоявшему секретарю: „ну, записывайте въ журналъ“, и съ видомъ неуваженія и ожесточенія вышелъ изъ присутствія. Въ началѣ 1815-го года Болгаревскій снова вошелъ въ столкновение съ совѣтомъ университета—именно, продолжалъ посѣщать его засѣданія. Вотъ что говоритъ онъ самъ по этому поводу въ письмѣ къ ректору университета: „въ засѣданіи совѣта 27 января 1815 г. я замѣтилъ, что нѣкоторымъ членамъ непріятно было мое присутствіе. При концѣ засѣданія вы изволили предложить и хотѣли говорить о секретарѣ, но одинъ изъ членовъ отложилъ это до будущей конференціи. Мнѣ кажется, что причиною этой отсрочки было мое присутствіе, почему имѣю честь объяснить, что я, какъ законный членъ совѣта, исполняющій законы устава и предписанія его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, всегда буду присутствовать въ совѣтѣ, когда позволитъ время и здоровье. Прошу Васъ объявить это всѣмъ профессорамъ и адъюнктамъ, чтобы первые не смогли сказать мнѣ того, что нѣкогда сказано было г. Стойковичемъ, а послѣдніе ходили въ собраніе, гдѣ уже почти два года они не были“. По 47 § университетскаго устава совѣтъ составляли только ординарные и заслуженные профессора и потому Болгаревскій не имѣлъ права участвовать въ совѣтскихъ засѣданіяхъ; онъ могъ присутствовать только на общихъ собраніяхъ, предусмотрѣнныхъ 55 § устава и предназначенныхъ исключительно для обсужденія чисто ученыхъ трудовъ преподавателей и почетныхъ членовъ. Все это переполнило мѣру терпѣнія совѣта—и онъ донесъ о грубостяхъ Болгаревскаго министру. Этотъ послѣдній далъ на это слѣдующій отвѣтъ: „съ удивленіемъ усмотрѣлъ я изъ донесенія совѣта непристойныя, грубые и крайне предосудительныя поступки адъюкта Болгаревскаго, оказанные имъ даже во время университетскихъ собраній, при чемъ послѣднія по причинѣ упрямства его и дерзости неоднократно должно было прекращать. Я предписываю совѣту объявить ему отъ моего имени, что если онъ не исправится въ своемъ поведеніи и осмѣлится впредь оказывать неповиновеніе или неуваженіе установленному надъ нимъ начальству, что по первому объ этомъ донесеніи университета отрѣшенъ будетъ отъ должности безъ

всякаго атестата". (9 іюля 1815 г.). Въ сентябрѣ того-же года министрѣ отпразднѣ слѣдующій отвѣтъ на новыя представленія совѣта о Болгаревскомъ: „хотѣ поступки адъютанта Болгаревскаго, указанныя въ выпискахъ изъ журнала медицинскаго факультета, явно обнаруживаютъ дерзость и неповиновеніе этого чиновника, однакоже такъ какъ поступки эти учинены имъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда ему не могло быть объявлено содержаніе моего предложенія отъ 9-го іюля, то, оставаясь при прежнемъ моемъ рѣшеніи, нахожу нужнымъ ожидать, какое вліяніе оно будетъ имѣть на поведеніе Болгаревскаго“. О вліяніи же этомъ свидѣлствуетъ слѣдующее письмо Болгаревскаго къ министру: „Совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета объявилъ мнѣ 1-го сентября отъ имени вашего сіятельства бумагу, содержащую строгій выговоръ и опасность впредь быть отрѣшеннымъ отъ должности безъ атестата за дерзкіе поступки, представленныя совѣтомъ. Видя, сколь увеличена вина моя, я просилъ совѣтъ, въ надеждѣ оправдать себя, чтобы онъ остановилъ на нѣкоторое время этотъ нечаянный и весьма чувствительный для меня ударъ, но просьба моя была тщетна. Почему я осмѣливаюсь не въ оправданіе, а въ утѣшеніе свое кратко объяснить вашему сіятельству, какъ правосудному начальнику, наказующему и любящему подчиненныхъ своихъ, что я грозный выговоръ принимаю за отеческое наказаніе и постараюсь, сколько можно, избѣгать крамоль и нескромныхъ поступковъ; если же при всемъ стараніи моемъ дойдетъ до свѣдѣнія вашего сіятельства впредь что либо предосудительное въ поведеніи моемъ, то прошу требовать отъ меня объясненія и потомъ наказать по всей строгости законовъ“. Гр. А. К. Разумовскій, получивъ это письмо, сообщилъ его совѣту и поручилъ ему наблюдать за исполненіемъ обѣщанія Болгаревскаго. Болгаревскій повидимому дѣйствительно твердо держался своего обѣщанія и не вступалъ въ споры ни съ совѣтомъ, ни съ правленіемъ; но произошелъ инцидентъ, которымъ воспользовались эти коллеги, чтобы отдѣлаться окончательно отъ своего безпокойнаго члена. Въ правленіе поступила жалоба на Болгаревскаго со стороны Харьковскаго полиціймейстера Эка, въ которой онъ обвинялся въ томъ, что ввелъ на благородный маскарадъ крестьянина помѣщицы Ложилиной Антона Иванова, замаскировавъ его одѣвъ въ солдатскую шинель и препоясавъ саблей. Правленіе постановило объявить ему въ своемъ присутствіи статью устава благочинія, которая запрещаетъ нарушать тишину въ общественныхъ собраніяхъ. Статья эта однако не совсѣмъ подходила къ данному случаю, ибо Болгаревскій тишины собственно не нарушалъ, а допустилъ неумѣстную, неприличную шутку. Вѣроятно, подъ вліяніемъ

раздраженія за несправедливый, какъ ему казалось, приговоръ, Болгаревскій заявилъ ректору, что онъ въ засѣданіе правленія не пойдетъ, ибо не ручается за себя, что не надѣлаетъ дерзостей, а проситъ, чтобы этотъ приговоръ былъ объявленъ ему письменно. Правленіе же университета, обсудивъ этотъ отвѣтъ, нашло, что ему отказываться отъ своего рѣшенія невозможно, тѣмъ болѣе что Болгаревскій раньше неоднократно оказывалъ ему неповиновеніе; въ виду этого оно рѣшило довести объ этомъ фактѣ до свѣдѣнія совѣта, который въ свою очередь сообщилъ о немъ попечителю и, какъ видно изъ бумаги этого послѣдняго министру, единогласно просилъ объ удаленіи Болгаревскаго отъ должности. Попечитель округа графъ С. О. Потоцкій заявилъ отъ себя, что „хотя учиненный этимъ адъюнктомъ поступокъ самъ по себѣ не столь значителенъ, чтобы подвергнуть его наказанію отрѣшенія отъ должности безъ атестата, но такъ какъ всѣ члены университета, бывающіе въ другихъ случаяхъ рѣдко между собою согласными, единогласно просятъ объ освобожденіи ихъ отъ этого адъюнкта и при томъ извѣстно, что онъ, какъ со стороны поведенія, такъ и по должности своей не соответствуетъ носимому имъ званію, то я считаю обязанностью представить вашему сіятельству объ удаленіи такого чиновника, отъ котораго университетъ ни чести, ни пользы ожидать не можетъ“. Въ августѣ 1816 года послѣдовало рѣшеніе министра о немедленномъ удаленіи Болгаревскаго отъ должности безъ атестата ¹⁾.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что Болгаревскій отличался въ высшей степени грубымъ нравомъ и несдержаннымъ характеромъ, но невольно получается отъ всего рассказаннаго впечатлѣніе, что борьба обострилась вслѣдствіе той вражды, которая существовала между нимъ и нѣкоторыми членами совѣта и правленія, ибо сами по себѣ проступки Болгаревскаго не были еще серьезными преступленіями, достаточными для удаленія его изъ университета; по крайней мѣрѣ о маскарадномъ инцидентѣ такого мнѣнія былъ и гр. Потоцкій. Для объясненія всеобщаго нерасположенія профессоровъ къ Болгаревскому необходимо вспомнить фактъ, приведенный уже въ 1-мъ томѣ нашего „Опыта“—это его доносъ о лицахъ, посѣщавшихъ Хлапонина (стр. 595); Болгаревскій былъ на сторонѣ Стойковича и поименовалъ въ своемъ извѣтѣ между прочимъ тѣхъ профессоровъ, которымъ теперь принадлежала власть—Осиповскаго и Каменскаго, а также другихъ противниковъ Стойковича. Съ отрѣшеніемъ отъ ректорства Стойковича, Болгаревскій лишился

¹⁾ Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло 1815 г. № 6253/161; Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1815 года, № 49.

сильнаго покровителя и заступника (ср. 972—980 стр. 1-го тома „Опыта“).

Проф. Стойковичъ, и удалившись изъ университета, продолжалъ на него злобствовать и старался ему нанести вредъ. Такъ, въ 1815 г. онъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому съ доносомъ, въ которомъ писалъ: „дѣла бывшей службы моей при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ находятся въ столь худомъ положеніи, что я бы согрѣшилъ и противъ семейства своего, если бы пренебрегъ ими и не желалъ, чтобы истина проникла до вашего сіятельства. Дабы вы могли получить полное понятіе о замыслѣ нѣкоторыхъ профессоровъ, а въ особенности о дѣяніяхъ профессора Каменскаго, покорнѣйше прошу ваше сіятельство истребовать изъ университета слѣдующее: 1) чтобы присланы были въ подлинникъ всѣ бумаги по доносу адъюнкта Васильева противъ меня; 2) чтобы присланъ былъ протоколъ экстраординарнаго засѣданія совѣта, бывшаго въ половинѣ 1814 года, по письменному требованію нѣкоторыхъ профессоровъ, гдѣ о несогласіяхъ университета разсуждали (повѣрять ли, что между актами нѣтъ отчета объ этомъ засѣданіи?); 3) чтобы этико-политическое отдѣленіе донесло о нѣкоторыхъ бумагахъ, относящихся къ выбору въ адъюнкты учителя Дудровича и украденныхъ раньше изъ шкафа, а потомъ спустя долгое время найденныхъ на совѣтскомъ столѣ; 4) чтобы медицинское отдѣленіе донесло, какое представленіе послано къ вамъ относительно постройки зданія для акушерской клиники—полное, съ изложеніемъ всѣхъ мнѣній, или неполное, если неполное, то кто виноватъ въ этомъ; 5) чтобы совѣтъ донесъ, кто управляетъ университетскимъ театромъ, сколько уже разъ и какія пьесы играли и не хотѣлъ ли кто во время одного представленія бить одного ординарнаго профессора; 6) чтобы совѣтъ прислалъ бумагу, поданную г. Каменскимъ въ половинѣ 1813 года о нумизматическомъ кабинетѣ и объясненіе, что по ней сдѣлано, съ тѣмъ чтобы и профессоръ Дегуровъ подалъ отъ себя объясненіе на эту бумагу. 1) Министръ народнаго просвѣщенія не придавалъ значенія большинству этихъ доносительныхъ пунктовъ, но по поводу студенческаго театра потребовалъ разъясненій отъ Осиповскаго. Объ этомъ театрѣ мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь мы замѣтимъ только, что Стойковичу удалось обставить себя въ Петербургѣ прекрасно—и онъ игралъ потомъ еще видную роль въ дѣятельности самого министерства народнаго просвѣщенія, также точно какъ и проф. Дегуровъ, вызванный въ 1816 г., по Высочайшему повелѣнію,

1) Арх. Мин. Нар. Просв. 1815 г. № 6215/161, присоед. къ № 6005/169.

въ Петербургъ, получившій службу по министерству финансовъ и назначенный также ректоромъ тамошняго университета. У Дегурова также шли пререканія съ Харьковскимъ университетомъ, послѣ отъѣзда его изъ Харькова, пререканія вызванныя его прежними библіотечарскими обязанностями. Министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ сталъ въ этомъ дѣлѣ на сторону Дегурова.

Попечитель Харьковскаго учебнаго округа гр. С. О. Потоцкій долженъ былъ почувствовать, что онъ не подходитъ къ новому направленію министерства духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицына—и подалъ въ отставку. Трудно съ достовѣрностію сказать, на сколько его отставка была добровольная или вынужденная ¹⁾,—во всякомъ случаѣ онъ самъ сознавался, что неохотно покидаетъ свой постъ. Вотъ что писалъ онъ ректору университета Т. Ѳ. Осиповскому. „Разныя непредвидѣнныя обстоятельства понудили меня просить Государи Императора объ увольненіи отъ должности попечителя университета и его округа. Жертвуя необходимости пріятнѣйшимъ изъ всѣхъ носимыхъ мною званій по службѣ, я съ тѣмъ большимъ прискорбіемъ оставляю нынѣ университетъ, что при настоящемъ его положеніи чувствую въ полной мѣрѣ необходимость въ усугубленіи усилій къ его поддержанію. Одна только надежда одушевляетъ меня въ этомъ случаѣ, что достойный преемникъ мой, извѣстный ревностію къ общей пользѣ, успѣетъ въ скоромъ времени своими дѣйтельными распоряженіями привести университетъ въ прежнее цвѣтущее состояніе и исправить временные недостатки, происшедшіе единственно отъ стеченія неблагопріятствовавшихъ ему обстоятельствъ. Между тѣмъ пріятно мнѣ въ этомъ случаѣ обратиться къ вамъ, какъ начальнику и одному изъ старшихъ сочленовъ его, съ изъявленіемъ совершенной моей признательности за труды и попеченіе, въ коихъ участвовали вы со мною и съ нѣкоторыми изъ отличнѣйшихъ профессоровъ съ самаго основанія университета и учебныхъ заведеній его округа. Не оставьте, прошу васъ, обнаружить таковыя же чувства мои и веѣмъ прочимъ членамъ университета, изъявивъ предъ ними увѣренія что заслуги каждаго изъ нихъ и оказанное ими содѣйствіе къ пользѣ и чести университета пребудутъ незабвенны въ моей памяти. Петербургъ апрѣль 1817 года“. ²⁾ При увольненіи гр. С. О. Потоцкій получилъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ. „Графъ Северинъ Осиповичъ! удовлетворяя желанію Вашему, по причинамъ, въ просьбѣ

¹⁾ Въ пользу этого послѣдняго предположенія свидѣтельствуетъ письмо кн. А. Н. Голицына къ З. Я. Каріѣву, приводимое нами ниже.

²⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1817 года, № 25, стр. 4.

вашей изъясненнымъ, я уволилъ васъ отъ должности попечителя Харьковскаго университета и его учебнаго округа. Миѣ пріятно въ этомъ случаѣ засвидѣтельствовать признательность мою за всѣ труды и старанія ваши, подъятыя въ этомъ званіи, съ самаго учрежденія означеннаго университета, который и открытъ вашимъ попеченіемъ, равно какъ и многія другія учебныя заведенія въ округѣ, коимъ вы управляли, въ ознаменованіе чего дозволяю вамъ носить мундиръ Харьковскаго университета, пребываю вамъ благосклонный. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако— Александръ. Въ Петербургѣ. 25 марта 1817 г.¹⁾ И такъ, не смотря на личное охлажденіе къ Потоцкому, Императоръ Александръ воздалъ должное его крупнымъ заслугамъ въ дѣлѣ устройства университета и управленія округа. Инымъ характеромъ отличается отвѣтъ кн. А. Н. Голицына на просьбу гр. С. О. Потоцкаго объ оставкѣ. „Письмо вашего сіятельства, читаемъ мы тамъ, я имѣлъ честь получить и не премину представить Государю Императору всеподданнѣйшее прошеніе объ увольненіи отъ должности попечителя Харьковскаго университета. Какое на то послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе, не умедлю равнымъ образомъ васъ извѣстить. По засвидѣтельствованію вашему объ отличныхъ чиновникахъ по Харьковскому учебному округу я почту себя за особое удовольствіе, если успѣю что сдѣлать въ пользу ихъ въ свое время. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. 24 марта 1817 г. 1).

Въ преемники Потоцкому былъ избранъ Голицынымъ *Захарій Яковлевичъ Карнѣевъ*, вполне подходившій „къ новому курсу“,—одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей нѣтизма и вице-президентъ Библейскаго общества въ Петербургѣ. З. Я. Карнѣевъ родился въ 1748 году и происходилъ изъ небогатаго слободскоукраинскаго дворянскаго рода: его гнѣздомъ было село Захарьевское въ богодуховскомъ уѣздѣ харьковской губ. Дѣдъ его былъ только подпрапорнымъ въ Ахтырскомъ Слободскомъ казачьемъ полку; отецъ—сотникомъ; одинъ изъ его родныхъ братьевъ также былъ сотникомъ, а потомъ дослужился до чина титулярнаго совѣтника, другой не пошелъ далѣе майорскаго чина. Семья его была очень небогатая и потому Захарій Яковлевичъ долженъ былъ рано (20 лѣтъ) вступить въ военную службу; и едва ли онъ получилъ какое-нибудь систематическое образованіе: „на это не было ни времени, ни средствъ“. Въ военной службѣ онъ пробылъ 14 лѣтъ и дослужился до полковничьяго чина. Затѣмъ онъ былъ директоромъ эконо-

¹⁾ Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 6374/162.

поминъ въ Курской губ. и вице-губернаторомъ въ Орлѣ; тамъ-же онъ является въ роли мастера или главного надзирателя въ масонской ложѣ, основанной И. В. Лопухинымъ; послѣдній отзывается о своемъ другѣ Кариѣвѣ съ самой лучшей стороны. При посредствѣ Лопухина, освобожденнаго отъ ошала императоромъ Павломъ, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, а затѣмъ получилъ должность губернатора въ Минскѣ, гдѣ принималъ императора и счумѣлъ заслужить отъ него похвалу. Въ 1808 году онъ былъ назначенъ сенаторомъ, а въ 1810 году членомъ государственнаго совѣта. Въ Петербургѣ онъ сталъ принимать участіе въ возникшемъ тогда Библейскомъ обществѣ, душею котораго былъ кн. А. Н. Голицынъ, занимавшій тогда должность главноуправляющаго иностранными исповѣданіями; въ 1815 году онъ сдѣлался вице-президентомъ этого общества (президентомъ его былъ князь А. Н. Голицынъ), и конечно, это совмѣстное служеніе сблизило его съ Голицынымъ и этотъ послѣдній, сдѣлавшись министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, предложилъ въ 1817 году своему бывшему сотруднику по обществу должность попечителя на его родинѣ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. З. Я. Кариѣву въ это время было 69 лѣтъ отъ роду и, если даже прежде онъ былъ дѣйствительно выдающимся чиновникомъ, то теперь, въ столь преклонномъ возрастѣ, отъ него нельзя было уже ждать большой энергіи на новомъ поприщѣ служенія. З. Я. Кариѣвъ былъ рынымъ масономъ, а потомъ и піэтистомъ; но нельзя сказать, въ какой мѣрѣ и то, и другое у него было искреннее. Во всякомъ случаѣ участіе въ масонской ложѣ и Библейскомъ обществѣ помогло ему сдѣлать свою служебную карьеру, ибо кн. А. Н. Голицынъ едва ли бы назначилъ его въ такомъ возрастѣ на столь трудный отвѣтственный постъ, требовавшій силъ, выдержки, стойкости характера. О Кариѣвѣ же можно предполагать, что онъ врядъ ли отличался подобными свойствами; скорѣе всего онъ, какъ выражается И. П. Щелковъ, принадлежалъ къ тѣмъ дѣятелямъ, которые „плыли по теченію“, намѣчаемому руководящими сферами: будучи Минскимъ губернаторомъ, онъ сначала составилъ чрезвычайно либеральную записку относительно униатовъ, въ которой предлагалъ предоставить имъ полную свободу вѣроисповѣданія, а затѣмъ выработалъ цѣлый рядъ суровыхъ мѣръ, совершенно стѣснившихъ свободу отправленія богослуженія и требъ. Основываясь на томъ, что императоръ Александръ во время пребыванія своего въ Харьковѣ благодарилъ Кариѣва за его согласіе принять должность попечителя, И. П. Щелковъ устраняетъ предположеніе, чтобы Кариѣвъ добивался мѣста попечителя ради тщеславія или своихъ личныхъ выгодъ; „скорѣе можно думать, говорить

онъ, что ему ввѣрили управленіе воспитаніемъ и образованіемъ во всей южной части имперіи, какъ лицу надежному, пользовавшемуся полнымъ довѣріемъ и способному дать этому дѣлу желаемое въ высшихъ сферахъ направленіе“ ¹⁾). Соглашаясь съ тѣмъ, что кн. А. Н. Голицынъ назначилъ Карѣева на этотъ постъ по указанной причинѣ, мы не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ устранить изъ числа мотивовъ, которыми руководствовался самъ Карѣевъ, принимая это званіе, и его соображеній о личныхъ выгодахъ, потому что о нихъ говорить онъ самъ въ одномъ изъ писемъ къ министру. Изъ переписки З. Я. Карѣева съ кн. А. Н. Голицынымъ оказывается, что должность попечителя предложилъ ему министръ еще въ ноябрѣ 1816 года. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго его письма: „Милостивый государь мой, Захаръ Яковлевичъ! Предъ отъѣздомъ вашимъ отсюда вы мнѣ обѣщали содѣйствовать по возможности въ дѣлѣ Божіемъ; нынѣ представляется случай вашему превосходительству быть очень полезну, не выѣзжая съ вашего мѣсто-пребыванія. Намѣреніе есть перемѣнить нынѣшняго попечителя Харьковскаго университета; и кто можетъ быть полезнѣе употребленъ, какъ вы, на истинное просвѣщеніе? Государь императоръ поручилъ мнѣ снестись съ вашимъ превосходительствомъ, согласитесь ли вы быть попечителемъ Харьковскаго университета. Я съ своей стороны счастливымъ сочту имѣть такого сотрудника въ дѣлѣ столь важномъ для блага общаго. Призовемъ въ помощь истинный свѣтъ просвѣщенія всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, и да распространится онъ вмѣсто той тьмы, которая взяла верхъ надъ свѣтомъ во всѣхъ училищахъ государства. Я васъ прошу, какъ христіанина, не отказать мнѣ въ моемъ предложеніи; Господь вознаградитъ за все добро, которое вы произвести можете. Въ ожиданіи отвѣта пребуду навсегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ, 6 ноября 1816 г. СПБ. Р. С. Прошу оставить сіе письмо въ секретѣ, ибо графъ Потоцкій не долженъ еще о немъ знать“.

З. Я. Карѣевъ далъ на это письмо слѣдующій отвѣтъ: „Почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо отъ 6 ноября, которымъ вы призываете меня въ сотрудники вамъ по дѣлу просвѣщенія, сначала поразило меня страхомъ, ибо представилось мнѣ внутреннее мое недостоинство: какъ могу я пуститься въ страшную борьбу тьмы со свѣтомъ въ другихъ, тогда какъ и собственная моя тьма еще совер-

¹⁾ И. П. Щелковъ. Изъ исторіи Харьковскаго университета (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, октябрь, стр. 366.);

шенно не побѣждена свѣтомъ истины, для чего единственно искалъ и ищу внутренняго уединенія въ душѣ моей. Но по нѣкоторомъ порученіи дѣла сего Богу, почувствовалъ я въ сердцѣ моемъ, что страхъ сей происходитъ отъ поврежденной природы, которая всегда втирается въ промыслъ Божій объ насъ, примѣшивая остатки воли собственной въ волю Божію, избирающую къ дѣйствованію своему орудія слабыя и презрѣнныя. Въ такомъ положеніи чувствую себя предъ Богомъ и, видя тутъ черты благого Его о насъ промысла, вдохнувшаго въ сердцѣ ваше сіе желаніе и располагающаго и сердцемъ всемилостивѣйшаго Государя Императора, истинно болящимъ сколько о благоустройствѣ вѣшняго порядка къ благоденствію Россіи, не меньше и о внутреннемъ просвѣщеніи своихъ подданныхъ познаніемъ съ молодыхъ лѣтъ источника истины, отъ котораго всякое благо и самый вѣншній порядокъ происходитъ; видя, говорю, такое свыше изволеніе, не смѣю и не могу отказать, предаваясь совершенно волѣ Божіей и Монаршей, да творитъ со мною, еже ей благоугодно. Мое дѣло, не взирая на слабость здоровья и старость лѣтъ, посвятить всего себя на службу Богу и государю и молить Господа и учителя нашего Иисуса Христа, да просвѣтитъ и научитъ меня, какъ въ толико богоугодномъ дѣлѣ споспѣшествовать Всевысочайшей волѣ Государя Императора, исполняя съ неутомимымъ усердіемъ все то, что отъ верховнаго начальства предначертано будетъ къ славѣ Божіей и къ пользѣ любезнаго отечества. Почтенно любезнѣйшій князь! дѣйствуйте по благоволенію Божію и Государеву; я готовъ всѣмъ сердцемъ повиноваться и распространять далѣ и далѣ свѣтъ истины. Закрываю сіе совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностью, съ коимъ имѣю честь быть и пр.“¹⁾ Послѣ А. Н. Голицынъ замолчалъ и тѣмъ повидимому привелъ въ безпокойство Карнѣева, охотно согласившагося на это предложеніе. Это видно изъ слѣдующаго письма Карнѣева къ Голицыну отъ 17 марта 1817 г. изъ сельца Захарьевскаго: „Милостивый государь мой, князь Александръ Николаевичъ! На почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо отъ 6-го ноября прошедшаго года отвѣчалъ я того же года отъ 2-го декабря двумя письмами изъясняя въ одномъ совершенное мое согласіе на предлагаемое мнѣ попечительство Харьковскаго университета, а въ другомъ, представивъ нѣкоторыя подробности, просилъ и объ опредѣленіи секретаремъ находящагося со мною коллежскаго ассесора Подвысоцкаго. Не имѣя однако и понинѣ никакого извѣстія, смѣю покорнѣйше просить ваше сіятельство объ увѣдомленіи меня, впрочемъ мнѣ мало

¹⁾ Русскій архивъ, 1893 года, № 5, стр. 129—130.

не сомнѣваясь въ благорасположеніи вашемъ ко мнѣ, основанномъ на христіанской любви, поручаю дѣло это волѣ Божіей, готовъ будучи на все, что угодно будетъ Господу сотворить со мною. На мѣсто покойнаго харьковскаго епископа Аполлоса назначень, говорить, новый; смѣю покорнѣйше просить ваше сіятельство познакомить меня съ нимъ. Дай Богъ намъ пастыря добраго. Къ сану сему здѣшніе жители имѣютъ уваженіе, и ежели онъ будетъ хорошъ, то пріобрѣтетъ много добрыхъ овецекъ и на паствѣ слова Божія чрезъ распространеніе его утучнитъ ихъ. Съ душевнымъ почтеніемъ и искреннѣйшей преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорный слуга Захаръ Карнѣевъ¹⁾. А вотъ текстъ и второго болѣе ранниго отвѣтнаго письма Карнѣева кн. Голицыну отъ 2-го декабря 1816 года, на которое была сдѣлана ссылка въ предѣидущемъ: „Милостивый государь мой, князь Александръ Николаевичъ! Изъ отвѣта моего на почтениѣйшее вашего сіятельства письмо видите вы готовность мою вступить въ предлагаемый мнѣ съ Высочайшей воли многотрудный по существу своему подвигъ службы. Я непрестанно буду молить Отца свѣтовъ о подкрѣпленіи усердія моего и готовности ума и души моей на споспѣшествованіе добрымъ вашимъ расположеніямъ къ славію Божіей и къ внутренней пользѣ ближнихъ; но какъ по старости и слабости моей нужны для свободнѣйшаго дѣйствованія сердцемъ и умомъ *необходимыя въ жизни выходы*, то и смѣю предложить ихъ на благоразсужденіе ваше.

1) По мнѣнію моему, попечительство это должно быть полное, близкое и бдительное во всѣхъ частяхъ надъ учащими и учащимися, а не одно поверхностное надзираніе. Поэтому нужно мнѣ будетъ чаще навѣдываться въ университетъ и проживать тамъ, пока благоустроится по вашимъ добрымъ намѣреніямъ; я же живя въ деревнѣ въ 80 вер. отъ Харькова, не имѣю въ губернскомъ городѣ дома и не могу по моему недостатку имѣть; посему и нужна мнѣ будетъ въ самомъ университетѣ квартира съ дровами, о которой прошу вашего въ свое время предписанія.

2) Я не знаю и не случалось никогда читать основаній университетскаго и должности попечителя, для чего и прошу снабдить меня отъ себя нужными этими свѣдѣніями.

3) По обширности округа университетскаго нужно будетъ не только въ самомъ университетѣ дѣйствовать, но и съ окружными отдѣленіями переписываться, для чего потребенъ мнѣ помощникъ или секретарь или писцовъ хотя два, съ суммою на содержаніе ихъ и на

---

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 6374/162.

протчіе канцелярскіе расходы, о чемъ покорнѣйше прошу заблаговременно разрѣшить меня. 4) Въ секретари имѣю я готоваго и по всѣмъ частямъ приспособленнаго человѣка, который, находясь не въ службѣ, живетъ при мнѣ и, занимаясь со мною однимъ предметомъ, сколько по наукамъ своимъ, (ибо онъ изъ кіевскихъ студентовъ прошедшій и весь курсъ богословія), столько и по расположенію сердца ко внутренней жизни совершенно къ сему мѣсту удобенъ, доказавши то и одинадцатилѣтнимъ своимъ служеніемъ прежде въ Минскѣ при мнѣ, а потомъ по разнымъ должностямъ въ С.-Петербургѣ. Это коллежскій ассесоръ Яковъ Андреевичъ Подвысоцкій, объ опредѣленіи котораго при мнѣ секретаремъ съ *хорошимъ по бѣдности и честности его жалованьемъ* покорнѣйше прошу ваше сіятельство исходатайствовать при опредѣленіи меня въ попечители Высочайшее повелѣніе. 5) Безъ сомнѣнія нужно будетъ попечителю обозрѣвать гимназіи и протчія главные отдѣленія всего округа Харьковскаго университета, для этого также потребна сумма на подъемъ и путевыя издержки, о назначеніи которой покорно прошу позаботиться. Все это поручая благосклонному вашему ко мнѣ расположенію, съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Захаръ Карнѣевъ. С. Захарьевское, декабря 2 1819 ¹⁾.

Министръ народнаго просвѣщенія удовлетворилъ всѣ просьбы новаго попечителя и вполнѣ обезпечилъ его въ матеріальномъ отношеніи, оставивъ ему пенсію, прибавивъ столовыя по новой должности, — квартиру, разѣздныя, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго письма. „Милостивый государь мой, Захаръ Яковлевичъ! Я уже имѣлъ честь партикулярнымъ письмомъ моимъ увѣдомить ваше превосходительство объ опредѣленіи васъ попечителемъ Харьковскаго университета и его округа; какъ скоро получу объ этомъ изъ Правительственнаго Сената указъ, не премину сообщить вамъ его официально. Вамъ положены столовыя деньги по 3,600 руб. въ годъ и оставленъ пенсіонъ, который получили вы при увольненіи отъ службы, о чемъ я уже сообщилъ г. министру финансовъ. Нынѣ на полученное отъ васъ письмо долгомъ считаю объяснить. 1) Что хотя университетъ и помѣщается тѣсно въ бывшемъ генераль губернаторскомъ въ Харьковѣ домѣ, но, по вступленіи въ должность попечителя, отъ васъ зависѣть будетъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, сдѣлать надлежащее представленіе о распространеніи зданія его и вмѣстѣ съ тѣмъ избрать для себя въ университетскомъ домѣ покои, какіе для этого представиться могутъ. 2) По жела-

¹⁾ Архивъ мин. нар. просвѣщенія. Дѣло 1816 г. № 6374/162.

нію вашему прилагаю при семъ предварительныя правила народнаго просвѣщенія и уставъ университета къ вашему руководству. Дальнѣйшія свѣденія, относящіяся къ должности попечителя, ваше превосходительство можете найти въ университетѣ и въ дѣлахъ предмѣстника вашего, если угодно будетъ вамъ потребовать ихъ къ себѣ. 3) На жалованье письмоводителямъ и вообще на канцелярію попечителя положено по штату двѣ тысячи рублей въ годъ, но я предполагаю сумму эту удвоить, о чемъ сдѣлано отъ меня уже представленіе. 4) Опредѣленіе въ письмоводители къ себѣ, кого заблагоразсудите, зависитъ отъ собственнаго вашего выбора. Нужно только сдѣлать ко мнѣ, съ приложеніемъ формулярнаго списка, формальное отношеніе о томъ, кого изберете, для утвержденія такового въ должности. Жалованье письмоводителю назначать можете также по своему произволению изъ вышеупомянутой положенной на канцелярію вашу суммы. Бывшій при предмѣстникѣ вашемъ письмоводителемъ титулярный совѣтникъ Гартманъ подаетъ прошеніе объ увольненіи его отъ этой должности, такъ какъ вы имѣете для нея въ виду другого чиновника. 5) Когда нужнымъ признаете обозрѣть училища ввѣреннаго вамъ округа, то всякій разъ можете только относиться ко мнѣ, съ назначеніемъ суммы, сколько по предположенію вашему на этотъ предметъ потребнымъ найдете, дабы могъ и сообщить г. министру финансовъ объ отпускѣ тогда вамъ требуемыхъ денегъ". С.-Петербургъ, апрѣля 3-го 1818 года ¹⁾. Высочайшій указъ сенату о назначеніи попечителемъ Каріѣва состоялся 25 марта 1817 года ²⁾.

Сдѣлавшись попечителемъ, З. Я. Каріѣвъ немедленно сталъ насаждать въ университетѣ то виѣшнее благочестіе, съ характеромъ котораго мы ознакомились въ началѣ настоящей главы. Въ отвѣтъ на поздравленіе совѣта ³⁾ съ назначеніемъ на постъ попечителя З. Я. Каріѣвъ обратился къ членамъ его съ такимъ письмомъ. „Получивъ отъ совѣта Императорскаго Харьковскаго университета привѣтственное

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6374/162.

²⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 5374/162.

³⁾ А совѣтъ поздравилъ попечителя въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета, получивъ отъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія его сіятельства кн. А. Н. Голицына отъ 7-го апрѣля сего года пріятное для него извѣщеніе, что ваше превосходительство Высочайше утверждены попечителемъ Харьковскаго университета и его учебнаго округа, долгомъ поставилъ себѣ принести сямъ вашему превосходительству свое поздравленіе и рекомендовать себя въ ваше покровительство и благорасположеніе. Ректоръ Тимофей Осиповскій (Харьк. унив. архивъ. Дѣло Поп. № 404/20).

поздравленіе съ Высочайше вѣреннѣмъ мнѣ званіемъ попечителя университета и его учебнаго округа, долгомъ считаю изъяснить искреннюю мою признательность за вниманіе ко мнѣ почтенныхъ членовъ совѣта. Я надѣюсь, что вызовъ Его Императорскимъ Величествомъ меня изъ уединенія и порученіе послѣ долговременной и многолѣтней службы новой должности, толико по существу своему важной и по цѣли своей полезной, могутъ быть оправданы, общими подвигами гг. членовъ университета на исполненіе Высочайшей воли, въ данномъ университету уставѣ и ясно и подробно изображенной. Моя обязанность будетъ пещись и словомъ, и дѣломъ къ общему и частному каждаго изъ гг. членовъ преуспѣянію, дабы общимъ трудомъ создать цѣлое и Высочайшей волѣ угодное и обще Россіи полезное, испрашивая на всякій подвигъ благословенія свыше отъ Отца свѣтовъ. С. Захарьевское, 29 апрѣля 1818 г. ¹⁾. Въ тотъ же день З. Я. Каріфевъ написалъ отвѣтное письмо и ректору университета Т. Θ. Осиповскому. „Получивъ, говорится тамъ, рапортъ вашего высокородія объ университетскихъ чиновникахъ его и суммѣ, готовъ былъ бы ѣхать къ вамъ, но нездоровье мое удерживаетъ меня; однако 10 мая, когда Богъ благословитъ, буду къ вамъ, и какъ его сіятельство управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія увѣдомляетъ меня о повелѣніи со всѣми представленіями по университету относиться ко мнѣ, то и прошу васъ отложить ихъ до моего пріѣзда; мнѣ же изготовить комнаты, гдѣ бы я могъ на первый случай помѣститься. Впрочемъ я надѣюсь найти благосклонное ваше къ себѣ расположеніе, въ надеждѣ чего съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть. З. Каріфевъ ²⁾“. Въ Харьковѣ новый попечитель пріѣхалъ только 10 мая и прожилъ тамъ 3 недѣли, посвятивъ это время осмотру университета и гимназій; затѣмъ снова явился на экзамены. 19-го мая онъ написалъ ректору слѣдующее характерное письмо. „По Высочайше вѣренной мнѣ должности обозрѣвая занимаемое университетомъ строеніе, не нашелъ я храма Божія, куда бы гг. профессора и прочіе учащіе, также и учащіеся кандидаты и студенты собирались по всѣмъ праздничнымъ и воскреснымъ днямъ для принесенія молитвы Господу Богу, отъ него же происходитъ всякое даваніе благо для сердца и всякъ даръ совершенъ для разума, яко отъ отца свѣтовъ. И какъ по объявленію вашему, нѣтъ и не было никогда особливаго наблюденія, чтобы куда либо собирались вмѣстѣ на молитву, а предоставлено на волю каждаго изъ студентовъ ходить въ церковь, кто куда захочетъ,

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1817 г. № 25, стр. 5.

²⁾ Ibidem, стр. 6.

при каковомъ небреженіи за ними, яѣкоторые изъ нихъ по молодости своей не только могли внѣшно уклоняться отъ первой сей священной обязанности, но и, внутренно забывая долгъ христіанства, теряли время въ праздности, то и нахожу нужнымъ на обстоятельство сіе, яко важнѣйшее, обратить все вниманіе и учащихся и учащихъся, первыхъ, яко руководителей къ истинному просвѣщенію ума учащихся и образованію сердца ихъ по правиламъ евангельскимъ, а вторыхъ, яко послѣдователей наставникамъ своимъ въ обученіе ихъ и словомъ истины, и дѣломъ нравственнаго благочестія, ибо начало премудрости есть страхъ Божій, требующій отъ учащихся и учащихъся безпрестаннаго возвышенія сердецъ ихъ къ источнику свѣта—духу Божію и непрерывнаго хожденія въ присутствіи Вездѣсущаго, дабы, ежеминутно озарясь свѣтомъ свыше, могъ и умъ раскрываться къ познанію божественныя истины и сердце воспламеняться любовію Христовой, превосходящею всякъ разумъ человѣческій. Почему и предложите, ваше высококордіе, правленію университета: 1) снесясь съ преосвященнымъ Павломъ, епископомъ слободскоукраинскимъ и харьковскимъ, испросить опредѣленное мѣсто въ соборной церкви для кандидатовъ и студентовъ, а въ церкви св. Николая для учениковъ гимназіи; 2) инспектору съ помощниками, которые по параграфу 188 устава должны при немъ быть изъ магистровъ или кандитатовъ, каждое воскресенье и праздникъ, собирая предъ обѣднею въ 8 час. утра всѣхъ кандидатовъ и студентовъ въ залу, читать по главѣ изъ евангелія и посланій апостольскихъ съ краткимъ объясненіемъ оныхъ, а потомъ предоставить имъ идти въ церковь и наблюдать, чтобы во время обѣдни стояли всѣ съ благоговѣніемъ, внимая слову Божію и священнодѣйствію; 3) въ гимназіи директору и учителямъ, собираясь подобнымъ образомъ по окончаніи священникомъ ученія закону Божію, вести учениковъ къ обѣднѣ въ церковь св. Николая и также прилежно наблюдать, дабы всѣ тихо и благоговѣйно стояли и слушали чтеніе и пѣніе церковное, за всякій же разговоръ и шумъ въ церкви какъ съ первыхъ, такъ и съ сихъ послѣднихъ строго взыскивать; 4) всѣхъ не являющихся въ залу студентовъ и гимназистовъ и не бывающихъ въ церкви безъ причинъ законныхъ записывать на черную доску, яко нерадивыхъ къ священной сей обязанности, а по тремъ и больше упущеніямъ входить въ изысканіе причинъ ихъ отсутствія и подвергать наказанію по мѣрѣ вины, за чѣмъ кто не былъ; 5) въ лѣтнее время въ большіе праздничные дни, когда бываетъ съ вечера всенощное бдѣніе, такимъ же образомъ собираясь въ залѣ какъ студентамъ, такъ и гимназистамъ съ началь-

никами своими ходить въ церковь¹⁾. И такъ, *внутреннее* благочестіе среди учащихся З. Я. Кари́евъ разсчитывалъ посадить дисциплинарными взысканіями. Впрочемъ нужно отдать ему должное; онъ все таки дѣйствовалъ мягче, чѣмъ Магницкій, и по отношенію къ профессорамъ не прибѣгъ къ внѣшнимъ понудительнымъ мѣрамъ. Правленіе, выслушавъ выше приведенное предложеніе попечителя, постановило привести въ исполненіе всѣ его требованія, и пригласить для объясненія евангелія протоіерея Могилевскаго, положивъ ему жалованья по 250 рублей въ годъ. Епископъ Павелъ отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ „благоугоудному предположенію“ попечителя и далъ указъ консисторіи объ отводѣ особаго мѣста въ соборѣ для кандидатовъ и студентовъ. Онъ же разрѣшилъ Могилевскому объясненіе евангелія, но съ тѣмъ чтобы оно заканчивалось не позже 8-го часа по утру, дабы не отнять у него времени для совершенія богослуженія²⁾. Результаты своего изслѣдованія университетской жизни З. Я. Кари́евъ изложилъ въ слѣдующемъ письмѣ къ министру отъ 3 іюля 1817 года. „Милостивый государь, князь Александръ Николаевичъ! Прибывши въ университетъ 10-го истекшаго мая, прожилъ я въ Харьковѣ три недѣли и, обозрѣвъ прежде всего строеніе университета и гимназій, гдѣ находятся разные кабинеты, учебныя залы, жилище казенныхъ студентовъ и гимназистовъ, нашелъ помѣщеніе всего въ зданіи университетскомъ крайне стѣсненнымъ, въ великомъ безпорядкѣ и нечистотѣ, такъ что многія вещи по кабинетамъ не разобраны и не описаны, какъ, напримѣръ, въ числѣ первыхъ библіотека довольно обширная, училищныя залы запущены и все въ такомъ безобразіи единственно потому, что университетъ, почитая это зданіе временно принадлежащимъ ему, не приступилъ ни къ малѣйшей поправкѣ его внутреннихъ покоевъ. — Въ гимназій же, такъ какъ она вповѣ построена, нашелъ все вообще въ сноскомъ положеніи, хотя зданіе это, какъ снаружки не оштукатурено, такъ и внутри голая стѣны. По осмотрѣ строенія обратилъ я вниманіе на образъ мыслей и способы ученія профессоровъ, адъюнктовъ и прочихъ учителей въ университетѣ и гимназій, равно на успѣхи учениковъ и общій тѣхъ и другихъ духъ въ учебныхъ предметахъ, особенно на главное основаніе просвѣщенія—духъ религіи, коимъ должны начинаться всѣ предметы учености и къ усовершенствованію котораго въ правилахъ чистой вѣры, утверждаемой на познаніи Евангельской истины, должны они

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 404/20

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правн. 1817 года № 1241/58.

стремиться, яко къ единственной цѣли блаженства временнаго и вѣчнаго, приготовляя отмѣнныхъ гражданъ для отечества земнаго и вѣрныхъ сыновъ отечеству небесному. Вниманіе къ открытію истины этого предмета требовало и времени, и долгаго обращенія съ профессорами, учителями, со студентами и всѣми учащимися, но при первомъ шагѣ замѣтилъ я, что, кромѣ гимназій, гдѣ ученіе Закону Божию было преподаваемо, въ университетѣ часть эта совсѣмъ оставлена была въ небреженіи.—Почему студенты, свободно слѣдуя мало образованнымъ въ познаніи вѣры умамъ своимъ, не знали обязанности ни посѣщать храмы Божіи, ни дома учиться Евангельской истинѣ изъ чтенія священнаго писанія. О чемъ много разсуждая съ профессорами и студентами, наконецъ, въ первый прїѣздъ мой рѣшился я, снесясь съ преосвященнымъ здѣшнимъ, испросить для студентовъ въ соборѣ, а для гимназистовъ въ приходской церкви по способности отдѣльныя мѣста, куда бы студенты съ инспекторомъ изъ профессоровъ и его помощниками, а ученики гимназій съ директоромъ и своими учителями ходили въ праздничные и воскресные дни къ обѣдни, собираясь для этого за часъ предъ обѣднею—студенты въ университетской залѣ, а ученики гимназій въ своей и слушая Евангеліе, къ изясненію котораго договоренъ въ университетѣ, по дозволенію преосвященнаго, ученый и благочестивый протоіерей съ маленькимъ жалованьемъ, который, начавши съ первой главы Матвѣя, проходить со студентами по порядку все Евангеліе, изясняя имъ истинный смыслъ его; въ гимназій же отличный священникъ, учащій Закону Божию, толкуетъ имъ ежедневное Евангеліе, послѣ чего идутъ они къ обѣдни. Подвигъ этотъ не только въ профессорахъ и учителяхъ, но и въ самихъ студентахъ и ученикахъ гимназій возбудилъ желаніе вступить членами въ библейское общество и число ихъ понынѣ простирается до 125 человекъ, а сумма, подписанная ими, равна 914 р. Съ такимъ возрѣніемъ, по благодати Божіей, въ духѣ учащихся и учащихся нѣкотораго луча вѣры оставилъ я ихъ, предавъ благому промыслу Божию о насъ далѣе дѣйствовать въ сердцахъ ихъ къ стяжанію твердости въ вѣрѣ, которая растеть по мѣрѣ упраздненія или очищенія умственныхъ идей, поражаемыхъ ложнымъ мудрствованіемъ.

По прошествіи трехъ недѣль прибылъ я таки въ университетъ къ продолжавшимся экзаменамъ и, посѣщая ихъ, а частью присутствуя 30-го іюня на генеральномъ экзаменѣ, слушая рѣчи и прочія сочиненія въ университетѣ студентовъ, а въ гимназій учениковъ, гдѣ во все время присутствовалъ и преосвященный Павелъ, нашелъ успѣхи хорошіе, которые равно какъ и самыя сочиненія по отпечатаніи ихъ не

умедлю представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства. Между тѣмъ, не теряя изъ виду подвига о благочестіи и преслѣяніи въ вѣрѣ, къ чему положено начало въ первый мой пріѣздъ, узналъ, къ общему и ихъ, и своему удовольствію отъ священниковъ, изъясняющихъ Евангеліе, что нѣкоторые изъ студентовъ и учениковъ гимназіи, приобрѣтая и въ собственности библію, охотно поучаются слову Божію, и хотя число ихъ и мало, но и за то слава Богу.—Протчіежь, кромѣ самыхъ нерадивыхъ и развратившихся, но и то не въ большомъ числѣ, приходятъ къ слушанію слова Божія и въ церковь по обязанности, опасаясь взысканія; но я надѣюсь на благодать Божію, что она и ихъ закоснѣвшія сердца, какъ юныя вѣтви, мало по малу направитъ къ истинѣ и возжетъ въ нихъ сладостное влеченіе къ поразительной красотѣ слова Божія. Теперь по окончаніи экзаменовъ распущены и студенты, кромѣ нѣкотораго числа состоящихъ на казенномъ содержаніи, такъ же и въ гимназіи; и я подтвердилъ г. ректору, чтобы слушаніе слова Божія и хожденіе въ церковь по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ остающимися студентами и учениками гимназіи продолжалось непременно. Со второй половины августа, по окончаніи вакаціоннаго времени, когда начнутъ собираться учащіеся, явлюсь я паки въ университетъ и наблюдать буду, чтобы заведенный порядокъ въ поученіи слова Божія между всѣми науками по уставу не только не былъ прерываемъ, но и возрасталъ бы болѣе и болѣе; — тогда можно будетъ ожидать благословенія свыше и на всѣ подвиги учащихся и учащихся. Изъясни такимъ образомъ вашему сіятельству главный пунктъ моего вниманія, много долженъ бы представить вамъ подробностей, какъ въ разсужденіи строенія, требующаго и распространенія, и умноженія, къ чему приготовляются планы и на что достаточная сумма есть въ университетѣ, такъ и въ разсужденіи лицъ учащихся и поправленія учащихся; но на это потребно долгое время къ точнѣйшему изысканію истины, дабы не погрѣшить, и поврежденное постепенно исправить, для чего и прошу покорнѣе взять терпѣніе и дать время на обзорѣніе.

Между тѣмъ въ вакаціонное время препоручилъ я университетскому правленію исправить и очистить всю внутренность университета, такъ же привести въ порядокъ кабинеты и прочее, дабы при Высочайшемъ Государя Императора посѣщеніи можно было представить ему, когда благоволитъ воззрѣть на эту часть. Самъ же, отдохнувши въ деревнѣ, поѣду въ Полтаву для обзорѣнія гимназіи, по опредѣленію комитета гг. министровъ переводимой въ зданіе почтаммта. Съ совершеннымъ

почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Захаръ Карнѣевъ¹⁾.

И такъ, новый попечитель вѣрно понялъ свою миссію въ духѣ господствовавшаго тогда въ министерствѣ направленія—въ смыслѣ насажденія евангельской вѣры, которая должна была сдѣлаться и началомъ, и цѣлью всѣхъ наукъ, ибо эти послѣднія, сами по себѣ, представляли только ложное утѣшествованіе. Его „система“ получила немедленно одобреніе и отъ министра, и отъ самого Государя. Кн. А. Н. Голицынъ, получивъ приведенное выше отношеніе З. Я. Карнѣева, далъ ему слѣдующій отвѣтъ. „Милостивый государь мой, Захаръ Яковлевичъ! Отношеніе вашего превосходительства отъ 3-го прошедшаго іюля о первоначальныхъ распоряженіяхъ вашихъ по Харьковскому университету и тамошней гимназіи ко введенію тамъ истиннаго познанія правилъ христіанства и евангельскаго ученія, получилъ и съ особеннымъ удовольствіемъ и счелъ необходимымъ прочесть его Государю Императору. Его Императорское Величество весьма былъ доволенъ всѣмъ тѣмъ, что нами сдѣлано по этому предмету. Увѣдомляя васъ, милостивый государь мой, объ этомъ, присовокуплю къ попечительности вашей о томъ существенномъ для истиннаго учебнаго образованія юношества основаніи,

съ моей стороны усиленнѣйшую просьбу,—продолжать обращать величайшее на то вниманіе и вслѣдствію тому содѣйствовать. Я увѣренъ, что съ помощію Божіею это произведетъ большое вліяніе на нравственную часть между учащимися и свѣтъ животворной истины водворится вмѣсто ложнаго просвѣщенія“.

Попечитель, ободренный сочувствіемъ министра, писалъ ему, что и Государь, въ то время посѣтившій Харьковскій университетъ, одобрилъ его начинанія. „Милостивый государь, князь Александръ Николаевичъ! Почтеннѣйшее вашего сіятельства предписаніе, одобряющее первоначальныя распоряженія мои по Харьковскому университету и здѣшней гимназіи, имѣлъ честь получить за два дня до пріѣзда въ Харьковъ Его Императорскаго Величества. Государь Императоръ, какъ изъ особаго представленія о пребываніи его здѣсь усмотрѣть изволите, весьма милостиво встрѣтилъ меня Высочайшимъ благоволеніемъ за принятіе на себя нынѣшней должности, изъяви ревностное свое желаніе о возбужденіи духа истинной религіи въ учащихся и учащихся и спрашивая меня, имѣюль я надежду въ этомъ успѣть. На это я имѣлъ счастье отвѣчать Государю Императору: сколько силъ моихъ достанетъ при помощи Божіей, стараться

---

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просвѣщенія. Дѣло 1817 года № 6445/163, присоединенный къ № 6374/163.

буду показывать путь истины и поощрять учащихся и учащихся къ шествию по оному, но за успѣхъ отвѣчать не могу, ибо онъ зависитъ отъ мѣры духа Господня, сколько кто по прилежному исканію истины возбужденъ и просвѣщенъ имъ будетъ. На что Государь сказалъ, что онъ о моемъ первоначальномъ подвигѣ знаетъ изъ представленій къ вашему сіятельству, имъ читанныхъ; почему и требовалъ, чтобы между учащимися вводить сколько можно въ привычку чтеніе Святого Евангелія, духъ же Божій пошлетъ каждому разумѣть по мѣрѣ силъ къ исполненію воли Господней. Будучи возбуждаемъ къ этому и Высочайшею Государя Императора волею, и милостивымъ вашимъ поощреніемъ, найприлежнѣйше молить буду непрестанно во внутренности души моей единственнаго учителя, Господа Нашего Іисуса Христа, да подкрѣпитъ меня на трудномъ семъ подвигѣ и даруетъ крѣпость не ослабѣвать при непріязненныхъ встрѣчахъ противничьяго духа и, какъ доносилъ я Государю Императору, что больше все таки при помощи свыше надѣюсь и успѣха отъ учащихся, нежели учащихся, изъ которыхъ кромѣ нѣкотораго числа русскихъ, прозрѣвающихъ, такъ сказать, въ путь сей и начинающихъ одобрять оный, прочіе, особливо изъ иностранцевъ, водятся духомъ корысти и тщеславія, и изъ нихъ о нѣкоторыхъ по нерадѣнію ихъ и къ настоящимъ своимъ должностямъ вынужденъ буду представлять вашему сіятельству. Что же относится до студентовъ, то многіе изъ нихъ со времени введенія первоначальныхъ моихъ распоряженій мало по малу прилѣпляются къ Евангельской истинѣ, начиная читать и прилежно слушать Евангеліе съ помощію объясненія ученымъ и добронравнымъ священникомъ. — Въ этомъ еще болѣе утверждаетъ меня добрая переменѣна въ ихъ поведеніи, которая замѣтна стала всей публикѣ. — Дай Богъ, чтобы сѣмя Слова Божія, сѣемое духомъ его въ сердца сихъ юношей, росло и укрѣпляло молодыя силы ихъ на службу Богу и Отечеству, тогда исполнится богоугодное желаніе вашего сіятельства, что свѣтъ животворной истины водворится вмѣсто ложнаго просвѣщенія и въ кругѣ ученомъ“.

Въ другомъ официальномъ отчетѣ З. Я. Кари́евъ описывалъ пребываніе въ Харьковѣ Императора Александра I-го 18-го сентября 1817 года. „Милостивый государь, князь Александръ Николаевичъ! Его Императорское Величество 17-го сего мѣсяца въ 10-мъ часу по полудни изволилъ прибыть въ Харьковъ прямо въ соборъ, гдѣ встрѣченъ былъ преосвященнымъ епископомъ съ духовенствомъ и всѣмъ военнымъ и гражданскимъ начальствомъ, причемъ и я съ профессорами находился. — По принесеніи Всевышнему благодарственнаго молебствія, поѣхалъ на квартиру, куда явился и я, принять былъ

Государемъ Императоромъ милостиво, съ изъявленіемъ Высочайшаго благоволенія за согласіе мое на принятіе на себя званія попечителя и первые подвиги мои, дошедшіе до свѣдѣнія его чрезъ ваше сіятельство. 18-го по утру въ девять часовъ Государь Императоръ изволилъ прибыть въ университетъ, гдѣ представлены были ему профессора и адъюнкты, потомъ осматривалъ онъ библіотеку и кабинеты зоологическій, минцъ кабинетъ, технологическій и минеральный, такъ-же рассматривалъ вновь проектированный планъ перестройки университета, соображая съ самымъ мѣстоположеніемъ, и повелѣлъ представить его по порядку на Высочайшее утвержденіе, потомъ, снисходя на всеподданнѣйшее мое прошеніе, благоволилъ записать Высочайшее имя свое въ книгу знаменитыхъ посѣтителей, нарочно для сего приготовленную. Изъ университета чрезъ улицу перешелъ въ университетскую залу, гдѣ представлены были ему кандидаты и студенты казеннокоштные и своекоштные, причемъ повелѣлъ мнѣ всѣхъ ихъ имена провозгласить, коихъ было до 200 человекъ, и оказалъ Высочайшее свое благоволеніе какъ учащимъ, такъ и учащимся. На послѣдокъ посѣтилъ гимназію и, удостоивъ Высочайшаго своего возрѣнія всѣхъ учениковъ гимназіи и уѣзднаго училища, собранныхъ въ залѣ всего до двухъ сотъ пятидесяти человекъ, изволилъ осмотрѣть всѣ классныя комнаты, потомъ пошелъ черезъ дворъ въ жилия казенныхъ гимназистовъ комнаты, которыхъ съ пансіонерами было до 60-ти человекъ, и осматривалъ какъ ихъ, такъ и столовую и вездѣ изъявилъ Высочайшее свое благоволеніе и сдѣлалъ только замѣчаніе на счетъ старыхъ кроватей гимназистовъ; по поводу ихъ повелѣлъ всемилостивѣйше наблюдать впредь лучшую чистоту и опрятность, кровати же эти хотя и крѣпки, но по краткости времени моего начальствованія не могли быть приведены въ тотъ порядокъ, въ какомъ должны быть и будутъ. Возвратясь на квартиру, повелѣлъ мнѣ быть къ столу, по окончаніи котораго между прочимъ, изъявилъ мнѣ Высочайшее свое благоволеніе за найденный порядокъ въ университетѣ и первыя дѣйствія недавняго моего начальствованія, поручилъ попеченію моему стараться подвигать впередъ всю учебную часть, сколько въ истинномъ ея духѣ, такъ равно въ чистотѣ и опрятности и въ третьемъ часу по полудни изволилъ отбыть изъ Харькова¹⁾.

Таковы собственные отчеты о своей дѣятельности З. Я. Каріѣва. Можно предполагать, что они проникнуты нѣкоторымъ оптимизмомъ, хотя, вообще говоря, Каріѣвъ отличался осторожностью въ своихъ

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просвѣщенія. Дѣло 1817 года № 6445/163, присоединенный къ № 6374/163.

обѣщанійхъ относительно возможныхъ результатовъ своей дѣятельности; такую осторожность онъ, какъ мы видѣли, проявилъ въ своей бесѣдѣ съ Государемъ; мы знаемъ также, что въ дѣлѣ благочестія онъ возлагалъ больше надеждъ на учащихся, чѣмъ на учащихся; среди этихъ послѣднихъ его особенно смущали иностранцы, которыхъ, конечно, трудно было обращать на путь истинной православной религіи. Относительно студентовъ онъ также писалъ, что только очень немногіе искренно ревнуютъ евангелію и богослуженію; большинство же ходитъ въ церковь по обязанности, боясь взысканій. Но спрашивается, можно ли было безошибочно отдѣлить неискреннихъ отъ искреннихъ? Безъ сомнѣнія и нѣкоторые изъ тѣхъ, кого онъ считалъ искренними, только искусно притворялись. Во всякомъ случаѣ едва ли, на примѣръ, сдѣлались внутренними христіанами всѣ тѣ студенты и гимназисты, кои вписались въ члены библейскаго общества и начали дѣлать въ пользу его взносы. Мотивы и поводы для вступленія въ члены этого общества были у разныхъ лицъ разнообразны: тутъ дѣйствовалъ и страхъ, и угодливость передъ высшимъ начальствомъ, и ожиданіе житейскихъ благъ и карьеры, и подражаніе, и мода, и, наконецъ, искренніе порывы чувства; отдѣлить же искреннихъ людей отъ неискреннихъ начальству было чрезвычайно трудно, можно даже сказать, невозможно, ибо приходилось руководствоваться вѣншими обманчивыми признаками.

Что касается сообщенія о пребываніи въ Харьковѣ государя, то здѣсь З. Я. Карнѣвъ впалъ въ явный оптимизмъ. Изъ разсказа другого и при томъ посторонняго очевидца видно, что Императоръ Александръ I вынесъ далеко не отрадное впечатлѣніе изъ своего осмотра Харьковскаго университета. Этотъ очевидецъ, бывшій въ свитѣ государя, Данилевскій говоритъ: „библіотека была малочисленна, а собранія инструментовъ и машинъ не полны, для приумноженія ихъ требовались еще большія издержки; студенты похожи были на школьниковъ; между профессорами не находилось ни одного человѣка, который бы снискалъ имя въ ученомъ свѣтѣ; Государь пожималъ плечами, и я читалъ на лицѣ его, что онъ былъ не доволенъ. Къ тому же попечитель университета Карнѣвъ началъ по одиночкѣ представлять Его Величеству студентовъ, выкликая каждого по имени, при чемъ они, выходя изъ толпы, дѣлали государю смѣшные и неловкіе поклоны. Императоръ, увидя меня, стоявшаго поодаль, подошелъ ко мнѣ и спросилъ по французски: „Que pensez vous de l' Université?“ „Il faut avouer, отвѣчалъ я, qu'elle est encore bien arriérée“. „Je suis de votre avis“, сказалъ государь“. Къ довершенію всего В. Н. Каразинъ подалъ въ это время свой проектъ государю и „это, прибавляетъ Данилевскій, было

весьма неприятно, ибо Его Величество не любилъ, что бы ему лично представляли бумаги, которыя должны были идти законнымъ порядкомъ, принятымъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ¹⁾. Конечно, отзывъ этотъ нѣсколько одностороненъ: Государь во всякомъ случаѣ сочувствовалъ религіозно-нравственному направленію дѣятельности новаго попечителя; проф. Осиповскій пользовался, какъ мы знаемъ, большою извѣстностью въ ученомъ мірѣ; В. Н. Каразинъ, уже давно обратившійся изъ маркиза Позы въ докучливаго и непрощеннаго сочинителя разныхъ записокъ, „былъ виновенъ только въ томъ, что ради общественнаго блага пользовался нѣкогда даннымъ ему разрѣшеніемъ обращаться непосредственно къ Государю“. Но при всей односторонности своей, рассказъ Данилевскаго вносить всетаки поправку въ сообщеніе З. Я. Карнѣева о посѣщеніи Императоромъ Александромъ Харьковскаго университета и о вынесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ: эти послѣднія были не вполне благопріятны.

Прежній попечитель гр. С. О. Потоцкій, какъ мы видѣли, самъ сознавался, что Харьковскій университетъ въ послѣдніе годы сталъ клониться къ упадку и нуждался въ новомъ, энергичномъ начальникѣ; но этой то личной энергіи именно и не было у Карнѣева въ его старческомъ возрастѣ. Въ первое время своего управленія онъ постарался рѣзко проявить свое намѣреніе переформировать университетское преподаваніе на религіозно-нравственномъ началѣ, но для систематическаго проведенія этого плана у него не было ни силъ, ни способностей, ни энергіи; онъ далеко въ этомъ отношеніи уступалъ Руничу и Магницкому и представлялъ только блѣдную копію съ этихъ образцовъ. „Въ послѣдніе годы жизни, говоритъ И. П. Щелковъ, Карнѣевъ увлекся дѣятельностью библейскаго общества въ томъ мистическомъ направленіи, какое оно приняло подъ руководствомъ предсѣдателя кн. А. Н. Голицына въ концѣ царствованія Императора Александра Павловича. Съ такимъ настроеніемъ явился Карнѣевъ въ Харьковъ въ качествѣ попечителя учебнаго округа. Понятно, что отъ него нельзя было ожидать серьезнаго отношенія къ дѣятельности университета; онъ не могъ ни судить о достоинствахъ членовъ ученой корпорации университета, ни слѣдить за достоинствомъ научнаго преподаванія. Все для него возможное сводилось къ чисто виѣшнему наблюденію за благоустройствомъ университетскихъ помѣщеній и исполненіемъ профессорами ихъ обязанностей, вѣрнѣе, за явкой ихъ въ университетъ. Но кромѣ такого исключительно виѣшняго отношенія къ университет-

¹⁾ Шильдеръ. Имп. Александръ I, т. IV, стр. 76.

ской дѣятельности, которое могло бы и не принести особаго вреда, Карнѣвъ старался выказать положительную дѣятельность, а она то и оказывалась весьма неблагоприятною для университета. Будучи мало свѣдущъ въ наукахъ, Карнѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя общему въ то время направленію, особенно сильно проявившемуся въ средѣ библейскаго общества, считалъ науки не безопасными. Онъ не допускалъ возможности предоставить человѣческому разуму свободное поле дѣятельности. Стараясь осуществить свой идеалъ, Карнѣвъ довольствовался однако только внѣшними полицейскими мѣрами, не только не способными содѣйствовать распространенію религіозности въ средѣ университета и гимназій, но дѣйствовавшими скорѣе въ обратномъ направленіи, способными скорѣе развить лицемеріе и среди преподавателей, и среди учениковъ. Какъ человѣкъ слабохарактерный и къ тому же старчески дряхлый, Карнѣвъ не переносилъ возраженій въ отношеніи къ его мѣрамъ; при его душевномъ настроеніи не соглашавшійся съ нимъ долженъ былъ въ его глазахъ явиться не только противникомъ его мнѣній, но лицомъ прямо вреднымъ, оскорбляющимъ религію и не уважающимъ требованій евангельскаго ученія¹⁾. И. П. Щелковъ хочетъ здѣсь сказать, что на такой почвѣ произошла и борьба его съ Осиповскимъ. Къ сказанному можно только прибавить, что главное зло заключалось не столько въ томъ, что Карнѣвъ не былъ знакомъ съ науками—едва ли отъ него можно было требовать энциклопедическаго образованія—сколько въ томъ, что онъ не чувствовалъ къ нимъ должнаго уваженія и противопоставлялъ ихъ, вопреки здравому сужденію Ломоносова, религіи. Это ясно сказалось между прочимъ въ эпизодѣ 1819 года о студенческихъ сочиненіяхъ. Въ министерство были препровождены студенческія сочиненія, читанныя на торжественномъ испытаніи 30 іюня 1817 года. Министерство замѣтило въ нихъ „весьма несправедливое понятіе касательно средства къ возстановленію падшаго человѣческаго естества, исправленію нравственности и улучшенію сердца, каковымъ средствомъ представляется вообще философія; хотя въ иныхъ мѣстахъ и говорится, что философія должна быть основана на религіи, но это сказано какъ бы мимоходомъ и однимъ словомъ только о религіи, не упоминая о необходимомъ стрдствѣ спасенія, представляемомъ намъ въ евангеліи и вообще въ ученіи христіанскомъ. Все это свидѣтельствуетъ, какими мнѣніями наполняются умы юныхъ воспитанниковъ и сколь много отвлекаются они тѣмъ отъ настоящей цѣли, человѣку предпостав-

¹⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1890, октябрь, стр. 384.

ленной“. „Послѣднія слова министра, говорить И. П. Щелковъ, заключали прямое обвиненіе преподавательскаго персонала въ несогласномъ съ видами министерства веденіи преподаванія“¹⁾. Сообщая объ этомъ совѣту университета, Карнѣевъ предложилъ ему къ непремѣнному исполненію средства, могущія возстановить и поддержать дѣятельность университета въ желаемомъ направленіи. Изложенныя въ этомъ предложеніи мысли чрезвычайно ясно характеризуютъ какъ общее направленіе, господствовавшее въ то время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ и печальное положеніе, въ какомъ находился тогда Харьковскій университетъ. „Сдѣланное Его Сіятельствомъ замѣчаніе, пишетъ попечитель, должно обратить общее всѣхъ вниманіе, что философія не достаточна въ средствахъ къ возстановленію падшаго человѣческаго естества, исправленію нравственности и улучшенію сердца безъ понятія евангельскаго и вообще христіанскаго ученія. Первое и главное средство къ познанію истины христіанской есть прилежное чтеніе библіи, состоящей въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, яко животворящаго слова Божія; принимая сію священную книгу не за плодъ разума человѣческаго, который въ падшемъ своемъ состояніи, безъ освѣщенія Духомъ Божіимъ, никогда не можетъ воспарить къ превысренней истинѣ христіанской, но за вдохновенное патріархомъ и апостолами слово вѣчныя жизни, котораго были они достойными по чистому сердцу и покорному вѣрѣ уму и единственными орудіями въ рукѣ вся сотворшаго, вся сохраняющаго Бога слова, такъ что онъ столько же ежеминутно занимается и жребіемъ каждаго частнаго человѣка, какъ и всѣмъ вообще родомъ человѣческимъ, ибо столько возлюби Богъ міръ, яко и сына своего единороднаго, т. е. Бога слово (плотію бывшее) далъ есть, да всякъ вѣруй въ него не погибнетъ, но имать животъ вѣчный. Священная библія съ первой главы бытія до послѣдней апокалипсиса учитъ не только познанію начала, продолженія и конца вселенной, нами обитаемой, но и паче познанію человѣка, яко верховнаго дѣла рукъ Божіихъ,—первое въ невинномъ его состояніи, въ раю, потомъ въ падшемъ его состояніи, въ которомъ всѣ мы раждаемся на землѣ, и наконецъ въ возстановленіи нашемъ чрезъ

¹⁾ Поводомъ къ этому обвиненію послужило главнымъ образомъ сочиненіе студента Склабовскаго подъ заглавіемъ „De corruptione naturae humanae et de auxilio ad eandem emendendam, quale praestat nobis vera philosophia (объ испорченности человѣческой природы и о способѣ исправленія ея, какой представляетъ намъ истинная философія); въ немъ, по заявленію министерства, заключались „самыя ложныя понятія о средствахъ (философскихъ) возстановленія падшей природы человѣка“ (Рус. старина, 1876 года, ноябрь, стр. 476).

искупленіе Бога слова, бывшаго плотію. Въ ней показаны, въ книгахъ Моисеевыхъ и пророческихъ, и бѣдность нашего глубокаго паденія, почему отъ юности всѣ мысли и желанія наши клонятся ко злу, и средства возстановленія — въ патріаршескихъ и пророческихъ писаніяхъ предостерегательныя и наставительныя, а въ евангельскомъ ученіи дѣйствительныя, ибо обѣтованный прежде Спаситель пришествіемъ своимъ во плоти показалъ намъ образъ жизни, когда чрезъ живую вѣру слову Его, вѣчно глаголющему и внѣ насъ, и въ сердцѣ нашемъ, слѣдуемъ божественному Его ученію. Почему и чтеніе слова Божія не должно дѣлаться подобно чтенію обыкновенныхъ книгъ разума человѣческаго, но съ великимъ приуготовленіемъ сердца и разума, испрашивая прежде во внутренней молитвѣ сердца чистаго и разума праваго, дабы первое оживотворено было любовію къ Богу, а разумъ покоренъ свѣту вѣры, пока раскроется въ немъ духъ истины, котораго **Иисусъ Христосъ** по вознесеніи одесную отца послалъ апостоламъ и котораго посылаетъ и нынѣ просящимъ его отъ чистаго сердца. Тогда всѣ толки и умствованія философическія, противныя библейскому ученію, сами собою падутъ и уничтожатся. Пока же учащій или учащійся чрезъ *непрестанную молитву* и чистую жизнь можетъ стижать духа Божія, есть другое вспомогательное средство, а именно — писанія святыхъ отцовъ и Богомъ просвѣщенныхъ мужей, особливо въ прошедшемъ столѣтіи открывавшихся, которые до основанія ниспровергаютъ лежеченіе философское неоспоримыми доказательствами и изъ Слова Божія, и изъ внутренняго познанія поврежденнаго паденіемъ естества человѣческаго. Таковы суть книги — Божественная философія, христіанская философія и прочія сочиненія, изданныя на русскій языкъ и извѣстныя г. ректору и профессорамъ словесности, соразмѣрныя понятію учащихся и учащихся, и высокому и посредственному, и которыя, по мѣрѣ успѣха учениковъ, могутъ сообщаемы быть отъ учащихся учащимся. Сіи два средства, при наблюденіи благочестія, первыхъ познаній Закона Божія, христіанскаго благоговѣнія въ храмахъ Божіихъ и сохраненіи строгой нравственности, могутъ въ умахъ юныхъ воспитанниковъ поселить живую вѣру къ Слову Божію, освѣтить ихъ духомъ Божіимъ, *разогнать мракъ философическаго заблужденія, основаннаго на кичливости разума*, и посѣять въ сердцѣ христіанскія добродѣтели чрезъ проведеніе божественнаго ученія въ исполненіе и чрезъ послѣдованіе Христову образу жизни во время хожденія его на землѣ; ибо по непреложному Слову Его, *не всякій, глаголай ми — Господи, Господи, вкидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю отца его, иже есть на небесахъ, который всѣмъ чловѣкамъ хочетъ спастися и въ*

разумъ истинный прійти“. „Копіи этого предложенія Карнѣвъ поручилъ совѣту розослать во всѣ гимназіи, внушивъ всѣмъ директорамъ и учителямъ о прилежнѣйшемъ наблюденіи, дабы всѣ науки имѣли основаніемъ первый сей краеугольный камень, ректору и профессорамъ Карнѣвъ объявилъ, что они безъ сомнѣнія обратятъ особенное вниманіе на столь важный предметъ и при наставленіи юношества не упустятъ изъ виду всего того, чего ожидаетъ отъ нихъ верховное начальство“¹⁾.

И такъ, христіанское благочестіе профессоровъ и студентовъ ставилось въ тѣсную непосредственную связь съ волею „верховнаго начальства“; въ концѣ концовъ предполагалось, что циркуляръ попе-

¹⁾ Журн. мин. нар. просв. 1890, октябрь, стр. 371—374; тоже см. въ Харьк. унив. архивѣ, дѣло совѣта 1819 года № 12. Имѣло ли какія-нибудь серьезныя послѣдствія это обращеніе въ предѣлахъ учебнаго округа, — сказать трудно. Во всякомъ случаѣ едва ли возможно придавать важное значеніе тѣмъ двумъ, тремъ письмамъ, которыя получилъ З. Я. Карнѣвъ отъ подчиненныхъ ему лицъ. Вотъ что писалъ директоръ училищъ Войска Донскаго Алексѣй Поповъ: „съ сердечною радостію поздравляю ваше превосходительство и отъ всего учебнаго въ Войскѣ Донскомъ сословіи, о коемъ особенное попеченіе личнымъ своимъ здѣсь присутствіемъ изъяснили, со всемилоостивѣйшимъ пожалованіемъ кавалеромъ ордена святаго Александра Невскаго. Да будетъ оный знаменемъ всѣмъ подчиненнымъ вашимъ, великимъ нашимъ Монархомъ изображеннымъ, къ подвигамъ учебнымъ по духу и ученію Христову ко всеобщему благосостоянію и достиженію предположенной спасительной цѣли“. 1820 г. Новочеркасскъ. А вотъ письмо почетнаго смотрителя училищъ Павлоградскаго уѣзда, Екатер. губ. Черныявскаго: „ваше превосходительство изволите извѣщать меня о Высочайшемъ, по желанію вашему, увольненію васъ отъ управленія Харьковскимъ учебнымъ округомъ. Прискорбно для меня лишиться милостиваго и благодѣтельнаго начальника, который не заслуги мои, коихъ и по обстоятельствамъ моимъ не могъ оказать службѣ моей, но единое къ тому намѣреніе ободрять милостивымъ своимъ вниманіемъ и наградою. Убѣждаясь симъ внутреннимъ чувствомъ моимъ и общимъ мнѣніемъ имѣвшихъ счастье служить подъ благотворнымъ начальствомъ вашимъ, утѣшаюсь увѣренностію, какъ и ваше превосходительство въ ободреніе мое предварять изволите, что по великодушію своему передадите тоже снисходительное къ службѣ моей вниманіе и преемнику моему. Осмѣливаюсь при семъ исполнить священный долгъ мой: приношу вашему превосходительству всенижайшую мою и подвѣдомыхъ мнѣ чиновниковъ благодарность за всѣ милости и попеченія, ко благу нашему и водворенію на евангельскихъ истинахъ основаннаго просвѣщенія, предпринимаемые. Сѣмена, какъ по сему предмету ваше превосходительство столь рачительно сохранявъ послали, еще при жизни вашей принесутъ въ обрадованіе васъ зрѣлые плоды, на которые Августѣйшій монархъ нашъ столь милостиво воззрѣлъ своимъ благоволеніемъ, а юные россияне края, вѣрнѣе со стороны просвѣщенія попеченію вашему, сохраняя въ сердцахъ своихъ признательность къ вамъ благословлятимуть и передадутъ своему потомству имя вашего превосходительства“. Харьк. унив. архивъ. Дѣло пол. № 404/20, стр. 22 и 28.

чителя может исправить нравственность „падшаго человечества“. Но высшей профанаціей чистаго христіанскаго ученія представляется заявленіе попечителя относительно возбужденнаго профессорами ходатайства о прибавкѣ жалованья. Мы знаемъ, что и раньше (въ 1810 г.) профессора Харьковскаго университета, доведенные до отчаянія страшнымъ паденіемъ курса, отправили ходатайство на Высочайшее имя объ увеличеніи ихъ содержанія. Но тогда удовлетвореніе его было признано несвоевременнымъ въ виду борьбы съ Наполеономъ, борьбы, потребовавшей напряженія всѣхъ силъ государства. Теперь (въ 1819 г.) профессора, подъ вліяніемъ той же недостаточности окладовъ, повторили свое ходатайство — и получили слѣдующій знаменательный отвѣтъ отъ попечителя. „Его сіятельство (министръ народнаго просвѣщенія) съ особенною благосклонностію изъявляетъ готовность свою ходатайствовать у всемилостивѣйшаго Государя Императора объ улучшеніи состоянія чиновниковъ Харьковскаго университета, *но не прежде*, какъ они покажутъ въ *полной мѣрѣ* усердіе свое къ службѣ, *соотвѣтствуя* всѣмъ *ожиданіямъ* верховнаго начальства, когда *потщатся* направлять умы *молодыхъ воспитанниковъ* къ единой цѣли, указанной мною по волю его сіятельства въ предложеніи моемъ отъ 25 прошлаго января (выше приведено было мною цѣликомъ); *доказательствомъ же* такового старанія *и чиновниковъ университета* будетъ, если утвердится общее и постоянное между ними согласіе, если учащіеся покажутъ отличные успѣхи въ наукахъ и *чистой нравственности, на христіанскомъ ученіи основанной* и наконецъ и самое производство дѣлъ по университету пойдетъ успѣшнѣе“ ¹⁾. Итакъ, матеріальное обезпеченіе профессоровъ было поставлено въ зависимость отъ насажденія христіанскаго настроенія, благочестія и чистой нравственности среди учащихся и учащихся — чего требовалъ, какъ мы видѣли, циркуляръ попечителя отъ 25 января 1819 года; мотивомъ для душевнаго усовершенствованія должна была служить матеріальная награда на землѣ въ видѣ прибавки жалованья! Естественно, конечно, что при такихъ обстоятельствахъ вмѣсто истиннаго христіанскаго благочестія стало процвѣтать наружное показное фарисейство и лицемеріе, вмѣсто искренняго сознательнаго патріотизма — угодливость и искусственная благонамѣренность. „Сохранилось преданіе, говоритъ Чириковъ, что нѣкоторые изъ профессоровъ, желая угодить начальнику, кстати и некстати приводили на лекціяхъ тексты... Понятно, что подобная атмосфера не могла благоприятствовать свобод-

¹⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1890, октябрь, стр. 374.

ному росту науки и что отсталость должна была болѣе и болѣе вторгаться въ университетскіе курсы, которые, по словамъ тогдашнихъ студентовъ, читались „по благонадежнымъ руководствамъ“, однажды на всегда избраннымъ, или же по тощимъ запискамъ, приправленнымъ въ устномъ разсказѣ блестящей фразеологіей и занимательными, только не въ научномъ отношеніи, анекдотами... По воспоминавіямъ одного старожила, бывшего профессора А. С. Венедиктова, слышаннымъ отъ него мною, говорить Чириковъ, у З. Я. Карнѣева дѣйствительно бывали собранія мистиковъ, на которыхъ онъ самъ читалъ и объяснялъ мистическія сочиненія. Эти мистики въ сущности не были мистиками, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, а *притворявшіеся такими, пользы ради*. Молодые адъюнкты и кандидаты университета—Байковъ, Дудровичъ, Артемовскій Гулакъ и многіе другіе участвовали на этихъ собраніяхъ тѣмъ или инымъ образомъ. Напримѣръ, Артемовскій Гулакъ переведеть главу изъ пророка Исаи и прочтеть ее въ собраніи громогласно, съ выраженіемъ. Посѣщая иногда лекціи профессоровъ, Карнѣевъ, по поводу читаннаго ими, дѣлалъ замѣчанія въ своемъ вкусѣ: такъ, напримѣръ, профессору физики Комлишинскому онъ замѣтилъ, что молнія падаетъ, имѣя на своемъ концѣ треугольникъ, который изображаетъ собою святую троицу, и т. п. Захаръ Яковлевичъ былъ очень старъ и слабъ и былъ въ сущности добрый человекъ, но имъ руководили пронырливые люди и особенно секретарь его (старшій письмоводитель) Я. Подвысоцкій, который его именемъ и распоряжался, какъ хотѣлъ, учебнымъ округомъ. Самъ Карнѣевъ жилъ часто въ деревнѣ (сельцѣ Захарьевскомъ)¹⁾. О такомъ довѣріи къ Подвысоцкому свидѣтельствовалъ, какъ мы видѣли, самъ Карнѣевъ въ своемъ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія; изъ него видно также, что онъ былъ мистикомъ или поддѣлывался подъ мистицизмъ своего патрона.

Столь ясно выраженная воля министерства относительно насажденія христіанскаго благочестія въ университетѣ вызвала, какъ того слѣдовало и ожидать, сочувственныя заявленія (на сколько они были искренни судить не беремъ) со стороны совѣта. Послѣ прочтенія приведеннаго выше обращенія попечителя, совѣтъ постановилъ приобрѣсти нѣсколько экземпляровъ библіи на разныхъ языкахъ для казенныхъ питомцевъ. Попечитель рекомендовалъ особенному вниманію совѣта два сочиненія Дютуа—*Божественная и христіанская философія*. „Дютуа—мистикъ французско-реформатской церкви въ кантонѣ Ваадтъ, гдѣ родился

¹⁾ Чириковъ. Т. О. Осиповскій (Рус. стар. 1876, ноябрь, стр. 477—489).

въ 1721 году, учился теологiи въ Лозанской академіи, откуда вышелъ кандидатомъ въ 1747 г., но воздержался отъ всякой общественной должности и въ 1759 году оставилъ духовное званіе. Руководимый сочиненіями мистической проповѣдницы, мадамъ Гюйонъ (умерла въ 1717 году), онъ образовалъ свою мистическую систему. Онъ нашелъ себѣ многихъ послѣдователей, которыхъ привлекалъ своею искреннею набожностью. Умеръ въ 1793 г. Главное его сочиненіе, появившееся въ первый разъ въ 1790 году, перепечатано въ 1793 году подъ названіемъ „Philosophie divine, appliquée aux lumières naturelles, magiques, astrales, surnaturelles par Keleph ben Nathan“ 3 тома. Другое его сочиненіе, также бывшее въ большомъ ходу— „Philosophie chretienne“. 1800 г. 4 тома (собраніе проповѣдей, частію опубликованныхъ еще въ 1764 г.). Предиринятый д. ст. сов. Е. В. Кари́евымъ (племянникомъ Захарія Яковлевича и будущимъ его преемникомъ) и доведенный до 4-й части русскій переводъ первой книги напечатанъ въ Москвѣ, въ 1818 году подъ заглавіемъ „Божественная философія“. Н. М. Карамзинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ И. И. Дмитріеву саркастически говоритъ по поводу успѣха этой книги: многіе сердятся и предсказываютъ бѣды нашему просвѣщенію; а я даже и не смѣюсь. Все идетъ своимъ порядкомъ. СПБ. 28 февраля 1819 г.“. „Въ засѣданіи совѣта Харьковскаго университета 10-го марта 1820 года профессоръ Делявинъ предложилъ пріобрѣсти два или три экземпляра сочиненія Дютуа „Божественная философія“ на французскомъ языкѣ, для того чтобы это сочиненіе могли читать и профессора, незнающіе по русски, что и было принято совѣтомъ“ ¹⁾.

Что же изъ себя представляла эта книга? Дѣйствительно ли она была такъ полезна въ религіозно-нравственномъ отношеніи? Въмѣсто собственнаго отвѣта на этотъ вопросъ, приведемъ отзывъ о ней строжайшаго ревнителя православія министра народнаго просвѣщенія Шишкова, который читалъ о ней Императору Александру I въ 1824 г. слѣдующую докладную записку. „Въ книгѣ, названной Божественною философіею (напечатана въ Москвѣ, въ университетской типографіи въ 1818 году) въ предисловіи говорится о какомъ то *мученикѣ духа святаго*. Можетъ ли быть что безбожнѣе и злочестивѣе сего выраженія? *Мученикѣ духа святаго!* Обыкновенно о человѣкѣ, одержимомъ бѣшенствомъ или какими либо иными зловредными страстями, говорится: *дьяволъ мучитъ его*; но чтобы *Духъ святой* могъ кого *мучить*, такой злочестивой мысли никому въ голову не входило. Мученикъ сей,

¹⁾ Руск. старина, 1876 года, ноябрь, стр. 477—478.

продолжаетъ переводчикъ, сначала осыпанъ благодатію (выраженіе не менѣе странное), а потомъ благодать отъ него сокрылась, и онъ въ отчаяніи схватилъ бритву и хотѣлъ себя зарѣзать, но какой то гласъ остановилъ его: тогда озарился онъ свѣтомъ, и свѣтъ сей былъ такъ силенъ, что онъ для разгнанія его нерѣдко долженъ былъ мѣшать карты (стр. 7). Вопросается: приличенъ ли такой низкій, пустой безумный рассказъ книгѣ, называемой *Божественною философіею*? Неизвѣстный переводчикъ о неизвѣстномъ сочинителѣ сей философіи говорить,—ибо, не взирая на всю свою наглость, сочинители и переводчики стыдились при таковыхъ книгахъ ставить свои имена, что онъ *два года провелъ на крестѣ въ ужасныхъ мученіяхъ, среди которыхъ писалъ сію книгу* (какъ провелъ на крестѣ? Неужли распять былъ и вися на немъ писалъ? Какія чудеса! Нѣтъ, господинъ лгунъ, мученіе на крестѣ, какое претерпѣлъ Спаситель нашъ, не могло и нѣсколько часовъ продолжаться: стало быть, твое двухлѣтнее, среди котораго ты могъ писать, было не такое!), что онъ и умеръ на крестѣ, сказавъ своимъ друзьямъ: *я имѣлъ нѣкоторое удовольствіе пить шоколадъ, за то я умру задоснувшись* (стр. 10). Можно ли, не насмѣхаясь надъ читателями, начинать какую нибудь книгу такою гилью: два года провелъ на крестѣ въ ужасныхъ мученіяхъ, пилъ шоколадъ, сочинялъ и передъ смертію сказалъ своимъ друзьямъ какой то глупый каламбуръ? И это—боговдохновенный человѣкъ, избранный Богомъ возвыщать его премудрость! И это переводится на русскій языкъ и печатается въ университетской типографіи! Послѣ сего помѣщенія еще третій подобный же рассказъ о нѣкоторой знатной особѣ изъ нашихъ соотечественницъ, которая умерла въ Лозаннѣ, что тѣло ея, прежде нежели землѣ было предано, вынесено было въ церковь... (Вотъ какую новость сказалъ. Да ктожь не знаетъ этого, что мертвыхъ никогда послѣ преданія землѣ не выносятъ въ церковь?). Тутъ какой то *Дютуа* (это самъ авторъ) *взянулъ на ея мертвое тѣло и возрыдалъ о томъ состояніи, въ какомъ находилась душа, отъ него отлучившаяся* (стр. 12). Да почему онъ узналъ о состояніи ея души? Развѣ потому, что покойница вмѣстѣ съ нимъ грѣшила? Но посмотримъ еще далѣе, чѣмъ это кончилось: онъ *взялъ на себя ея грѣхи*; Богъ три дня его мучилъ *неизобразимымъ страданіемъ* и потомъ удостоилъ его, что душа покойницы *вкусилъ райскія сладости* (тамъ же). Можно ли что нибудь придумать богохульнѣе нелѣпнѣе сего? Но перейдемъ отъ безумія къ совершенному безвѣрію и развращенію всякой нравственности. Сочинитель подъ видомъ возстанія противъ ересей и ложной философіи, выдаетъ собственную свою философію, безбожную, всякихъ ересей и

безвѣрія несравненно злѣйшую. Онъ говоритъ: „*заблужденіе пріемлетъ за вѣру, за сей даръ единаго Бога и Духа Ею (слѣдовательно, отвергаетъ Троицу), простое убѣжденіе въ евангеліи, мало полезное, не сильное исправлять страсти и которое есть токмо плодъ разума, никогда никого христіаниномъ не дѣлавшаго*“ (стр. 19). Вотъ ученіе нынѣшнихъ толкователей о вѣрѣ! У нихъ евангеліе не есть откровеніе, не есть Божественное зеркало чистѣйшаго правоученія, но только простое убѣжденіе! И какое еще? *Мало полезное, не сильное исправлять страсти!* По мнѣнію ихъ, оно есть *токмо плодъ разума, никогда никого христіаниномъ не дѣлавшаго!* Да заградятся уста ваши, злочестивые богоотступники. Если евангеліе не дѣлаетъ человѣка христіаниномъ, то какое жъ существо разумѣете вы подъ именемъ христіанина? Безъ сомнѣнія злоправное, лютное, адское; ибо если мы представимъ себѣ кого нибудь напитаннаго правилами, противными евангельскимъ ученіямъ, то едвали и въ самомъ діаволѣ можемъ найти больше пороковъ. Изъ сихъ краткихъ выписокъ можно уже почувствовать, какими мыслями наполнена книга сія, отвергающая и вѣру, и евангеліе, слѣдовательно, уничтожающая всякое правительство и законы, и при всемъ томъ называющая себя божественною, по одной только той весьма простой хитрости, чтобъ безвѣріе и самые гнуснѣйшіе пороки предлагать подъ именами вѣры и добродѣтелей. Сколько таковыхъ книгъ переведено, напечатано и распущено! Если бы извлечь изъ нихъ все въ разныхъ видахъ и смыслахъ разсѣянные лжеученія и привести ихъ въ совокупность, то какой пагубный ядъ, миссіонерами, сектами и разными средствами распространяемый, открылся бы въ нихъ! Надлежитъ отдать справедливость русскіи народу въ твердой вѣрности Богу и Государю, когда столько внущенныхъ иностранцами козней—соблазновъ не могли (о, дай, Боже, да и не возмогутъ!) его поколебать“ ¹⁾. Такъ смотрѣлъ новый глава министерства народнаго просвѣщенія на книгу, которая издана была при его предшественникѣ князѣ А. Н. Голицынѣ, всячески пропагандировалось его довѣреннѣйшимъ лицомъ, поечителемъ Харьковскаго учебнаго округа З. Я. Каріѣвымъ, и была переведена на русскій языкъ племянникомъ послѣдняго, Егоромъ Васильевичемъ Каріѣвымъ, занимавшимъ въ то время постъ поечителя въ Харьковѣ. Конечно, отзывъ Шишкова слишкомъ рѣзокъ и носитъ на себѣ печать того непосредственнаго фанатизма, которымъ проникнуты его заключенія и о другихъ аналогич-

¹⁾ Записки, мнѣнія и переписка адм. А. С. Шишкова, изд. Киселева и Самарина, т. 2-й, Berlin, 1870, стр. 217—220.

ныхъ сочиненіяхъ и какого не избѣжали даже такіа вполне благонамѣренныя изданія какъ филаретовскій краткій катехизисъ. Но каково же было положеніе мѣстнаго университетскаго начальства и профессоровъ, которымъ эта книга рекомендовалась первоначально чуть ли не въ качествѣ евангелія, а 5 лѣтъ спустя выставялась въ докладѣ министра государю сочиненіемъ еретическимъ и потрясающимъ основы государства! Затѣмъ слѣдуетъ сознаться, что приводимые Шишковымъ странныя, курьезныя мѣста изъ „Божественной философіи“ въ ней дѣйствительно находятся. Я имѣлъ въ рукахъ это сочиненіе (оно поступило въ числѣ книгъ, пожертвованныхъ въ бібліотеку Харьковскаго университета Джунковскимъ)—и, ознакомившись съ нимъ, пришелъ къ убѣжденію, что оно проникнуто въ сильнѣйшей степени мистическимъ характеромъ, а основная идея его вполне соответствовала духу своего времени. Любопытно бросившееся мнѣ въ глаза сходство философскихъ основъ этого сочиненія съ ученіемъ нашего мѣстнаго украинскаго философа Г. С. Сковороды: и у Дютуа, и у Г. С. Сковороды въ основу всего положены три міра—большой или вселенная, малый или чело-вѣкъ и символическій или біблія. Могу прибавить къ этому, что ученикъ и біографъ Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскій былъ знакомъ съ 1-мъ изданіемъ этого сочиненія Дютуа и ссылается на него въ жизнеописаніи Сковороды ¹⁾. Интересно было бы сопоставить трудъ Дютуа, изданный впервые въ 1790 г., съ сочиненіями Г. С. Сковороды, написанными раньше его. Главнѣйшею цѣлью своего сочиненія Дютуа ставитъ показать недостаточность и несостоятельность разума и основанной на немъ зловредной философіи—необходимо, чтобы надъ нимъ воцарилась вѣра, являющаяся единственнымъ надежнымъ проводникомъ христіанскаго философа къ Богу, „въ коего все нравственныя существа должны втекать и въ немъ теряться“. вмѣстѣ съ симъ авторъ хочетъ разсѣять и ложное школьное богословіе и создать религіозность, основанную не только на доводахъ разсудка, но и на влеченіи сердца, на любви. Любопытно враждебное отношеніе къ этой книгѣ—владѣльца того экземпляра ея, которымъ я пользовался въ университетской бібліотекѣ—С. Джунковскаго. Этотъ Джунковскій былъ директоромъ хозяйственнаго департамента, получилъ настоящій экземпляръ отъ переводчика Егора Васильевича Карнѣева и сдѣлалъ на немъ цѣлый рядъ помѣтокъ чернилами. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. „Я не могу содержанія всей сей книги, ложно названной Божественною философіею, представить въ сильнѣйшемъ и точнѣйшемъ смыслѣ, какъ ска-

¹⁾ См. изданія мною „Сочиненія Г. С. Сковороды“, стр. 20.

зять, что она есть только многословное распространіе известной рѣчи первоначальнаго змія къ женѣ: „вы не умрете отъ яденія плода сего древа: ибо знаетъ Богъ, что въ тотъ день, когда вы поѣдите оное, откроются ваши глаза и вы будете какъ Богъ, зная доброе и худое“. Бытія гл. 3-я, ст. 4 и 5. Отмѣченныи Шишковымъ во введеніи мѣста (напримѣръ, о 3-хъ-дневномъ страданіи въ болѣзняхъ адовыхъ изъ за русской, умершей въ грѣхахъ) онъ называетъ богохульствомъ. По поводу подробнаго разсказа Дютуа о возмущеніи луцифера противъ Бога Джунковскій замѣчаетъ: сказка, выдуманная мистиками, древними и новыми; все—вздоръ; толкуеть самъ свои выдумки. У Дютуа сказано: „ежели бы человекъ не палъ, то Слово вселилось бы въ него и въ его потомство, соединилось бы съ нимъ для того, чтобы его облагородить, возвысить, обоготворить невинную его натуру, чтобы, говоря, возвысить его до обоготворенія и до славы прототипа или образу человека, изображеннаго въ человекѣ—Богѣ или въ небесномъ Адамѣ“; Джунковскій по этому поводу замѣчаетъ—„это все мечта“. По поводу мистическихъ разсужденій Дютуа о поврежденіи природы Адамовой, Джунковскій пишетъ: „гдѣ это все ты взялъ?—Въ своей головѣ!“ Дютуа говоритъ, что могъ бы привести тексты изъ священнаго писанія въ доказательство своей мысли о свободѣ, въ которую впалъ Адамъ послѣ грѣхопаденія—а Джунковскій замѣчаетъ: „не правда; ни одного текста яснаго и къ дѣлу не найдешь“. По поводу темныхъ разсужденій Дютуа о разумѣ и звѣздномъ духѣ Джунковскій пишетъ: не только трудно (различать эти тонкости), но было бы глупо о семъ заботиться; неправда: сказки не доказываются; вздоръ; ключъ сей не открываетъ никакихъ глупостей сумашедшихъ и обманщиковъ; не глубокіе философы (открываютъ этотъ звѣздный духъ), а портной Бемъ (известный мистикъ) съ товарищи; въ 1-й главѣ бытія нѣтъ слова еврейскаго Іегова—сочинитель солгалъ. По поводу раздѣленія магіи на 5 видовъ Джунковскій замѣчаетъ—ложь или сумашествіе; о Боже мой, какая ложь! Дютуа выразился, что ему нѣчто „было явлено“; Джунковскій прибавляетъ—„вотъ и пророкъ!“ По поводу разсужденія Дютуа о безсмертіи Джунковскій говоритъ: сочинитель только что не хочетъ сказать, что нѣтъ безсмертія, что все есть вздоръ; о горе! о бездѣлничестве! Дютуа хочетъ наложить узду на разумъ; Джунковскій по этому поводу говоритъ: „сіи замѣчанія глупы, ибо безъ разума нашего понять и знать не можно и вѣры“. Дютуа пишетъ, что пужно воздерживаться отъ ученія мерзостей, нынѣ печатаемыхъ; Джунковскій прибавляетъ—„и отъ сей“... Далѣе Джунковскій упрекаетъ Дютуа въ позаимствованія у Свенденборга, обвиняетъ въ атеизмѣ и т. д.

Весьма отрицательно отнесся къ этому сочиненію и В. Н. Карзининъ. Онъ хотѣлъ даже, при посредствѣ министра внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубея, обратить на нее вниманіе государя, какъ на вредное и прискорбное явленіе въ тогдашней литературѣ, не зная того, что она, по признанію кн. А. Н. Голицына, была издава на средства самого Имп. Александра ¹⁾. „Исполняя волю вашего сіятельства, писалъ Василій Назарьевичъ В. П. Кочубею, я вчера хотѣлъ имѣть честь лично вручить предложеніе г-на Карибѣва, къ коему я пріобщилъ и выписку изъ рекомендуемой имъ всѣмъ воспитанникамъ училищъ и вообще всѣмъ упражняющимся въ просвѣщеніи себя и другихъ книги *философіи Божественной*. А такъ какъ, пробѣгая мою записку, ваше сіятельство, можетъ статься, не провѣрили бы строгой сообразности ея съ книгою, то я приносилъ и сію послѣднюю *печатную*, въ подлинникѣ. Выписки сдѣлалъ я не болѣе одного листа умышленно, дабы не отяготить васъ. Но уже сей листъ, сдѣлайте милость, прочтите! Я взялъ только изъ первыхъ двухъ частей, которыя однѣ читалъ я *мѣстами*, ибо на прочтеніе всѣхъ шести потребно желѣзное терпѣніе. Неудобно ли взглянуть еще на двѣ прилагаемыя картинки, заимствованныя изъ другой подобной книжки, также рекомендуемой попечителемъ, подъ заглавіемъ: *Зеркало внутренняго человека*, напечатанной здѣсь, въ С.-Петербургѣ, въ прошедшемъ году.

Словомъ, мы переселяемся добровольно и *всеми силами* въ вѣка самого мрачнаго суевѣрія и невѣжества. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ это *все* не можетъ имѣть другого дѣйствія, какъ сдѣлать религію и правительство смѣшными, умножить вольнодумцевъ и развратныхъ людей. Ради Бога войдите въ это!... Если иначе нельзя обратить на столь важный предметъ вниманіе государя, конечно, самого благомыслящаго, самого усерднаго любителя отечества и общаго добра, то *не пожалейте меня*: представьте мои бумаги, сказавъ только, что онѣ къ вамъ доставлены вслѣдствіе разговоровъ въ разное время, которыхъ вы меня удостоили. Прибавьте къ этому слова два, которыя бы показали Его Величеству, что вы меня дурымъ человѣкомъ не разумѣете, хотя нѣ-

¹⁾ Въ своемъ представленіи о книгѣ Станевича „Бесѣды надъ гробомъ младенца о безсмертіи души“, нападавшей на мистиковъ, кн. А. Н. Голицинъ писалъ: „авторъ опорочиваетъ такіа книги, кои гражданская цензура пропустила, какъ, на примѣръ, сочиненія Дютуа и именно *Христіанскую философію* и опасается, чтобы и *Божественная философія* не вышла, которая однако уже выходитъ на русскомъ языкѣ и *напечатана изданіемъ Его Величества*“. См. Лашенка. Е. П. Станевичъ. (Сбор. Харьк. ист. фил. общ., т. 9-й, стр. 75).

когда могли почитать легкомысленнымъ, пылкимъ. За благодаренія и гнѣвъ я иначе не умѣю и никогда не умѣлъ платить ему, къ которому (со слезами пишу это, графъ!) я душевно привязанъ, какъ жертвуя собою для общаго добра *совершенно*, безъ всякихъ оглядокъ. Простите!... Затѣмъ В. Н. Каразинъ приводитъ нѣсколько выписокъ изъ *Божественной философіи* Дютуа. „Разумъ есть добрый смыслъ чело-вѣка: онъ есть приливъ обыкновенныхъ мыслей въ слѣдствіе того, что передали ему чувства, воспламенившія, возбуждшія, приведшія въ движеніе внутреннюю его плодотворность въ отношеніе къ тому, что они ему передали; сія же внутренняя плодотворность есть звѣздная, есть звѣздный духъ или воспламенение его, то есть свѣтъ, подобный свѣту, освѣщающему звѣзды и дѣлающему ихъ свѣтлыми, свѣтъ, освѣщающій тончайшую точку ума“... Послѣ сего, кто не согласится, что такое изложеніе, *соразмѣрное понятію учащихся и учащихъ*, должно замѣнить обыкновенную философію, которою г. попечитель желалъ вовсе уничтожить, называя ее ложною и недостаточною?... Далѣе на стран. 120-й: „и такъ есть магія божественная, магія ангельская, чистая безъ примѣси магія естественная, магія плотская, и магія единственно дѣвольская; но во второй и въ послѣдней, а равно и въ естественной и плотской магіи, могутъ быть смѣшенія“. Тоже перваго тома во второй книгѣ, въ главѣ 4-й, на стр. 192-й, говоря о истинной нравственности, прибавляетъ: „христіанину потребно нѣчто совсѣмъ другое, нежели сія низшая нравственность, потребно таинство Іисуса Христа и сила Его, въ Немъ пресуществившаяся, потребенъ Духъ Его, который бы изможилъ, распялъ ветхаго чело-вѣка и на развалинахъ его поставилъ бы чело-вѣка новаго, какъ то въ послѣдствіи видно будетъ. Къ достиженію сего что могутъ разсужденія логики, измѣренія математическія или астрономическіе телескопы?...“ Авторъ въ трехъ главахъ говоритъ о злоупотребленіяхъ или опасностяхъ, отъ наукъ происходящихъ. Тѣмъ неменѣе, далѣе, въ главѣ пятой, покушается изъяснить, какъ дѣлаются чудеса по крайней мѣрѣ нынѣшнія (о которыхъ мы не знаемъ) помощію наукъ. Подобное безуміе или лучше сказать бредъ наполняетъ всю книгу, назначенную *преимущественно и предпочтительно* для наставленія юношества (?) ¹⁾.

Даже самъ издатель „Сіонскаго Вѣстника“ мистикъ Лабзинъ не одобрялъ книги Дютуа. Въ письмѣ къ своему пріятелю З. Я. Карѣеву,

¹⁾ Лашенка. Циркуляръ поп. З. Я. Карѣева и письмо В. Н. Каразина. (Сбор. Харь. Ист. Фил. Общ., т. 8-й, стр. 34—37).

онъ писалъ: „я давно во многомъ былъ несогласенъ съ мнѣніями автора de la philosophie divine, такъ же какъ не согласенъ и на титулъ сей книги, данный ей приверженцами автора, когда она не заслуживаетъ иного, какъ прежде даннаго ей самимъ Du Toit: de l'origine, de l'usage et des abus de la foi et de la raison, ибо въ сей книгѣ нѣтъ ничего божественнаго, какъ, напримѣръ, въ Божественной метафизикѣ Пордера, а все извлечено изъ его foi et raison. Но нынѣ, имѣвъ случай самъ видѣть дѣйствіе такъ называемаго magnetisme animal, занявшись чтеніемъ изданныхъ въ разныхъ мѣстахъ описаній о семь pro и contra, кромѣ улыки автора въ невѣжествѣ, я удивляюсь дерзости его, какъ онъ смѣлъ вещь почти святую назвать du domaine du diable! ¹⁾).

Въ заключеніе нельзя не сознаться, что „Божественная философія“ Дютуа уже по одному темному изложенію и мистическимъ толкованіямъ священнаго писанія не заслуживала той рекомендаціи, какую давалъ ей З. Я. Карнѣвъ. И невольно вспоминается, что выдающаяся по своимъ мыслямъ и ясному изложенію христіанская философія Шада, пытавшаяся примирить разумъ съ вѣрой, встрѣтила осужденіе со стороны того же самаго министра духовныхъ дѣлъ, который покровительствовалъ такимъ авторамъ, какъ Дютуа или какъ его вдохновительница г-жа Гюйонъ. З. Я. Карнѣвъ черпалъ свое вдохновеніе отъ кн. А. Н. Голицына, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ ихъ интимная, дружеская переписка. Въ 1821 году З. Я. Карнѣвъ получилъ отъ кн. А. Н. Голицына письмо, служившее отвѣтомъ на его просьбы объ отставкѣ въ близкомъ будущемъ и о назначеніи преемникомъ его племянника Егора Васильевича Карнѣва. „Вы жалуетесь на 74 года и что иногда чувствуете слабость, но надѣйтесь съ помощію Господа послужить, сколько вамъ возможно будетъ. Я же намѣреніе ваше доводилъ до свѣдѣнія Государя Императора и Его Величество мнѣ сказалъ, что, бывъ доволенъ вашею службою, онъ желаетъ, чтобъ вы остались столь долго, сколько ваши силы вамъ позволяютъ, послѣ вы можете ко мнѣ отнестись. А выборъ вашъ совершенно согласенъ съ моимъ желаніемъ: Егоръ Васильевичъ идетъ мнѣ къ сердцу; онъ христіанинъ, и вотъ что я первое ищу въ моихъ сотрудникахъ. Вѣ познанія и таланты безъ основанія *настоящаго, которое есть Христосъ*, для меня ничтожны. Въ нынѣшнія времена, гдѣ сраженіе тьмы со свѣтомъ удивительно какъ становится явное, безъ сего основанія и путеводаителя пронасть можно всякую минуту. Сатана старѣется и чувствуетъ приближеніе

¹⁾ Рус. архивъ 1892 г. № 12, стр. 358.

кончины своего царствованія на земли, то и употребляет послѣднія усилія хитрѣйшія и покрывается даже личиною религіозною наружною, но воюетъ на внутренній ходъ. Книги выходятъ въ нѣмецкой землѣ, которая пасторами протестантскими совѣтуются для чтенія и гдѣ разсѣяно ученіе противъ божественности Спасителя, сомнѣніе на его смерть, воскресеніе и пр. и всѣ сіи черты разбросаны иногда въ 8 томахъ, такъ что одна опытность въ священномъ писаніи можетъ открыть глаза. Въ Петербургскомъ университетѣ Руничъ открылъ ученіе также пагубное. Я ему поручилъ исправленіе должности попечителя по выбытіи Уварова, и не успѣлъ онъ войти, какъ замѣтилъ въ урокахъ нѣкоторыхъ профессоровъ ученіе, вредное противъ религіи и правленія; напримѣръ, въ историческомъ классѣ преподавали материализмъ и частію атеизмъ, опроверженіе достовѣрности священнаго писанія и свою систему творенія міра безъ Бога. Въ статистикѣ российской—ученіе, потрясающее христіанство и наполненное вольнодумствомъ. Руничъ отобралъ тетради у учениковъ и отъ нѣкоторыхъ профессорскія, представилъ мнѣ и, по разсмотрѣніи ихъ въ главномъ правленіи училищъ, я нашелъ нужнымъ призвать сихъ профессоровъ въ полное собраніе университета, гдѣ возьмутъ съ нихъ отвѣты и представить ко мнѣ для внесенія въ главное правленіе училищъ для дальнѣйшаго заключенія, что съ ними дѣлать. Я вамъ признаюсь, что я, при слушаніи вышенисанныхъ тетрадей истинно страдалъ, слышавъ такое богохульство и что сіе ученіе свободно продолжалось столько времени. Надобно будетъ обратить вниманіе, что теперь и дѣлается, на учебныя книги, также на конспекты профессоровъ. Во Франціи нынѣ столько стали за симъ смотрѣть, что курсъ нравственной философіи приостановленъ до сочиненія классической книги. Господь началъ обличать науки, потому что онѣ вмѣсто употребленія себя на славу Божию и пользу народовъ ищутъ вознести разумъ выше Бога и тѣмъ губятъ души. Обличеніе таковое есть судъ и оно должно распространиться и на другіе предметы, чтобъ все очистить и приготовить къ царствію Господа. Станемъ просить у Спасителя нашего силъ исполнить его святую волю и сражаться со всѣми его врагами, внутри насъ и внѣ находящимися, да все покорится ему и послужитъ подножіемъ его: тогда обновится все и старцевъ жизнь продолжится: Господу все возможно. Радуюсь, что вы видите плоды трудовъ вашихъ по университету въ отношеніи къ христіанству; имѣя ректора и двухъ профессоровъ въ семъ духѣ, уже можете благодарить Господа, что гнѣздо начинается; даже примѣтна по занятіямъ университетскимъ, присылаемымъ въ департаментъ, разница съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшній рек-

торъ вступилъ. За симъ поручая себя молитвамъ вашимъ, пребуду навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностью вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ. СПБ. 9-го ноября 1821 года¹⁾. И такъ, самъ попечитель, очевидно, сообщилъ министру, что, благодаря его дѣятельности, образовалась среди профессоровъ сочувствующая его направленію группа *изъ трехъ членовъ*, въ числѣ коихъ былъ и новый ректоръ, поставленный на мѣсто низвергнутаго Осиповскаго В. Джунковскій; кто были другіе два профессора, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно; можно только догадываться, что въ числѣ ихъ былъ благонамѣренный преемникъ Шада по кафедрѣ философіи Дудровичъ, принимавшій вмѣстѣ съ Джунковскимъ видное участіе въ организаціи библейскаго сотоварищества среди студентовъ. Другимъ членомъ этого „тройственного союза“ могъ быть Пауловичъ. Во всякомъ случаѣ изъ этого видно, что среди профессоровъ университета особеннаго успѣха проповѣдь З. Я. Каріѣва не имѣла. Да и съ *качественной* стороны Джунковскій и Дудровичъ не были цѣннымъ приобрѣтеніемъ: первый примкнулъ къ новому направленію не безъ вліянія соображеній служебнаго характера, рассчитывая такимъ образомъ добиться ректорской должности, но и ректоромъ онъ оказался очень неважнымъ, какъ это выяснилось впоследствии и какъ это по-видимому чувствовалъ самъ попечитель²⁾; второй, очевидно, былъ запуганъ судьбою его учителя Шада и вообще тяжелымъ положеніемъ, въ которое былъ поставленъ его предметъ (философія); да и о характерѣ его собственныхъ философскихъ воззрѣній собирались министерствомъ справки; къ этому присоединилось строгое замѣчаніе, сдѣланное министромъ по поводу философской статьи студента Склабовскаго, помѣщенной въ Харьковскомъ студенческомъ сборникѣ: она, какъ мы знаемъ, найдена была несоотвѣтствующей духу истинно христіанскаго образованія; и учитель—Дудровичъ, и его ученикъ—Склабовскій рѣшили для поправленія своей пошатнувшейся репутаціи зарекомендовать себя энергическою дѣятельностью въ новомъ истинно христіанскомъ направленіи, настойчиво проводимомъ министромъ и попечителемъ. Наиболѣе виднымъ проявленіемъ этой дѣятельности съ ихъ стороны явилась организація студенческаго сотоварищества библейскаго общества.

¹⁾ Русск. Архивъ 1893 г. № 5, стр. 131—132.

²⁾ Въ этомъ можно убѣдиться изъ письма его къ министру, гдѣ онъ говоритъ, что хозяйственная и правительственная часть въ университетѣ была сильно запущена; письмо это приведено ниже.

Еще проживая въ Петербургѣ и состоя вице-президентомъ библейскаго общества, З. Я. Карпѣвъ заботился объ открытіи въ Харьковѣ отдѣленія общества. Въ 1815 году Харьковскій губернаторъ Василій Муратовъ получилъ отъ него циркуляръ, въ которомъ заключался призывъ къ пожертвованіямъ и открытію отдѣленія общества въ Харьковѣ ¹⁾. Получивъ этотъ циркуляръ, губернаторъ съ своей стороны

¹⁾ Вотъ подлинный текстъ этого любознательнаго документа. „Признательность къ мѣсту нашего рожденія и къ сословію, гдѣ при воспитаніи въ юности посѣяны въ умъ и сердце добрыя сѣмена вѣры и добродѣтели, обязываетъ насъ на весь вѣкъ наживнѣйшими къ нему чувствованіями благодарности и требуетъ, дабы, по мѣрѣ преуспѣянія нашего въ теченіе жизни въ сихъ главныхъ основаніяхъ благоденствія человѣческаго, безпрестанно обращали все вниманіе на свою отчизну и на мѣсто перваго нашего воспитанія, къ дальнѣйшему просвѣщенію въ истинѣ ближнихъ нашихъ и къ доставленію имъ вѣрныхъ средствъ дѣлаться не на время токмо, но и на вѣчность благополучными. Сей предметъ, магнетически привлекая меня всегда къ Слободско-Украинской губерніи, гдѣ я родился, и къ городу Харькову, гдѣ первое получилъ воспитаніе въ вѣрѣ Христіанской, до нынѣ не представлялъ мнѣ столь вѣрнаго средства быть полезнымъ моимъ соотчичамъ, какъ теперь по вступленіи въ члены русскаго библейскаго общества и по избраніи онымъ меня въ вице-президенты. Милостивый государь мой! Вамъ, какъ начальнику губерніи, и, сколько я имѣлъ честь васъ знать, сердечно приверженному къ вѣрѣ, безъ сомнѣнія извѣстны и цѣли русскаго библейскаго общества, какими старается оно достигатьъ къ распространенію слова Божія не токмо между вѣрующими во Іисуса, но и между всѣми племенами и языками, дабы чрезъ безмолвное вниманіе сему вѣщанію Божественнаго гласа собрать всѣхъ во едино стадо подъ руководство единого пастыря Іисуса; къ благотѣльному и, можно сказать, Апостольскому сему званію приглашаетъ оно всѣхъ и каждаго изъ вѣрующихъ, дабы каждаго временный талантъ обратить на преображеніе вѣчнаго плодотворія. Симъ движимъ будучи и я къ истинной пользѣ и безсмертной славѣ моихъ соотчичей, препровождаю при семъ отчетъ русскаго библейскаго общества за 1813 годъ, нѣсколько книжекъ объ успѣхахъ и цѣли оного, и исторіи Великобританскаго и иностраннаго библейскаго общества, покорнѣйше прося ваше превосходительство сообщить оныя дворянскому и прочимъ сословіямъ, для прочтенія и открытія въ оныхъ существенной пользы распространенія слова Божія, которое въ короткое время какіе удивительные успѣхи произвело во всѣхъ частяхъ обитаемаго міра, сего безъ сердечнаго почувствованія и благоговѣйнаго прославленія промысла Божія о насъ ни одинъ вѣрующій читать не можетъ.—Какія же легкія къ сему средства употребляются, въ томъ каждый и самоблѣднѣйшій по имуществу человѣкъ, но въ вѣрѣ Іисуса богатый участвовать можетъ. Если вы, милостивый государь мой, войдя въ разсмотрѣніе сего богоугоднаго и для рода человѣческаго наиболѣзньшаго дѣла, откроете сколько чрезъ распространеніе прилагаемыхъ книжекъ, столько и чрезъ сношеніе съ благонамѣренными и вѣрѣ христіанской преданными людьми, каковыми губерніа, вамъ избранная, изобилуетъ, откроете, говорю, много охотниковъ, то смѣю просить о заведеніи отдѣленія библейскаго соговарищества или общества, и приуготовясь къ оному отнестись во мнѣ; тогда, по представленію моему, комитетъ русскаго библейскаго общества не оставитъ васъ снабдить всѣми нужными прави-

пригласилъ къ содѣйствию въ образованіи харьковскаго отдѣленія ректора университета Т. Ѳ. Осиповскаго. Вступилъ ли Осиповскій и другіе профессора университета въ члены отдѣленія, изъ дѣла не видно ¹⁾). Во всякомъ случаѣ это послѣднее образовалось, а затѣмъ, когда попечителемъ сдѣлался З. Я. Карнѣевъ, образовалось библейское сотоварищество изъ студентовъ университета ²⁾). Творцами его были про-

лами и другими пособиями; что и весьма желательно бы было, дабы не отстать отъ другихъ губерній и открыть благорасположеніе слободско-украинскаго дворянства и всѣхъ сословій готовность на обнаруженіе тѣхъ чувствованій христіанской религій, которыми всегда они въ сердцахъ своемъ горятъ къ Богу.—Къ сему сообществу и нужно, и должно приглашать людей всякаго состоянія, духовныхъ и свѣтскихъ, ибо въра во Іисуса есть всѣмъ общая и слово Божіе есть для всѣхъ единственная духовная пища, безъ вкушенія которой никто не можетъ наслаждаться жизнію вѣчною. Пока же приуготовитесь, милостивый государь мой, къ сему важному, истинно славному и богоугодному дѣлу, а между тѣмъ откроются охотники ко вступленію въ члены русскаго библейскаго общества и обяжутся ко взносу ежегодному каждый отъ своихъ избытковъ, то покорнѣйше прошу имена ихъ сообщить и деньги собранныя препроводить ко мнѣ; я же, взнеся оныя въ общую казну, не умею доставить вамъ квитанціи о полученіи денегъ, равно увѣдомлю и о полученіи и отдачѣ въ общую казну и единовременныхъ взносовъ, когда оныя случатся. Впрочемъ доколѣ въ одномъ или другомъ получите ваше превосходительство успѣхъ, соотвѣтственный не усильному вашему попеченію, усерднѣйше прошу продолжать по сей матеріи со мною переписку по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть милостивый государь мой вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.—Подлинное подписалъ: Захаръ Карнѣевъ³⁾. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1815 г. № 18).

¹⁾ Ibidem; вотъ текстъ 2-го письма: „я уже имѣлъ честь отнестись къ вамъ съ приглашеніемъ ко вступленію въ члены русскаго библейскаго общества и къ пожертвованію въ пользу оного, а какъ теперь получилъ я разрѣшеніе и правила для учрежденія въ Харьковѣ отдѣленія сего общества, то будучи увѣренъ, милостивый государь мой, что вы не откажетесь принять ревностнаго участія въ семъ богоугодномъ и общепольномъ дѣлѣ, препровождаю при семъ для сообщенія господамъ иностраннымъ профессорамъ и другимъ чиновникамъ Императорскаго Харьковскаго университета изъ числа присланныхъ ко мнѣ отъ комитета русскаго библейскаго общества книжечку на нѣмецкомъ языкѣ о дѣлѣ и о успѣхахъ сего общества первыхъ десяти, а послѣднихъ три экземпляра и покорно прошу васъ, милостивый государь мой, употребить содѣйствіе ваше къ приглашенію, не пожедаятъ ли кто изъ нихъ вступить въ члены слободско-украинскаго отдѣленія русскаго библейскаго общества, обязуясь взносить ежегодно, ежемѣсячно или еженедѣльно какую угодно кому будетъ сумму, или быть благотворителемъ оного, сдѣлавъ единовременное пожертвованіе по мѣрѣ усердія своего, о тѣхъ же, которые изъявятъ желаніе свое на то или другое, пожаловать не оставить меня вашимъ увѣдомленіемъ. Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію честь имѣю быть, милостивый государь мой, вашего высокородія, покорнѣйшій слуга, Василій Муратовъ“.

²⁾ При немъ же и не безъ его вліянія образовались отдѣленія библейскаго общества въ гг. Курскѣ и Полтавѣ—въ первомъ по инициативѣ П. Кологривова, а во

ректоръ Джунковскій и инспекторъ казеннокоштныхъ студентовъ профессоръ философіи Дудровичъ; Осиповскій, очевидно, держался въ сторонѣ, и здѣсь кроется истинная причина вражды противъ него попечителя: это были люди двухъ крайнихъ полюсовъ. Къ воззрѣніямъ же попечителя приспособились Джунковскій и Дудровичъ, принявшіе на себя роль организаторовъ новаго студенческаго библейско-христіанскаго кружка и бывшіе, конечно, и его вдохновителями. Вотъ любопытныя оффиціальныя данныя объ этомъ дѣлѣ. Студенты обратились къ ректору университета проф. В. Я. Джунковскому съ ходатайствомъ слѣдующаго содержанія. „Еще въ первыхъ годахъ по открытіи слободско-украинскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества студенты Императорскаго Харьковскаго университета, движимые живѣйшимъ усердіемъ къ распространенію Слова Божія и одушевленные высокимъ примѣромъ его превосходительства г. попечителя Харьковскаго университета Захара Яковлевича Карпѣева, участвовали по мѣрѣ силъ своихъ въ распространеніи Слова Божія, слабыми, но отъ горячаго сердца приносимыми пожертвованіями. Радовались, видя, что и мы не отринуты въ семъ великомъ спасительномъ дѣлѣ; и чѣмъ болѣе удивлялись быстрымъ успѣхамъ распространенія священнаго писанія, чѣмъ болѣе чувствовали благотворное вліяніе на умы и сердца наши; тѣмъ болѣе воспламенялись жаромъ усугубить и силы наши и дѣятельность въ семъ дѣлѣ, коего польза столь открывалась предъ нашими очами и столь благотворно обнаруживалась надъ сердцами нашими. Вы проникли наши чувствованія и, съ началомъ наступившаго года, собравъ насъ и открывъ мысли свои въ пользу сего священнаго дѣла, представили чрезъ то самое счастливый случай совершить лучшія желанія нашихъ сердецъ. Преисполненные живѣйшею за то къ вамъ благодарностію, мы приступили немедленно къ исполненію предложенія вашего, столь согласнаго съ нашими чувствованіями, дабы образовать изъ среды себя библейское студентское сотоварищество, которое бы составляло часть слободско-украинскаго отдѣленія и по мѣрѣ силъ и способовъ своихъ могло хотя нѣсколько способствовать къ достиженію его цѣли, вносямъ жертвуемыхъ суммъ; но само, составляя нѣчто цѣлое, одушевляло бы духомъ любви къ слову Божію всѣхъ сочленовъ своихъ, сохраняя и утверждая въ сердцахъ ихъ навсегда сіи чувствованія, плѣнныя пользою и превосходствомъ сего священнаго дѣла;

второмъ князя Н. Г. Репнина; въ университетскомъ архивѣ сохранилась любопытная переписка З. Я. Карпѣева съ этими лицами; см. Дѣло поп. № 479/24, стр. 4—18 и Дѣло поп. № 397/19, стр. 31—32.

мы съ позволенія вашего открыли торжественно первое собраніе, приступивъ прежде всего къ избранію изъ среды себя лучшихъ для исправленія должностей, необходимо нужныхъ какъ для порядка, такъ и для дѣлъ имѣющихъ случиться. Въ слѣдствіе чего единодушно избраны въ директоры студентскаго библейскаго сотоварищества кандидаты—Александръ Склабовскій и Матвѣй Байковъ, въ секретари студентъ Иванъ Золотаревъ, въ кассиры студентъ Степанъ Сорочинскій, число членовъ при первомъ открытіи оказалось 68, взносу до 128 р. 50 к., какъ то можно усмотрѣть изъ приложеннаго при семъ списка. Чувствуемъ, что приношенія наши не важны и малы; но если живѣйшее усердіе можетъ замѣнить скудость приношенія, если пламенное рвеніе дѣйствовать по возможности силъ своихъ въ семъ спасительномъ дѣлѣ имѣетъ какую ни есть цѣну, то мы не жалѣемъ о сокровищахъ земныхъ, ибо чувствуемъ, что при вашемъ вниманіи и руководствѣ никогда не оскудѣемъ въ драгоценнѣйшихъ чувствахъ, живомъ усердіи и любви къ слову Божію. Ревностное участіе, какое вы оказали при первыхъ усиліяхъ нашихъ въ семъ святомъ дѣлѣ, заставляетъ насъ надѣяться, что вы не оставите и впредь насъ вашимъ столь лестнымъ для насъ соучастіемъ и руководствомъ и примите не оскорбляясь живѣйшую благодарность студентовъ, на которую приобрѣли вы неоспоримое право, открывъ намъ съ новымъ годомъ новое обширное поприще, гдѣ можно свободно удовлетворять всѣмъ благороднымъ и спасительнымъ внушеніямъ сердца. Изъявляя сіи наши мысли и чувствованія, мы покорнѣйше просимъ довести о томъ до свѣденія, куда слѣдуетъ и, утвердивъ наше сотоварищество по сему предмету, только для насъ возжелѣнному, снабдить насъ надлежащимъ въ семъ случаѣ руководствомъ и на счетъ прилагаемой при семъ суммы исходатайствовать для нашего сотоварищества одинъ экземпляръ греческой, одинъ латинской и одинъ славянской библіи съ російскимъ переводомъ. Подлинное подписали: директоры — Александръ Склабовскій и Матвѣй Байковъ, кассиръ Степанъ Сорочинскій и секретарь Иванъ Золотаревъ.

Списокъ членовъ сотоварищества слободско-украинскаго отдѣленія російскаго библейскаго общества: 1) Александръ Склабовскій 5 р. 2) Матвѣй Байковъ 5 р. 3) Николай Петровскій 1 р. 4) Василій Сухаревскій 50 к. 5) Степанъ Сорочинскій 1 р. 6) Александръ Шимановъ 1 р. 7) Николай Бѣляевъ 1 р. 8) Илья Ячной 1 р. 9) Иванъ Медвѣдевъ 25 к. 10) Іосифъ Осмоловскій 50 к. 11) Петръ Черкасовъ 1 р. 12) Алексѣй Самойленковъ 1 р. 13) Федоръ Билевъ 1 р. 14) Николай Бѣлицкій 1 р. 15) Егоръ Шимановъ 1 р. 16) Иванъ Серенковъ 2 р.

17) Викторъ Кириловъ 1 р. 18) Александръ Бульбицкій 2 р. 19) Павелъ Постниковъ 2 р. 20) Владиміръ Перцовъ 1 р. 21) Василий Стафоровъ 2 р. 22) Василий Скоробогачъ 1 р. 23) Назаръ Дружkevичъ 2 р. 24) Викторъ Бараковскій 1 р. 25) Дмитрій Сапфировъ 25 к. 26) Дмитрій Кузьмицкій 1 р. 25 к. 27) Андрей Карасевъ 2 р. 28) Иванъ Саламаха Арѣховскій 2 р. 29) Алексѣй Карасевъ 3 р. 30) Иванъ Бушковъ 1 р. 31) Василий Нѣжляцовъ 1 р. 32) Михайлъ Ситицкій 1 р. 33) Павелъ Юрьевъ 1 р. 34) Василий Карпенковъ 1 р. 50 к. 35) Николай Дмитріевъ 50 к. 36) Филиппъ Булахъ 1 р. 37) Григорій Поповъ 4 р. 38) Филимонъ Клименко 50 к. 39) Николай Афанасьевъ 1 р. 40) Петръ Рученковъ 1 р. 41) Александръ Пересвѣтовъ 1 р. 42) Семень Куницкій 2 р. 43) Николай Романовъ 2 р. 44) Иванъ Чунихинъ 2 р. 45) Василий Барщевскій 2 р. 46) Иванъ Золотаревъ 2 р. 47) Николай Спасскій 4 р. 48) Николай Оже 2 р. 49) Александръ Поповъ 4 р. 50) Павелъ Федоровичъ 1 р. 51) Иларіонъ Долгій 5 р. 52) Антонъ Дыздаревъ 4 р. 53) Ахилъ Тардифъ 1 р. 54) Николай Сухомлиновъ 1 р. 55) Сергѣй Лоби 1 р. 56) Иванъ Маскинъ 4 р. 57) Михайлъ Макаровъ 4 р. 58) Михайлъ Литвиновъ 2 р. 59) Афанасій Антоненко 1 р. 60) Шабановъ 2 р. 61) Александръ Станиславскій 5 р. 62) Василий Юшковъ 1 р. 63) Спиридонъ Скребцовъ 2 р. 64) Степанъ Полницкій 2 р. 65) Илья Климовъ 2 р. 66) Михайлъ Шевичъ 5 р. 67) Андрей Шевичъ 5 р. 68) Михайлъ Струковъ 2 р.; итого 128 р. 25 к.

Подлинный подписали директоры—Александръ Склабовскій, Матвѣй Байковъ, кассиръ Степанъ Сорочинскій и секретарь Иванъ Золотаревъ“.

Интересно, что документъ этотъ подтверждаетъ извѣстіе проф. Венедиктова о принадлежности къ библейскому обществу молодыхъ адъюнктовъ и кандидатовъ—Дудровича, Байкова, и присоединяетъ къ нимъ еще кандидата Склабовскаго. Очевидно, въ университетѣ среди молодежи образовалась группа лицъ, рѣшившихся слѣдовать примѣру пѣтиста — попечителя и осуществлять систему кн. А. Н. Голицына. Попечитель, получивъ вышеприведенную бумагу студентовъ отъ совета университета, отправилъ ее министру съ такимъ поясненіемъ. «Советъ Харьковскаго университета въ донесеніи своемъ ко мнѣ изъяснилъ, что студенты сего университета числомъ 68 человекъ, движимые живѣйшимъ усердіемъ къ распространенію слова Божія, въ подающемъ г. проректоромъ прошеніи, здѣсь въ копіи заключаемомъ, изъяснили желаніе составить изъ среды себя сотоварищество библейскаго общества, подъ ближайшимъ руководствомъ инспектора казеннокошт-

ныхъ студентовъ профессора Дудровича. Одобривъ такое похвальное и спасительное намѣреніе студентовъ, я поручилъ г. проректору сдѣлать надлежащее имъ наставленіе, чтобы сотоварищество сіе испросило отъ слободско-украинскаго отдѣленія російскаго библейскаго общества для занятій своихъ правила. Донося о семъ вашему сіятельству, я не могу не отдать совершенной справедливости г. проректору Джунковскому, который въ короткое время управленія своего, соотвѣтствуя долговременному моему попеченію о вкорененіи христіанской нравственности, успѣлъ направить давно уже готовне къ дѣлу господню умы молодыхъ людей къ истинной цѣли ихъ воспитанія¹⁾.

Этимъ давался блестящій аттестатъ Джунковскому, какъ человѣку, который прекрасно вошелъ въ виды попечителя о нравственномъ воспитаніи юношества. О дѣятельности студенческаго библейскаго общества И. П. Щелковъ, на основаніи документовъ университетскаго архива, сообщаетъ слѣдующія данныя. „Оно было основано въ 1821 году... Состояло главнымъ образомъ изъ студентовъ, но въ немъ участвовали также кандидаты и даже постороннія лица; такъ въ 1822 году изъявили желаніе быть членами его новый попечитель университета Е. В. Карпѣвъ и ректоръ Харьковскаго коллегіума архимандритъ Тимоѣй. Сотоварищество управлялось особымъ комитетомъ, директорами котораго были въ 1821 году кандидаты Склабовскій и Байковъ, а секретаремъ Золотаревъ; въ 1823 году въ помощь имъ избраны, въ директоры—студентъ Протопоповъ, а въ казначей—студентъ Дружkevичъ. Въ слѣдующемъ году добавлены еще два директора—кандидатъ Корсунъ и студентъ Шевичъ. Въ началѣ 1822 года сотоварищество имѣло 102 члена, а въ слѣдующемъ 1823 году 159 членовъ. По окончаніи года происходило генеральное собраніе, на которомъ произносились рѣчи и читался годовой отчетъ о дѣятельности сотоварищества; первое генеральное собраніе происходило 21 декабря 1821 года въ присутствіи ректора университета Джунковскаго и инспектора, своекоштныхъ и казеннокоштныхъ студентовъ — профессоровъ Дудровича и Пауловича. Изъ представленнаго попечителю краткаго отчета о занятіяхъ сотоварищества въ 1821 году видно, что главнымъ предметомъ ихъ было распространеніе книгъ священнаго писанія; съ этою цѣлью сотоварищество ознакомляло студентовъ съ дѣятельностью библейскаго общества и средствами къ полученію книгъ священнаго писанія; устраивало на своихъ собраніяхъ чтеніе христіанско назидательныхъ упражненій нѣкоторыхъ его членовъ и принимало мѣры къ умно-

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв.

женію какъ членовъ, такъ и благотворителей сотоварищества. Первымъ даромъ, полученнымъ сотовариществомъ, было 10 экземпляровъ посланій апостоловъ на славянскомъ и руссійскомъ языкахъ, пожерованныхъ извѣстными дѣателями библейскаго общества—пасторами Патерсономъ и Гендерсономъ. Часть собранныхъ въ 1821 году денегъ была употреблена для пособія пострадавшимъ отъ пожара. Второе генеральное собраніе происходило 2-го февраля 1823 года въ присутствіи бывшаго попечителя З. Я. Карнѣва, его преемника Е. В. Карнѣва и ректора Харьковскаго коллегіума архимандрита Тимофея. На немъ были произнесены рѣчи: студентомъ Сапфировымъ—о важности библейскихъ собраній, студентомъ Протопоповымъ—о важности евангельскаго ученія и секретаремъ сотоварищества кандидатомъ Золотаревымъ прочитанъ отчетъ за 1822-й годъ. Въ заключеніе было выслушано читаемое въ церкви въ этотъ день евангеліе¹⁾. О дальнѣйшей судьбѣ студенческаго сотоварищества мы ничего не знаемъ; можно только предполагать, что оно, по мысли главнаго дѣателя Склабовскаго, сдѣлавшагося тогда адъюнктомъ, повидимому должно было превратиться въ студенческое же общество любителей наукъ, философскій факультетъ составляющихъ, т. е. потерять исключительно духовно-филантропическій характеръ и превратиться въ научно-литературный кружокъ²⁾. Объ уставѣ этого кружка мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь сообщимъ еще объ эпитафѣ библейскаго сотоварищества. Въ 1832 году Харьковская духовная консисторія обратилась въ правленіе университета съ бумагой, въ которой сообщалось, что за бывшимъ комитетомъ студенческаго библейскаго сотоварищества числится долгъ въ размѣрѣ 60 рублей за книги священнаго писанія, розданныя, по его объясненію, безвозмездно бѣднѣйшимъ студентамъ Харьковскаго университета и въ городскую тюрьму. По введеннымъ справкамъ оказалось, что въ составъ комитета тогда входили директоръ—профессоръ Матвѣй Андреевичъ Байковъ, магистръ Александръ Васильевичъ Склабовскій, кандидатъ Матвѣй Николаевичъ Протопоповъ, казначей Дмитрій Павловичъ Сапфировъ, секретарь кандидатъ Иванъ Яковлевичъ Золотаревъ; изъ нихъ первые три въ это время не состояли уже въ вѣдомствѣ университета, а отъ остальныхъ двухъ, бывшихъ учителями въ гимназіяхъ, получены были объясненія³⁾.

¹⁾ Журн. мин. нар. просвѣщ. 1890, октябрь, стр. 375—376; ср. также докладъ попеч. З. Карнѣва министру, изъ коего видно, что въ 1822 году было внесено деньгами 266 р., а въ 1823 г.—615 р.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. №960/52.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 3351/206.